ОЧЕРКИ ИЗЪ ЖИЗНИ ОБЕЗЪЯНЪ.

ОЧЕРКИ

ИЗЪ

ЖИЗНИ ОБЕЗЪЯНЪ.

СЪ РИСУНКАМИ.

ОБРАБОТАНО ПО НОВѢЙШИМЪ СОЧИНЕНІЯМЪ

(БРЕМА И др.)

М. ХАНОМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДОКТОРА М. ХАНА.

1864.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 8 мая 1864 года.

ВВЕДЕНІЕ.

О положеніи человѣка въ ряду существъ животнаго царства.

Извѣстный французскій писатель Паскаль въ своемъ сочиненіи подъ заглавіемъ „Pensées“, разсуждая о положеніи, которое человѣкъ занимаетъ въ ряду живыхъ существъ, между прочимъ говоритъ: „Опасно дать человѣку ясно замѣтить, на сколько онъ по наружности своей походитъ на животныхъ, не показывая ему въ тоже время всего его величія и превосходства передъ ними. Опасно также превозносить его преимущества, не указывая ему вмѣстѣ съ тѣмъ и всей ничтожности его земнаго существованія. Но гораздо опаснѣе для него оставаться въ совершенномъ невѣденіи того и другаго, т. е. не сознавать ни своихъ достоинствъ, ни своихъ недостатковъ. Напротивъ того, человѣку чрезвычайно полезно имѣть ясное понятіе какъ о томъ, что его сближаетъ съ другими существами, такъ и о томъ, что его отличаетъ отъ нихъ.“

Въ справедливости этихъ словъ никому нельзя сомнѣваться. Кто не вникаетъ глубже въ сущность человѣческаго бытія, а разсматриваетъ его только поверхностно, по однимъ внѣшнимъ отношеніямъ его къ животному царству, тотъ рано или поздно непремѣнно впадаетъ въ крайность: — или онъ дѣлается исключетельнымъ матеріалистомъ, который не находитъ между человѣкомъ и животнымъ другой разницы, кромѣ наружнаго очертанія и большей или меньшей соразмѣрности въ составныхъ частяхъ, и на этомъ основаніи не признаетъ за человѣкомъ высшаго положенія въ міросозданіи противъ другихъ твореній вселенной; или же переходя къ другой крайности, становится спиритуалистомъ, и въ такомъ случаѣ смотритъ на все, касающееся человѣка, какъ на нѣчто особенное, исключительное, не подчиняющееся общимъ законамъ, которымъ подвержены всѣ другія существа. Этотъ невѣрный взглядъ ведетъ къ тому, что въ своемъ высокомъ понятіи объ исключительности человѣческой природы, надменный спиритуалистъ едва ли не ставитъ себя наравнѣ съ Творцемъ своимъ, и вслѣдствіе того съ пренебреженіемъ смотритъ на подчиненныя ему созданія великаго, всемогущаго мудреца; естествоисторическія описанія животнаго царства оскорбляютъ его самолюбіе и даже возбуждаютъ въ немъ презрительное отвращеніе, потому что въ главѣ млекопитающихъ животныхъ поставленъ человѣкъ. Гордясь своею особенною природою, онъ считаетъ для себя униженіемъ признавать свою зависимость отъ тѣхъ же условій, которымъ подчинены всѣ прочія существа божьяго міра.

Однако при хладнокровномъ разсужденіи мы не находимъ никакого основанія оскорбляться тѣмъ, что естествоиспытатели указываютъ намъ мѣсто въ ряду всѣхъ прочихъ существъ

животнаго царства. И эти нелюбезные, хотя нѣсколько откровенные ученые умѣютъ цѣнить достоинство человѣка, его преимущества и превосходства передъ всѣми животными существами: они также ставятъ его выше всѣхъ твореній, по исключительнымъ, ему одному свойственнымъ особенностямъ, а именно разуму, волѣ и душѣ, которою одаренъ только человѣкъ. Но согласно общему плану созданія органическихъ существъ, въ природѣ все подчиняется однимъ и тѣмъ же законамъ, отъ которыхъ слѣдовательно не можетъ отклониться и самое высокое, самое благородное и самое совершенное изъ всѣхъ созданій—человѣкъ. Какъ въ немъ, такъ и въ животномъ и даже во всякомъ растеніи духъ творческой силы одинаковымъ образомъ поддерживаетъ существованіе организма, и если оно проявляется въ нихъ различно, то это только благодаря разнообразной сложности ихъ органовъ. Всѣ живыя существа, начиная отъ самаго высшаго, до самаго нисшаго, т. е. отъ человѣка до полипа, представляютъ собою рядъ организмовъ, которые совершенно одинаковы какъ относительно основнаго плана строенія тѣла, такъ и относительно общихъ законовъ питанія, развитія, размноженія и пр., и отличаются только большимъ или меньшимъ совершенствомъ отдѣльныхъ органовъ и ихъ отправленій, такъ что это совершенство постепенно становится менѣе замѣтно, по мѣрѣ того, какъ доходятъ до полиповъ, представляющихъ самую нисшую степень животной жизни и переходъ къ жизни растительной. Строеніе скелета обезьяны мало отличается отъ строенія человѣческаго скелета, а скелетъ собаки мало разнится отъ скелета иныхъ обезъянъ, и т. д., но чѣмъ больше мы удаляемся отъ человѣка къ другимъ нисшимъ существамъ животнаго царства, тѣмъ поразительнѣе становится различіе въ

строеніи скелетовъ, такъ что между двумя крайними предѣлами, т. е. между человѣкомъ и полипомъ, различіе уже громадное, чудовищное; но не смотря на то, основный типъ, основный планъ и законы творенія и существованія для всего животнаго царства остаются не измѣнными, постоянными.

Чѣмъ же, послѣ этого, естествоиспытатели оскорбляютъ человѣческое достоинство, если они ставятъ человѣка въ главѣ млекопитающихъ животныхъ? уменьшаютъ ли этимъ хотя сколько нибудь тѣ преимущества, которыми онъ пользуется, благодаря разуму, волѣ и душѣ? Естествоиспытатели отдаютъ человѣку должную справедливость и признаютъ въ немъ все его величіе, точно также какъ отдаютъ преимущество въ благородствѣ созданія одной породѣ передъ другой, напр. лошади передъ пресмыкающимся животнымъ. Причисляя человѣка къ животному царству, они вовсе не желаютъ этимъ выказать грубаго матеріализма, а только слѣдуютъ своему вѣрному убѣжденію, что всѣ существа органической природы созданы и поддерживаются однѣми и тѣми же творческими силами, согласно вѣковымъ незыблемымъ законамъ, установленнымъ непостижимымъ для насъ Творцомъ. Человѣкъ выше всѣхъ существъ природы душою, но родится, живетъ и умираетъ по тѣмъ же физическимъ законамъ, какъ и другія творенія. Не стыдится же никто изъ ученыхъ или поэтовъ, стяжавшихъ громкую славу, что родился тѣмъ же путемъ, какъ и грубый невѣжа, не кажется же ему унизительно поддерживать свое существованіе такимъ же матеріальнымъ образомъ какъ и самый безграмотный! онъ тѣмъ не менѣе сознаетъ свое превосходство и остается въ уважаемомъ кругу своей достойной дѣятельности. Почему же ему гнушаться тѣмъ, что и животное родится при тѣхъ же условіяхъ и поддер-

живаетъ свое физическое существованіе такими же средствами? Развѣ материнская любовь утрачиваетъ свою прелесть и высокое достоинство оттого, что и курица оказываетъ привязанность къ своимъ птенцамъ? развѣ вѣрность и преданность теряетъ свое высокое значеніе въ человѣкѣ вслѣдствіе того, что и собака обладаетъ этими благородными качествами? — Человѣкъ всегда останется высшимъ уважаемымъ существомъ, а собака злымъ, лающимъ животнымъ!

ОБЪ ОБЕЗЪЯНАХЪ ВООБЩЕ.

—

§ 1.

Строеніе и скелетъ обезъянъ.

По строенію своему, изъ всѣхъ существъ животнаго царства, обезъяны всего болѣе походятъ на человѣка, и это сходство такъ велико, что во всѣ времена и даже до сихъ поръ еще у многихъ народовъ существуетъ повѣрье, будто обезъяны потомки людей, превращенныхъ какою то злою судьбою.

Изъ древнихъ народовъ одни индусы и египтяне оказывали обезъянамъ извѣстную степень уваженія и привязанности. Древніе индусы, какъ и въ послѣднее время нѣкоторые изъ ихъ потомковъ, выстраивали для нихъ храмообразные домы; древніе египтяне вырѣзали формы обезъянъ изъ порфира и изображали по ихъ образцу своихъ идоловъ. У другихъ народовъ пристрастіе къ обезъянамъ имѣло другую побудительную причину: Саломонъ, какъ извѣстно, держалъ ихъ у себя только для удовольствія и развлеченія; точно также и римляне, которые, кромѣ того, употребляли ихъ также для ана-

томическихъ изслѣдованій, съ цѣлью изучать на нихъ строеніе человѣческаго тѣла, столь сходное по наружности со строеніемъ тѣла обезъяны. Римляне потѣшались подражательною способностью этихъ уморительныхъ созданій, а иногда даже заставляли ихъ сражаться съ хищными звѣрьми, но никогда не привязались къ нимъ до того, чтобы забывать ихъ животную природу. Аравитяне же, напротивъ того, смотрѣли на обезъянъ какъ на презрѣнныхъ людей, отвергнутыхъ и проклятыхъ аллахомъ, которые были превращены имъ въ животныхъ и поэтому соединяютъ въ себѣ изображеніе нечистаго духа и адамова сына.

Что касается до насъ европейцевъ, то намъ обыкновенно нравятся только тѣ обезъяны, которыя всего менѣе имѣютъ сходства съ человѣкомъ; болѣе же походящія на него, напротивъ того, возбуждаютъ у насъ отвращеніе, потому что онѣ показываютъ намъ человѣческую красоту въ безобразномъ видѣ.

Впрочемъ, въ строеніи своемъ обезъяны имѣютъ только поверхностное сходство съ человѣкомъ, а въ умственныхъ способностяхъ онѣ даже далеко отстаютъ отъ него и подходятъ ближе къ другимъ животнымъ. Въ человѣческомъ тѣлѣ усматривается болѣе или менѣе правильная, можно сказать, совершенная соразмѣрность формъ, между тѣмъ какъ въ строеніи обезъянъ большею частью замѣтны отвратительная несоотвѣтственность и уродливость. Одинъ взглядъ на скелетъ человѣка и обезъяны уже показываетъ намъ громадное различіе между ними (см. рисунки стр. 14 и 15, представляющіе скелеты человѣка и горилы). Почти ни одно другое млекопитающее животное не отличается такою неправильностью въ составѣ членовъ, какъ обезъяны. У нихъ ни въ

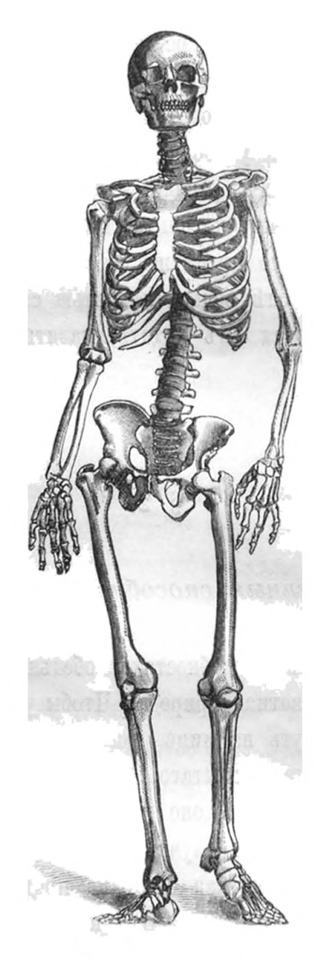
чемъ нѣтъ никакой соразмѣрности; весь скелетъ ихъ какъ бы изуродованъ. Даже въ ростѣ обезъянъ мы видимъ поразительныя крайности: однѣ достигаютъ величины человѣка, другія напротивъ, только величины бѣлки; лице у иныхъ продолговатое, какъ у собакъ, у другихъ короткое и плоское; хвостъ у иныхъ равняется длинѣ тѣла, а у другихъ его вовсе нѣтъ. Руки, которыя имѣютъ обезъяны, также не даютъ имъ большаго преимущества передъ другими животными, такъ какъ онѣ большею частью служатъ имъ только вмѣсто ногъ, помогая имъ ходить, лазить и держаться.

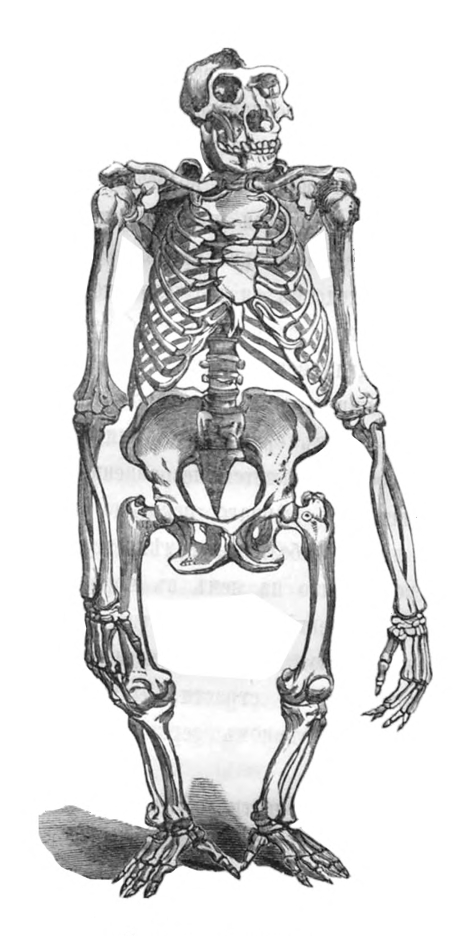
§ 2.

Умственныя способности обезъянъ.

Въ умственныхъ способностяхъ обезъянъ еще болѣе выражается ихъ животная природа. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на лице любой обезъяны; на немъ вы никогда не увидите открытаго, благороднаго, или добродушнаго выраженія. Правда, оно иногда выражаетъ нѣжность и кротость, но въ такомъ случаѣ носитъ большею частью отпечатокъ тупоумія: кроткая обезъяна представляетъ лѣнивое, сонное и скучное животное. Въ спокойномъ состояніи духа лице орангъ-утанга еще имѣетъ нѣкоторое сходство съ человѣческимъ, но какъ только въ душѣ его пробудилась страсть, онъ тотчасъ же обнаруживаетъ всю свою животную природу, такъ что и тѣ, которые любятъ обезъянъ, мгновенно и са-

Скелетъ человѣка.

Скелетъ горилы.

мымъ непріятнымъ образомъ поражаются отсутствіемъ высокаго, безволосаго чела человѣка и правильнаго подбородка, даже отсутствіемъ выраженія сильнаго гнѣва, которое при такомъ случаѣ замѣтно въ глазахъ человѣка: въ подобныя минуты сморщенный и обросшій волосами лобъ, безобразное рыло со скалистыми зубами хищнаго животнаго, плоскій носъ и сверкающіе глаза разъяренной обезьяны удаляютъ всякую мысль о сходствѣ ея съ человѣкомъ. Толстое лице павіана или мандриля, вслѣдствіе глубокихъ бороздъ, которыми оно изрыто, и сверкающихъ въ немъ коварныхъ, лукавыхъ глазъ, принимаетъ всегда такое отвратительное скотское выраженіе, что въ сравненіи съ нимъ морда благородной домашней собаки кажется несравненно пріятнѣе и производитъ впечатлѣніе вѣрнаго, искренно преданнаго друга.

Выраженіе лица у обезьянъ измѣняется съ такою неимовѣрною быстротою, что на немъ въ короткое время можно прочитать всѣ внутреннія ихъ чувства: кротость и ярость, вѣрность и коварство, жадность къ наслажденіямъ, сладострастіе и многія другія страсти, быстро отражаются одна за другою въ этомъ вѣрномъ зеркалѣ внутреннихъ ощущеній обезьяны.

Степень впечатлительности обезьянъ неодинакова: чѣмъ обезьяна смышленнѣе, лукавѣе, хитрѣе, коварнѣе и сладострастнѣе, тѣмъ лице ея впечатлительнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безобразнѣе. Невинное, дѣтское выраженіе замѣтно только между кроткими, болѣе слабоумными обезьянами, хотя и у нихъ лице мѣняется еще довольно быстро и многоразлично. Замѣчательно, что вмѣстѣ съ умомъ у обезьянъ развиваются только дурныя, а отнюдь не хорошія ихъ качества.

Впрочемъ, кромѣ дурныхъ качествъ, у обезьянъ замѣча-

ются также многія хорошія свойства, особенно если онѣ не находятся подъ вліяніемъ гнѣва: онѣ тогда умны и веселы, кротки и нѣжны, довѣрчивы въ отношеніи къ человѣку, котораго онѣ умѣютъ развлекать; нерѣдко онѣ выказываютъ храбрость и самоотверженіе, когда дѣло идетъ о защитѣ того семейства, къ которому принадлежатъ. Въ любви къ своимъ дѣтенышамъ онѣ могутъ даже служить примѣромъ для человѣка; къ сожалѣнію онѣ преувеличиваютъ эту добродѣтель до такой степени, что она становится смѣшною. Онѣ не лишены также чувства состраданія, и заботятся о слабыхъ и малолѣтнихъ, хотя бы послѣднія принадлежали къ совершенно другой породѣ.

Умственное развитіе, котораго обезъяны вообще могутъ достигнуть, вовсе не ставитъ ихъ такъ высоко надъ другими млекопитающими животными, какъ это обыкновенно полагаютъ. Древніе писатели особенно превозносили умственныя способности обезъянъ. Они увлекались необыкновенною ловкостью и понятливостью, которыя онѣ выказываютъ, и приписывали эти качества ихъ умственному развитію, на томъ основаніи, что другія животныя не могутъ сравняться съ ними въ этомъ отношеніи. На дѣлѣ же обезъяны не очень то умнѣе другихъ умныхъ млекопитающихъ животныхъ, напр. слона или собаки. Онѣ кажутся болѣе умными только потому, что у нихъ есть руки, которыя даютъ имъ возможность дѣлать то, на что не способны другія животныя, по недостатку этихъ важныхъ членовъ. Притомъ же обезъяны одарены рѣдкою подражательною способностью, вслѣдствіе чего ихъ весьма легко пріучать къ разнымъ искуствамъ; но онѣ никогда не исполняютъ съ охотою того, къ чему ихъ пріучили; ихъ всегда надо принуждать, между тѣмъ какъ

пріученная собака напротивъ всегда съ удовольствіемъ и готовностью исполняетъ приказанія своего хозяина. Обезьяну не трудно пріучить употреблять при ѣдѣ ложку, ножикъ и вилку, пить изъ стакана, надѣвать платья, носить воду, стряпать и т. д., но она никогда не исполняетъ всего этого съ такимъ рвеніемъ и точностью, какъ хорошо воспитанная и пріученная собака, которая къ тому же выказываетъ и больше ума. Однако за всѣмъ тѣмъ въ большей части обезьянъ никакъ нельзя отвергать извѣстной степени умственной способности: онѣ напр. часто обдумываютъ то, что дѣлаютъ, кромѣ того обладаютъ превосходною памятью, умѣютъ съ пользою примѣнять свою опытность къ дѣлу и довольно хитро соблюдаютъ свои выгоды. Онѣ очень ловко умѣютъ скрывать свои злыя намѣренія, избѣгать опасности и придумывать средства для своей защиты. Впрочемъ все это мы видимъ также у слона и у собаки, иногда даже въ гораздо большихъ размѣрахъ. Онѣ скоро привязываются къ человѣку, но этой привязанности столь же легко лишиться, какъ и пріобрѣсти ее.

Замѣчательно, что всѣ обезьяны, не смотря на умъ, которымъ онѣ одарены, часто вдаются въ самые грубые обманы. Это происходитъ оттого, что страсти у нихъ обыкновенно берутъ верхъ надъ размышленіемъ; когда въ нихъ раждается желаніе, то онѣ увлекаются имъ до того, что не обращаютъ уже болѣе вниманія ни на какія ловушки, даже самыя явныя; имѣя въ виду только удовлетвореніе своей жадности, онѣ совершенно не замѣчаютъ грозящей имъ опасности. Въ этомъ отношеніи лисица, напримѣръ, значительно отличается отъ обезьяны: только самый жестокій голодъ иногда затавляетъ ее подойти близко къ западнѣ, и то лишъ въ такомъ случаѣ, когда послѣдняя поставлена съ особымъ

искуствомъ. Бываютъ примѣры, что лисица даже откусываетъ себѣ лапу, чтобы только освободиться изъ ловушки; обезъянѣ же подобная мысль никогда и въ голову не приходитъ. Малайцы выдалбливаютъ полость въ твердыхъ тыквахъ и, оставляя въ нихъ маленькое отверстіе, наполняютъ ихъ разными съѣдобными веществами, особенно сахаромъ или плодами, на которые обезъяны вообще очень падки. Чтобы воспользоваться этими лакомствами онѣ, хотя съ трудомъ, просовываютъ свои руки черезъ узкія отверстія и скорѣе дадутъ себя поймать, чѣмъ выпустятъ захваченный ими лакомый кусочекъ. Въ этомъ родѣ страсти овладѣваютъ даже самыми опытными обезъянами, такъ что, по уму, ихъ никакимъ образомъ нельзя сравнить съ человѣкомъ, отъ котораго онѣ отличаются еще тѣмъ, что у нихъ умъ слабѣетъ съ лѣтами, между тѣмъ какъ у человѣка это бываетъ наоборотъ: чѣмъ старше обезъяна, тѣмъ болѣе въ ней преобладаютъ страсти и животная природа. Правда, воспитаніе значительно развиваетъ умственныя способности обезъянъ, однако вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ никогда въ этомъ отношеніи не достигаютъ.

Впрочемъ въ свободномъ, дикомъ состояніи обезъяны обнаруживаютъ не больше умственныхъ способностей, чѣмъ другія млекопитающія животныя; умъ ихъ преимущественно развивается только тогда, когда онѣ часто находятся въ обществѣ людей.

§ 3.

Распространеніе, питаніе и двигательная способность обезъянъ.

Въ древнія времена обезъяны были распространены на гораздо большемъ пространствѣ земнаго шара, чѣмъ въ настоящее время. Онѣ водились въ южной Европѣ, во Франціи и Англіи. Но это были другаго рода обезъяны, которыя могли переносить суровость климата. Теперь онѣ водятся только въ теплыхъ странахъ, такъ какъ равномѣрная теплота составляетъ необходимое условіе ихъ существованія. Только нѣкоторые павіаны иногда подымаются довольно высоко на горные хребты, и переносятъ болѣе значительный холодъ. Почти всѣ другія обезъяны чрезвычайно чувствительны къ холоду, который нерѣдко вызываетъ у нихъ жалобные крики. Недостатокъ теплоты служитъ главною причиною ихъ недолговѣчности въ нашемъ климатѣ.

Въ каждой части земнаго шара существуютъ особые виды обезъянъ, но нѣкоторые изъ нихъ живутъ какъ въ Африкѣ, такъ и въ Азіи, что впрочемъ легко объясняется сосѣдствомъ этихъ двухъ частей свѣта. Въ Европѣ имѣется только одинъ видъ обезъянъ, который живетъ подъ утесистыми стѣнами Гибралтара подъ защитою гарнизона этой крѣпости. Но по всей вѣроятности праотцы ихъ были привезены туда изъ сосѣднихъ странъ Африки. Къ сѣверу отъ экватора обезъяны водятся до 37° сѣверной широты, а къ югу до 29° южной широты.

Кругъ распространенія одного и того же вида довольно ограниченъ, но въ отдаленныхъ странахъ одной и той же части земли обитаютъ обезъяны очень сходныя между собою.

Большая часть обезъянъ живетъ въ лѣсу, и только немногія изъ нихъ водятся въ утесистыхъ горахъ. Такъ какъ по тѣлосложенію своему онѣ способны лазить, то деревья служатъ для нихъ самымъ любимымъ мѣстопребываніемъ. Однако тѣ обезъяны, которыя постоянно живутъ на утесахъ, очень неловки и потому подымаются на деревья только въ случаѣ крайней необходимости.

Обезъяны безспорно принадлежатъ къ самымъ живымъ и расторопнымъ млекопитающимъ животнымъ. Въ то время, когда онѣ пріискиваютъ себѣ кормъ, онѣ ни на минуту не остаются въ покоѣ и постоянно шныряютъ съ одного мѣста на другое. Употребляемая ими пища очень разнообразна; онѣ ѣдятъ все, что съѣдомо. Плоды, луковицы, шишкообразные плоды, корни, сѣмена, орѣхи, почки, листья и сочные стебли составляютъ главную ихъ пищу; но онѣ не пренебрегаютъ также насѣкомыми, а яйца, молодые птенцы и т. п. служатъ имъ лакомствомъ. Права собственности проказницы-обезъяны нисколько не уважаютъ: „мы сѣемъ, а обезъяны жнутъ,“ говорятъ аравитяне восточнаго Судана. Онѣ забираются на поля и въ сады, и тамъ въ десять разъ болѣе портятъ и разрушаютъ, чѣмъ съѣдаютъ. Отъ такихъ мошенниковъ нельзя избавиться ни задвижками, ни замками, ни заборами, ни стѣнами, потому что замки и задвижки онѣ ломаютъ, а черезъ заборы и стѣны перебираются какъ нельзя лучше. Все то, чего не могутъ съѣсть, онѣ уносятъ съ собою, въ томъ числѣ также золото и драгоцѣнные камни. Любопытно видѣть цѣлую шайку обезъянъ въ то время, когда она отправляется въ

походъ на пріисканіе добычи; дѣятельность и расторопность, которыя онѣ при этомъ выказываютъ, представляютъ восхитительное зрѣлище. Всѣ искуства употребляются ими въ дѣло! — онѣ бѣгаютъ, прыгаютъ, лазятъ, кривляются, а въ крайнихъ случаяхъ даже плаваютъ. Ловкость, съ какою онѣ лазятъ по деревьямъ, превосходитъ всякое представленіе. Кромѣ неповоротливыхъ павіановъ и орангъ-утанговъ, всѣ другія обезьяны удивительно искусные лазуны: нерѣдко онѣ съ вершины дерева въ 20 или даже 30 футовъ вышиною дѣлаютъ быстрый прыжокъ, и на лету хватаются за кончикъ вѣтви, которая отъ тяжести сильно сгибается; а когда послѣдняя отскакиваетъ назадъ, то дѣлаютъ другой смѣлый скачокъ. Спустившись такимъ образомъ на земь, онѣ продолжаютъ путь черезъ самые страшные тёрни и бѣгаютъ по нимъ какъ по паркетному полу. Вьющееся растеніе служитъ обезьянамъ удобною лѣстницею, а древесный пень какъ бы протоптанною дорогою. Онѣ одинаково ловко и проворно лазятъ головою или задомъ впередъ, какъ снизу вверхъ, такъ и сверху внизъ; брошенныя на вершину дерева, онѣ одною рукою обхватываютъ какой-нибудь сукъ и остаются висѣть на немъ до тѣхъ поръ, пока онъ не перестанетъ качаться, послѣ чего спокойно подымаются по ней какъ будто онѣ шли по отличной лѣстницѣ. Когда переламывается сукъ, на которомъ онѣ сидятъ, то во время паденія хватаются за другой, а если имъ даже и случается падать, то онѣ при этомъ обыкновенно не подвергаются никакому повреждению. То, чего не могутъ захватить рукою, онѣ захватываютъ ногою, иныя даже хвостомъ, который зачастую служитъ также лѣстницею какъ имъ самимъ, такъ и другимъ обезьянамъ. Онѣ иногда зацѣпляются хвостомъ за сукъ и качаются для

своего удовольствія, а въ иной разъ имъ же достаютъ себѣ пищу изъ узкихъ разщелинъ, въ которыя нельзя просунуть руки; на хвостѣ же иногда покоятся дѣтеныши ихъ.

Всѣ обезъяны обладаютъ необыкновенною силою: онѣ сплошъ да рядомъ подымаютъ такія тяжести, которыя нашимъ членамъ рѣшительно не въ моготу.

Впрочемъ проворство и ловкость свою обезъяны выказываютъ только при лазаніи; походка у нихъ, напротивъ того, болѣе или менѣе тяжелая и неповоротливая. Всего ловчѣе ходятъ еще проворныя мартышки и расторонныя игрунки, а нѣкоторые виды ихъ выступаютъ даже очень легко. У павіановъ походка довольно смѣшная: они идутъ какъ будто прихрамывая, и при этомъ до того виляютъ толстою заднею половиною тѣла, что такъ и кажется, будто они исполняютъ пляску нѣмецкихъ крестьянъ. Хотя многія обезъяны, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, и проходятъ небольшое пространство на однѣхъ ногахъ, однако для нихъ это очень трудно и онѣ никогда долго не могутъ ходить въ совершенно отвѣсномъ положеніи, подобно человѣку; бѣгаютъ же онѣ всегда не иначе какъ на четвереренькахъ.

Иныя обезъяны, напр. мартышки, плаваютъ превосходно, другія, какъ то павіаны, отчасти также и ревуны, попадая въ воду, тотчасъ же уходятъ ко дну, какъ свинецъ. По этому неумѣющія плавать чрезвычайно боятся воды: однажды семейство обезъянъ, изнуренное голодомъ, нашли на деревѣ, которое вслѣдствіе наводненія стояло глубоко въ водѣ, и потому обезьяны не рѣшались перебраться на другія деревья, находившіяся на разстояніи всего какихъ нибудь шестидесяти шаговъ. Естествоиспытатель Уллоа, описывая бразильскихъ животныхъ, разсказываетъ между прочимъ о

довольно забавномъ мостѣ, который обезъяны въ подобныхъ случаяхъ устроиваютъ себѣ для своего спасенія. Онъ увѣряетъ, что каждый изъ ревуновъ хватается руками за хвостъ другаго, пока не образуется длинная цѣпь обезъянъ; затѣмъ послѣдняя изъ нихъ укрѣпляется на вершинѣ дерева, а всѣ остальныя, составляющія цѣпь, общими силами начинаютъ раскачиваться и продолжаютъ это качаніе до тѣхъ поръ, пока самому послѣднему ревуну не удастся ухватиться за вершину дерева, стоящаго на противоположномъ берегу. По такому живому мосту, составленному изъ однѣхъ обезъянъ, держащихъ другъ друга за хвостъ, сперва переправляются молодыя и слабыя, которыя не участвуютъ въ образованіи цѣпи, затѣмъ послѣдняя обезъяна выпускаетъ захваченную ею вершину дерева, а первая тогда перетягиваетъ всю цѣпь обезъянъ на ту сторону рѣчки. Этотъ чрезвычайно остроумно придуманный и искусный мостъ служилъ бы удивительнымъ примѣромъ архитектурнаго искуства, если бы разсказъ нашего ученаго естествоиспытателя не принадлежалъ къ области шутливыхъ и забавныхъ басней. Но замѣчательно, что даже въ наше время многіе ученые убѣждены въ истинѣ этого разсказа.

§ 4.

Общественная жизнь обезъянъ.

Общественная жизнь обезъянъ чрезвычайно занимательна

для наблюдателя. Только не многіе виды ведутъ отдѣльную, одинокую жизнь; большая же часть обезьянъ живетъ семействами или шайками, изъ которыхъ каждое выбираетъ себѣ постоянное, болѣе или менѣе обширное мѣсто жительства. Выборъ этотъ всегда падаетъ на такія мѣстности, которыя во всѣхъ отношеніяхъ благопріятны для существованія, и когда онѣ становятся неудовлетворительными, шайка переселяется на другое мѣсто. Лѣса, находящіеся около заселенныхъ мѣстъ, считаются у нихъ раемъ; запрещенное дерево не удерживаетъ обезъянъ, лишь бы плоды его были вкусны. Поля, на которыхъ растутъ маисъ, сахарный тростникъ, фрукты, дыни, бананы и пизангъ, предпочитаются ими передъ всѣми другими мѣстностями. Когда шайка уже выбрало себѣ мѣсто жительства, то начинается настоящая жизнь обезъянъ съ ея радостью и удовольствіемъ, борьбою и невзгодами, заботами и нуждою. Одинъ изъ сильнѣйшихъ самцевъ, а это всегда бываетъ старшій, дѣлается предводителемъ; но этотъ санъ достается ему не съ общаго согласія, а обыкновенно послѣ упорной борьбы съ соперниками, т. е. со всѣми другими старшими самцами. Длинные зубы и мощныя руки рѣшаютъ споръ. Кто не хочетъ покоряться добровольно, того сильнѣйшій самецъ усмиряетъ укушеніями и ударами. Въ острыхъ зубахъ его заключается вся его мудрость, и сдѣлавшись начальникомъ шайки онъ требуетъ отъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ безусловнаго повиновенія и пользуется своею властью совершенно какъ неограниченный деспотъ. Даже въ обращеніи съ прекраснымъ поломъ, съ самками, онъ не выказываетъ ни малѣйшей рыцарской вѣжливости, и большею частью силою вынуждаетъ у нихъ награду за свою любовь. Ему, подобно вельможамъ среднихъ

вѣковъ, принадлежатъ первыя ласки всякой зрѣлой дѣвственности. Онъ становится родоначальникомъ цѣлаго поколѣнія и, благодаря множеству подчиненныхъ ему самокъ, родъ его сильно размножается. Ни одна изъ самокъ не смѣетъ завести любовной связи съ какимъ нибудь молокососомъ. Глаза предводителя зорки, и его наказанія очень строги; въ любовныхъ дѣлахъ онъ шутить не очень то любитъ, забывающихся самокъ онъ безъ пощады подчуетъ пощечинами или даже болѣе чувствительными ударами, а такія крутыя мѣры дѣйствительно отбиваютъ у нихъ всякую охоту кокетничать съ другими волокитами шайки. Молодому соблазнителю, нарушившему законы гарема гордаго султана, достается, конечно, еще хуже. Ревность доводитъ предводителя обезъянъ до жестокой ярости. Впрочемъ со стороны самки довольно глупо подавать поводъ къ такой ревности, такъ какъ глава семейства не забываетъ ни одной изъ самокъ, входящихъ въ составъ подчиненной ему шайки. Когда число членовъ семейства уже слишкомъ размножилось, то часть ихъ отдѣляется отъ главной массы и подъ предводительствомъ одной изъ выросшихъ обезъянъ отправляется на другое мѣсто, гдѣ между старшими опять таки начинается борьба за первенство и преимущество въ любви. Вообще рѣдкій день проходитъ безъ того, чтобы между обезъянами не было ссоры.

Впрочемъ предводитель обезъянъ обыкновенно исправляетъ свою должность съ большимъ достоинствомъ. Уваженіе, которымъ онъ пользуется между своими, доставляетъ ему нѣкоторую самостоятельность и увѣренность, которыхъ не замѣчается у его подчиненныхъ; всѣ ему льстятъ и угождаютъ какъ нельзя больше. Даже самки всячески стараются сни-

скать его расположеніе и благосклонность, расточая на него всѣ ласки, на которыя онѣ способны, и которыя заключаются особенно въ заботливости, съ какою онѣ чистятъ ему одежду, т. е. волосистую кожу, и сгоняютъ съ него докучливыхъ насѣкомыхъ; а важный родоначальникъ принимаетъ эту любезную внимательность съ осанкою знатнаго паши, которому любимая невольница чешетъ ноги. Но за то онъ и самъ неусыпно печется о безопасности своихъ подданныхъ, всюду направляетъ свои бдительные взоры, никому не довѣряется, и дѣйствительно почти всегда во-время открываетъ грозящую опасность.

Языкъ обезъянъ довольно богатъ звуками, по крайней мѣрѣ у каждой обезъяны есть нѣсколько различныхъ звуковъ, которыми она выражаетъ свои внутреннія ощущенія. Даже человѣкъ вскорѣ начинаетъ понимать значеніе звуковъ, которыми пользуется главная обезъяна для управленія своею шайкою; а восклицаніе ужаса, которымъ она приглашаетъ своихъ подчиненныхъ бѣжать, всегда очень выразительно. Описать это восклицаніе чрезвычайно трудно, но еще труднѣе подражать ему; объ немъ вообще можно сказать только то, что оно состоитъ изъ ряда короткихъ, отрывистыхъ, какъ бы дрожащихъ и чрезвычайно рѣзкихъ звуковъ, значеніе которыхъ обезъяна еще болѣе опредѣляетъ искривленіями лица. По этому предостерегательному возгласу вся шайка поспѣшно обращается въ бѣгство. Матери созываютъ своихъ дѣтенышей, которыхъ мигомъ забираютъ къ себѣ на спину, и быстро спасаются со своею дорогою ношею на сосѣднія деревья или утесы. Во время бѣгства старая обезъяна всегда идетъ впереди, чтобы указывать дорогу. И какъ только она остановится и успокоится, такъ опять вся шайка ея собирается

около нея и при благопріятныхъ обстоятельствахъ снова отправляется на грабежъ и добычу.

Однакожъ не всѣ обезъяны обращаются въ бѣгство при видѣ непріятелей; болѣе сильныя изъ нихъ зачастую смѣло становятся лицемъ къ лицу съ хищными животными и даже съ болѣе опаснымъ для нихъ врагомъ,—съ человѣчекомъ, причемъ побѣда нерѣдко остается за ними. Болѣе рослымъ обезъянамъ, особенно павіанамъ, зубы служатъ страшнымъ оружіемъ, если непріятель приближается къ нимъ одинъ, тѣмъ болѣе, что обезъяны другъ другу помогаютъ въ борьбѣ и во время сраженія обыкновенно держатся вмѣстѣ. Самки только тогда участвуютъ въ борьбѣ, когда имъ приходится защищать свою собственную безопасность или жизнь своего дѣтеныша, и тогда онѣ выказываютъ относительно столько же храбрости какъ и самцы.

Большая часть обезъянъ дѣйствуютъ и обороняются руками и зубами; онѣ царапаются и кусаются, а многіе естествоиспытатели единогласно утверждаютъ, что иные виды защищаютъ себя также палками и сломанными сучьями; однакожъ, достовѣрно извѣстно только то, что онѣ съ высоты утесъ или деревьевъ, бросаютъ въ своихъ непріятелей камнями, плодами, кусками дерева и т. п. Уже на павіана очень опасно выходить безъ огнестрѣльнаго оружія, а гориллы столь сильны и свирѣпы, что человѣкъ, вступающій съ ними въ борьбу, успѣваетъ воспользоваться своимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ только для своей собственной защиты, а отнюдь не для нападенія. Во всякомъ случаѣ безпримѣрная ярость обезъяны, придающая ей еще больше силы, чрезвычайно опасна, а свойственныя имъ всѣмъ ловкость и увертливость часто лишаетъ противника возможности нанести имъ рѣшительный ударъ.

На свободѣ каждый видъ обезъянъ живетъ отдѣльно, а если и живутъ вмѣстѣ съ другими, то только съ очень сходными видами; въ плѣну почти всѣ виды обезъянъ живутъ между собою дружно, однако и здѣсь сильнѣйшія присвоиваютъ себѣ власть, а другія подчиняются ей. Большія обезьяны всегда заступаются за маленькихъ й беззащитныхъ, и это дѣлаютъ не только самцы, но и самки. Большія самки обыкновенно охотно привязываются къ маленькимъ человѣческимъ дѣтямъ, равно и ко всѣмъ вообще молодымъ животнымъ, которыхъ можно носить на рукахъ. Хотя обезъяны питаютъ сильную ненависть къ другимъ животнымъ, но къ дѣтямъ и молодымъ онѣ чувствуютъ необыкновенную любовь, которая вошла даже въ поговорку. Эта любовь, конечно, всего сильнѣе къ своимъ собственнымъ дѣтенышамъ.

Обезъяны ражаютъ обыкновенно не болѣе одного дѣтеныша, и только немногіе виды приносятъ разомъ двухъ. Новорожденная обезъяна обыкновенно маленькая, очень некрасивая тварь; лице ея покрыто морщинами, такъ что скорѣе походитъ на старческое, чѣмъ на дѣтское. Однакожъ этотъ уродецъ становится любимцемъ матери, любовь кототорой нерѣдко даже превосходитъ любовь человѣческую; она сосредоточиваетъ на немъ всю свою заботливость, безпрестанно ласкаетъ его и всюду носитъ съ собою, такъ какъ онъ вскорѣ послѣ рожденія пріучается передними руками обхватывать шею матери, а задними прицѣпляться къ ея пахамъ, чтобы такимъ образомъ не мѣшать ей ни ходить, ни бѣгать.

Нѣжность матери къ своему дѣтенышу безгранична; она безпрестанно ухаживаетъ за своимъ любимцемъ: то облизываетъ его, то чешетъ, то прижимаетъ къ груди своей, то

приподымаетъ руками и любуется имъ, то наконецъ качаетъ его. Спустя нѣсколько времени маленькая обезъяна начинаетъ стремиться къ большей или меньшей самостоятельности и требуетъ нѣкоторой свободы. Мать никогда не противится этому желанію и, выпуская свое любимое дитя изъ рукъ, охотно позволяетъ ему потѣшаться съ другими молодыми обезъянами; но во все это время она безпрестанно наблюдаетъ за нимъ и почти не сводитъ съ него глазъ; куда бы онъ не шелъ, она всюду безропотно слѣдуетъ за нимъ и не мѣшаетъ ему дѣлать то, что не можетъ принести ему вреда. При видѣ малѣйшей опасности она тотчасъ же спѣшитъ къ нему на помощь и испускаетъ особый звукъ, которымъ приглашаетъ свое дитя спастись у ея груди. За непослушаніе заботливая мать наказываетъ его щипками или толчками, а иногда и настоящими пощечинами, но это случается рѣдко, потому что маленькая обезъяна вообще очень послушна и исполняетъ всѣ приказанія матери. Находясь въ плѣну она, какъ это часто замѣчали, раздѣляетъ съ своимъ любимцемъ каждый кусокъ пищи, и участіе, которое она принимаетъ во всемъ, что до него касается, иногда чрезвычайно трогательно. Смерть дитяти причиняетъ матери непреодолимое горе, которое *всегда* сводитъ ее въ могилу. Если молодая обезъяна лишается матери, то ее обыкновенно усыновляетъ одна изъ другихъ обезъянъ, которая въ такомъ случаѣ оказываетъ своему пріемышу или питомцу такую же нѣжную любовь и заботливость какъ и собственному дитяти. Обезъяны часто привязываются даже къ молодымъ животнымъ другихъ породъ и ухаживаютъ за ними съ нѣжностью; но (странное явленіе), при всей своей любви къ нимъ онѣ не раздѣляютъ съ ними пищи, какъ это онѣ дѣлаютъ съ пріемышами собственной

породы, а напротивъ безъ зазрѣнія совѣсти отнимаютъ у нихъ даже данный имъ кормъ. Это особенно замѣчали у павіановъ и мартышекъ, которые выбрали себѣ въ пріемыши молодыхъ щенковъ или котятъ. Обезъяны, вѣроятно, привязываются къ молодымъ животнымъ единственно изъ эгоизма, т. е. изъ желанія удовлетворить своей природной наклонности любить дѣтей.

—

§ 5.

О здоровьѣ обезъянъ и продолжительности ихъ жизни.

До сихъ поръ еще достовѣрно не извѣстно, сколько лѣтъ обезъянѣ нужно для того, чтобы достигнуть своего полнаго роста. Мартышкамъ и американскимъ обезъянамъ для этого вѣроятно нужны три или четыре года, а павіанамъ и орангъ-утангамъ — отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ. Живя на свободѣ, въ своемъ отечествѣ обезъяны, по видимому, подвергаются только немногимъ болѣзнямъ и вѣроятно доживаютъ до сороковыхъ годовъ. Привезенныя же къ намъ въ Европу всѣ страдаютъ отъ суровости климата. Отъ холода онѣ утрачиваютъ свой веселый и рѣзвый нравъ, здоровье у нихъ разстроивается и онѣ становятся тихими и грустными. Онѣ въ скоромъ времени обыкновенно поражаются леточною чахоткою, которая неминуемо влечетъ за собою смерть. У больной обезъяны

всегда бываетъ такой жалкій видъ, что никто безъ сострадания не можетъ смотрѣтъ на нее. Бѣдная страдалица, которая всегда отличалась своею веселостью, сидитъ на одномъ мѣстѣ унылая и грустная и умоляющими глазами смотритъ сочувствующему ей человѣку прямо въ лице. По мѣрѣ того какъ обезъяна приближается къ смерти, она становится все болѣе и болѣе кроткою, такъ что подъ конецъ ея животная природа совершенно уступаетъ благороднымъ наклонностямъ своей породы: она дѣлается признательною и благодарною за всякую оказываемую ей помощь, и вскорѣ узнаетъ во врачѣ своего благодѣтеля. Нерѣдко случалось, что обезьяны, которымъ разъ пускали кровь, при вторичномъ заболѣваніи, сами подставляли врачу руку, какъ бы прося его облегчить ихъ страданія кровопусканіемъ. Надо замѣтить, что въ нашемъ климатѣ, даже у здоровыхъ обезъянъ, хвостъ обыкновенно поражается болѣзнью, состоящею въ томъ, что кончикъ его изъязвляется, гніоится и подвергается омертвѣнію, вслѣдствіе чего постепенно отваливается одинъ суставъ послѣ другаго. Эта болѣзнь большею частью прерываютъ только тѣмъ, что отрѣзаютъ нѣсколько здоровыхъ суставовъ хвоста. Противъ легочной чахотки, къ сожалѣнію, вовсе нѣтъ средства, а потому привезенныя къ намъ обезъяны живутъ очень недолго, хотя нѣкоторые виды скорѣе привыкаютъ къ нашему климату, чѣмъ другіе.

---

§ 6.

Обезъяна какъ домашнее животное.

Держать въ домѣ обезъяну едва ли благоразумно, потому что хотя это животное и очень забавляетъ хозяина, но за то ему приходится терпѣть отъ него также много непріятностей. Крупные виды обезьянъ даже опасны, такъ какъ онѣ больно кусаются и царапаются. Давать обезъянѣ полную свободу, какъ домашнему животному, рѣшительно невозможно, потому что ея живая натура требуетъ постоянной дѣятельности, которая большею частью ограничивается разными проказами, имѣющими иногда весьма дурныя послѣдствія какъ для хозяина, такъ и для другихъ людей. Притомъ же иныя обезъяны своимъ неприличнымъ поведеніемъ часто оскорбляютъ чувство благопристойности.

Пріучить обезъяну къ разнымъ фокусамъ чрезвычайно легко: стоитъ только показать ей то, что она должна дѣлать и затѣмъ бить ее до тѣхъ поръ, пока она не исполнитъ требуемаго,—въ этомъ заключается все искуство обученія обезъяны. Одного или двухъ часовъ обыкновенно достаточно для того, чтобы обезъяну научить какому-нибудь фокусу; однакожъ послѣ того ее нужно заставлять часто упражняться, иначе она вскорѣ разучится, не смотря на то, что обезъяны одарены вообще очень хорошою памятью. Въ прокормленіи ихъ также не встрѣчаютъ никакихъ затрудненій: все, что человѣкъ употребляетъ въ пищу, охотно ѣдятъ

и обезъяны, такъ что издержки на ихъ содержаніе вообще незначительны.

Въ своемъ отечествѣ обезъяны болѣе приносятъ вреда, чѣмъ пользы. Мясо нѣкоторыхъ видовъ ѣдятъ, а кожу ихъ употребляютъ для шубъ, фуражекъ, кошельковъ и пр., но эта незначительная польза почти ничтожна въ сравненіи съ огромнымъ ущербомъ, который онѣ причиняютъ опустошеніемъ лѣсовъ, полей и садовъ.

ОБЪ ОБЕЗЪЯНАХЪ ВЪ ЧАСТНОСТИ.

ОБЕЗЪЯНЫ СТАРАГО СВѢТА ИЛИ УЗКОНОСЫЯ.

Catarrhinae.

Виды обезъянъ стараго свѣта представляютъ такое разнообразіе, что объ нихъ нельзя сказать ничего общаго. Въ древнія времена онѣ были распространены и по Европѣ, нынѣ же ихъ находятъ только въ Африкѣ и теплыхъ странахъ Азіи. На ногахъ у всѣхъ бываетъ по одному большому пальцу, точно также и на рукахъ, но только не у всѣхъ видовъ. Этотъ палецъ, какъ и у человѣка, можетъ приближаться ко всѣмъ другимъ пальцамъ. Ногти на пальцахъ плоскіе. Глаза всегда находятся впереди головы, никогда по бокамъ. Носъ плоскій (т. е. носовая перегородка узка). Зубы крѣпкіе. У иныхъ нѣтъ видимаго хвоста, у другихъ онъ различной длины. У нѣкоторыхъ видовъ имѣются различнаго цвѣта сѣдалищныя мозоли.

ЛѢСОВИКИ.

Troglodytes. — Waldmenschen.

Къ лѣсовикамъ относятся три вида обезъянъ: *горила*, *шимпанзе*, и *орангъ-утангъ:* первые два вида водятся въ Африкѣ, а послѣдній до сихъ поръ находили только на островахъ Борнео и Суматрѣ (¹). Всѣ они отличаются поразительнымъ сходствомъ съ человѣкомъ, длинными руками и совершеннымъ отсутствіемъ сѣдалищныхъ мозолей.

Горила.

Troglodytes gorilla. — Der Gorilla.

Замѣчательно, что открытіе горилы, сдѣланное по всей вѣроятности уже за многія столѣтія тому назадъ, подтвердилось только въ послѣднее время. По исторіи извѣстно, что карѳагеняне уже за слишкомъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ соорудили флотъ, который отправился къ западному берегу Африки съ цѣлью основывать тамъ колоніи. Около тридцати тысячъ человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, выѣхали изъ Карѳагенъ на шестидесяти большихъ корабляхъ подъ

(¹) Большіе зондскіе острова въ южной Азіи.

предводительствомъ Ганнона, который въ своемъ небольшомъ сочиненіи (Periplus Hannonis) самъ описалъ это мореплаваніе, и основали по берегамъ западной Африки семь колоній; однако недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ вскорѣ принудилъ ихъ возвратиться въ свое отечество. Въ этомъ сочиненіи Ганнонъ говоритъ, между прочимъ, объ одномъ открытіи, весьма интересномъ и для естествоиспытателей. Онъ пишетъ: „На третій день послѣ нашего отъѣзда изъ Сьерры Леоны (¹), мы пріѣхали къ заливу, называемому южнымъ рогомъ; позади его тянулся островъ съ озеромъ, на которомъ находился другой островъ, населенный какими то странными, дикими людьми, которыхъ толмачи называли *горилами*. Большая часть изъ нихъ были женщины съ тѣломъ, совершенно обросшимъ волосами. Изъ мужчинъ мы никого не могли поймать, потому что, когда мы ихъ преслѣдовали, они спасались въ пропасти или защищались булыжниками. Намъ удалось захватить только трехъ женщинъ, но такъ какъ ихъ нельзя было взять съ собою, потому что онѣ страшно кусались и царапались, то мы ихъ убили и снятую съ нихъ кожу отослали въ Карѳагенъ.“ — Кожи эти, какъ разсказываетъ Плиній, хранились въ храмѣ Юноны.

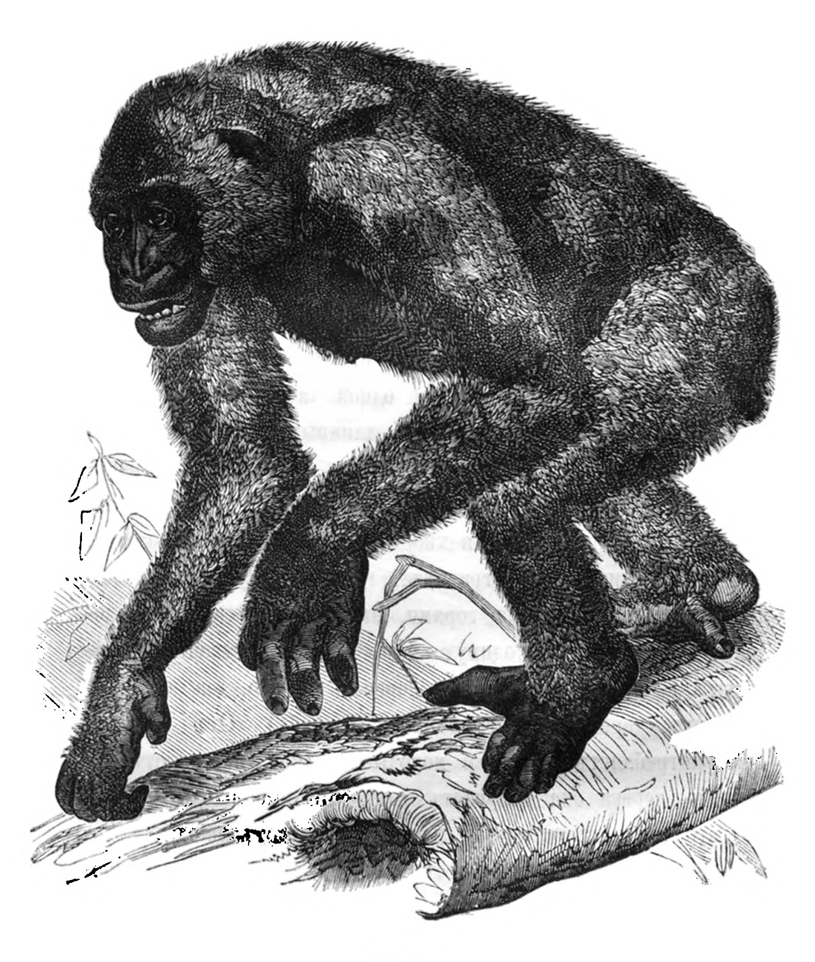
Нѣтъ никакого сомнѣнія, что волосатые люди, о которыхъ упоминаетъ Ганнонъ, были ничто иное какъ обезъяны изъ рода горилы. Но мы объ нихъ ничего не знали до 1847 г., когда ихъ снова открылъ миссіонеръ Саважъ. Этимъ открытіемъ объясняются повторявшіеся въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ нелѣпые толки о томъ, что въ африканскихъ

(¹) Въ верхней Гвинеѣ, въ западной Африкѣ.

лѣсахъ будто бы живутъ сатиры или особенный родъ дикихъ людей. Образованные люди смотрѣли на эти разсказы какъ на басни, порожденныя воображеніемъ невѣжественныхъ туземцевъ, пока наконецъ въ Европу не привезли нѣсколько экземпляровъ тѣхъ баснословныхъ обезъянъ или сатировъ. Сначала горилу причисляли къ одному виду съ шимпанзе, но болѣе тщательныя изслѣдованія доказали, что она значительно отличается отъ послѣдняго вида обезъянъ, и что она по этому должна считаться особымъ видомъ.

Горила водится въ тѣхъ странахъ западнаго берега Африки, которыя простираются на 10° или 15° къ югу отъ экватора и орошаются рѣками Габуномъ и Дангеромъ. Саважъ узналъ объ ней отъ мапонгвійскихъ негровъ, живущихъ по обѣимъ сторонамъ Габуна, отъ устья его на пространствѣ въ пятьдесятъ или шестьдесятъ миль внутрь страны. Если эта обезъяна оставалась неизвѣстною другимъ европейцамъ, посѣщавшимъ эту рѣку, то это вѣроятно потому, что она вообще не приближается къ берегу рѣки, а обыкновенно встрѣчается только во внутреннихъ мѣстностяхъ страны. Однако уже Бодвихъ, въ описаніи своего знаменитаго путешествія по Африкѣ, упоминаетъ о какой-то страшной обезъянѣ, живущей на западномъ берегу Африки, и которую туземцы называютъ „ингэна.“

Нисколько не удивительно, что Ганнонъ принялъ эту замѣчательную обезъяну за дикаго человѣка, потому что изъ всѣхъ животныхъ горила наружностью своею всего болѣе походитъ на человѣка, не смотря на то, что у нея, какъ и у шимпанзе, тринадцать паръ ребръ, а у орангъ-утанга только двѣнадцать, какъ у человѣка. По величинѣ и силѣ она занимаетъ первое мѣсто между обезъянами; обыкновенный

Горила.

ростъ ея, считая отъ макушки до пятокъ, пять съ половиною футовъ, ширина въ плечахъ три фута, руки длиною въ три фута и четыре дюйма, а ноги въ два фута и четыре дюйма; длина туловища вмѣстѣ съ головою равняется тремъ футамъ и шести дюймамъ, слѣдовательно полуфутомъ превышаетъ человѣческое. Тѣлосложеніе у гориллы крѣпкое, дородное; руки у нея такой же толщины, какъ у человѣка бедра. Черепъ огромный, лице широкое и безъ волосъ; цвѣта оно темнобураго или чернаго; носъ плоскій; рыло выдается нѣсколько впередъ; нижняя губа очень подвижна и легко удлиняется. Зубы большіе, здоровые и крѣпкіе; большіе пальцы очень велики. За исключеніемъ лица, одной части груди и ладоней, все тѣло покрыто довольно длинными, черными волосами, и на тѣмени подымается хохолъ, который по произволу можно перегибать назадъ и впередъ. У гориллы, какъ и у орангъ-утанга, нѣтъ ни хвоста, ни сѣдалищныхъ мозолей.

Горила живетъ въ странахъ, гдѣ изобилующія травою долины часто смѣняются горами, на которыхъ растутъ плодовыя деревья. Необходимую пищу преимущественно доставляютъ ей масличная пальма, перечное дерево, два вида банановыхъ деревьевъ и тыковникъ (баобабъ). Отъ первыхъ она употребляетъ орѣхи и молодые, мягкіе листья; отъ перечнаго дерева она получаетъ сливообразные плоды превосходнаго вкуса, а остальныя деревья приносятъ плоды, которые и европейцы охотно ѣдятъ. Кромѣ того она также употребляетъ въ пищу яйца и мясо молодыхъ птицъ.

Горилы живутъ шайками, которыя однакожъ не такъ многочисленны, какъ шайки шимпанзе. Самокъ у нихъ всегда больше, чѣмъ самцевъ, а потому между послѣдними завязывается споръ изъ-за первенства, который обыкновенно

оканчивается только смертью слабѣйшаго. Эти шайки бродятъ по лѣсу и наводятъ страхъ на всѣхъ живущихъ въ немъ животныхъ. Онѣ не боятся никакихъ звѣрей, и не отступаютъ даже передъ человѣкомъ. Онѣ никогда не спасаются бѣгствомъ, а напротивъ того сами нападаютъ на своего противника и дерутся своими мощными руками и страшными зубами; иногда онѣ бросаютъ въ него большія вѣтви или орѣхи. Слонъ, этотъ лѣсной великанъ, обыкновенно бѣжитъ при видѣ яростныхъ горилъ, потому что въ противномъ случаѣ, онѣ начинаютъ колотить его палками по чувствительному хоботу. Леопарда онѣ легко одолѣваютъ, а потому и онъ всегда старается избѣгать встрѣчи съ ними. Даже царь степей, хищный левъ, ничего не можетъ сдѣлать противъ нихъ. Всѣ разсказы негровъ о борьбахъ съ горилами возбуждаютъ ужасъ. Дѣйствительно, изъ всѣхъ лѣсныхъ животныхъ, охотники всего болѣе опасаются горилы. Какъ часто отряду охотниковъ, спокойно пробирающемуся по лѣсу, случается видѣть, что одного изъ нихъ вдругъ кто-то начинаетъ поднимать на воздухъ: это горила, которая, повиснувъ гдѣ нибудь на суку, одною ногою схватила охотника за затылокъ и тащитъ къ себѣ на дерево, чтобы, задушивъ несчастнаго своими мощными руками, бросить его бездыханный трупъ опять на землю. Путешественники не вѣрили бы этимъ разсказамъ негровъ, если бы сами не видали страшно изувѣченныхъ охотниковъ, которымъ удалось спасти свою жизнь изъ борьбы съ чудовищною обезьяною. Когда горилу встрѣчаютъ въ кругу ея семейства, то она всегда первая нападаетъ, даже безъ всякаго повода, а въ борьбѣ ея съ человѣкомъ почти всегда одинъ изъ противниковъ дѣлается жертвою другаго; но къ сожалѣнію это несчастіе обыкно-

венно выпадаетъ на долю человѣка. У одного мапонгвійскаго негра горила скрутила дуло ружья какъ веревку и сплюснула его своими зубами. Гораздо легче поймать десять шимпанзе, чѣмъ одну молодую гориллу. При приближеніи охотниковъ самки со своими дѣтенышами спасаются на деревья, а самцы тотчасъ же приготовляются къ нападенію. Большіе зеленые глаза ихъ начинаютъ сверкать дикимъ огнемъ, гребень становится дыбомъ, и со скалистыми зубами и страшнымъ крикомъ, похожимъ на каги! каги! свирѣпыя животныя бросаются на непріятеля. Если въ это время охотникъ, огнестрѣльнымъ оружіемъ, не уложитъ дикой гориллы на мѣстѣ, то онъ можетъ считать себя жителемъ другаго міра, потому что сломать оружіе и разорвать несчастнаго охотника на куски, для обезъяны дѣло одного мгновенія. Послѣ этого понятно, почему на охотника, которому удалось убить гориллу, народъ смотритъ какъ на великаго героя, и почему вообще такъ трудно и даже невозможно поймать живую обезъяну изъ рода гориллы.

Страхъ, который гориллы своею свирѣпостью внушаютъ туземнымъ охотникамъ, есть главная причина, почему намъ до сихъ поръ еще мало извѣстны привычки и образъ жизни этихъ ужасныхъ животныхъ. Многіе увѣряютъ, что онѣ обыкновенно ходятъ на четвереренькахъ, и только изрѣдка разгуливаютъ въ отвѣсномъ положеніи, опираясь на дубину, и что у умерщвленнаго или издохшаго слона онѣ вырываютъ зубы, которые служатъ имъ дубиною. Разсказываютъ также, что онѣ отлично лазаютъ, и большую часть своей жизни проводятъ на деревьяхъ, на которыхъ, онѣ, подобно орангъутангамъ, устраиваютъ себѣ, изъ согнутыхъ вѣтвей, хижины или навѣсы. Утверждаютъ даже, будто бы онѣ имѣютъ обык-

новеніе зарывать въ землю издохшихъ обезъянъ, принадлежащихъ къ ихъ семейству; однакожъ мы не знаемъ на сколько всѣ эти разсказы заслуживаютъ довѣрія. Но всѣ путешественники довольно согласно сообщаютъ намъ о гориле слѣдующія свѣденія:

Гориллы живутъ не столько цѣлыми шайками, сколько отдѣльными семействами, состоящими обыкновенно изъ самца, самки и одного или двухъ дѣтенышей. Всего чаще ихъ встрѣчаютъ въ сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ, т. е. послѣ того, какъ негры уже убрали свою жатву и возвратились въ свои деревни; потому что тогда эти обезъяны, которыя при всей своей неустрашимости обыкновенно избѣгаютъ встрѣчи съ человѣкомъ, выходятъ изъ своихъ мрачныхъ убѣжищъ, въ чащѣ лѣсовъ, и приближаются болѣе къ деревнямъ. Онѣ большею частью сидятъ на вѣтвяхъ, прислонившись спиною къ стволу дерева; оттого у нихъ волосы на хребтѣ обыкновенно стерты. Во время отдыха онѣ медленно и задумчиво жуютъ плоды, какъ это часто дѣлаютъ павіаны. Въ случаѣ опасности самка спасаетъ своего дѣтеныша, а самецъ отражаетъ нападеніе и, разтерзавъ своего врага, возвѣщаетъ дикимъ крикомъ о радостной побѣдѣ. Когда дѣло идетъ о спасеніи потомства, то и самка съ самоотверженіемъ защищаетъ его. Однажды семейство горилъ было застигнуто охотниками, вслѣдствіе чего мать въ торопяхъ схватила одного изъ своихъ дѣтенышей и отнесла его на отдаленное дерево; другой же хотѣлъ самъ бѣжать, но охотники загородили ему путь. Мать, видя опасность, грозившую ея любимцу, быстро прибѣжала и, взявъ его на руки, направила свои шаги прямо на охотниковъ, а когда одинъ изъ нихъ прицѣлился въ нее своимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, то она подняла руку, чтобы от-

клонить смертоносную пулю; однакожъ послѣдняя такъ мѣтко попала въ нее, что она легла на мѣстѣ. Такимъ образомъ молодая обезъяна попала во власть своихъ непріятелей. Кромѣ ея поймали также и другихъ горилъ, но всѣ онѣ очень не долго пережили свое плѣненіе, такъ что до сихъ поръ никому еще не удалось привезти въ Европу живую горилу.

Туземные жители воображаютъ, что эти большія обезьяны настоящіе люди, и что онѣ только прикидываются яростными и глупыми, потому что боятся попасть въ рабство. Кромѣ того у нихъ существуетъ повѣрье, будто бы души ихъ умершихъ королей переселяются въ горилъ, и потому изъ старой привычки продолжаютъ ненавидѣть своихъ прежнихъ подданныхъ.

Въ послѣднее время американецъ Ди Шэлю сообщилъ подробныя свѣденія о горилѣ, которыя нѣсколько отличаются отъ показаній другихъ путешественниковъ. Въ своемъ сочиненіи Explorations and adventures in Equatorial Africa, стр. 347, Ди Шэлю между прочимъ говоритъ слѣдующее:

„Долгое пребываніе мое въ Африкѣ дало мнѣ возможность сблизиться съ туземными жителями, которые для удовлетворенія моей любознательности часто брали меня съ собою на охоту, а потому я имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, что съ одной стороны многіе разсказы о горилѣ основаны на пустомъ воображеніи необразованныхъ негровъ и на легковѣріи путешественниковъ, а что съ другой никакими словами нельзя передать того страшнаго зрѣлища, которое представляютъ ярость и дикая злоба горилы.

„Очень сожалѣю, что я долженъ опровергнуть многія неосновательно укоренившіяся мнѣнія на счетъ горилы. Мнѣ достовѣрно извѣстно, что горила вовсе не подстерегаетъ на деревьяхъ проходящихъ людей, чтобы душить ихъ своими

лапами. Она никогда не нападаетъ на слона, а тѣмъ менѣе убиваетъ его палками, какъ это нѣкоторые утверждаютъ; несправедливы также разсказы, будто она похищаетъ женщинъ изъ деревень и что устраиваетъ себѣ изъ вѣтвей навѣсъ для жилья. Она и не ведетъ никакой общественной жизни, и всѣ разсказы о нападенiи большаго числа горилъ лишены всякой справедливости.

„Горила водится въ самыхъ уединенныхъ и темныхъ мѣстахъ густыхъ африканскихъ лѣсовъ, особенно тѣхъ, которые растутъ въ долинахъ и на крутыхъ и высокихъ горахъ. Въ такихъ мѣстностяхъ вездѣ въ Африкѣ имѣется вода, и сколько я могъ замѣтить горила всегда предпочитаетъ влажную почву сухой. Это кочующее животное, безпрестанно бродящее съ одного мѣста на другое, рѣдко остается два или три дня на одномъ и томъ же мѣстѣ. Такое непостоянство отчасти объясняется тѣмъ, что ей трудно отыскивать себѣ любимую пищу. Хотя горила своими зубами въ состоянiи разорвать любое животное, но она тѣмъ не менѣе принадлежитъ къ травояднымъ животнымъ. Я изслѣдовалъ желудки всѣхъ горилъ, которыхъ мнѣ удалось убить, и никогда не находилъ въ нихъ ничего другаго, кромѣ ягодъ, листьевъ ананаса и другихъ растительныхъ веществъ. Для гориллы необходимо много пищи, и потому она въ короткое время истребляетъ все, что находитъ на одномъ мѣстѣ, такъ что ей потомъ по неволѣ приходится отправляться на другое мѣсто для утоленiя своего сильнаго голода. Судя по ея огромному животу, который ясно обрисовывается, когда она стоитъ въ отвѣсномъ положенiи, нельзя сомнѣваться въ томъ, что она употребляетъ много пищи.

„Говорятъ, что горила большею частью живетъ на де-

ревьяхъ — это несправедливо; я почти всегда встрѣчалъ ее на землѣ. Правда, она часто взбирается на деревья, но это большею частью только для того, чтобы срывать плоды и орѣхи, а насытившись, она обыкновенно опять сходитъ внизъ. Сколько я могъ замѣтить, ей даже вовсе не нужно искать питательныхъ веществъ на деревьяхъ, такъ какъ самый любимый ея кормъ растетъ близко къ землѣ, а именно сахарный тростникъ, бѣлыя ребра ананасовыхъ листьевъ, разные сорты ягодъ, сердцевина нѣкоторыхъ деревьевъ и орѣхи съ такою твердою скорлупою, которую можно расколоть только сильнымъ ударомъ молотка. Вѣроятно для того, чтобы дать горилѣ возможность сладить съ этими орѣхами, природа снабдила ее такими мощными зубами, что она въ состоянiи ими согнуть даже ружейное дуло.

„Только молодыя гориллы спятъ на деревьяхъ, чтобы укрыться отъ нападенiя хищныхъ животныхъ, а старыя обыкновенно ночуютъ подъ деревомъ.

„У всѣхъ обезъянъ, проводящихъ большую часть времени на деревьяхъ, какъ напр. у шимпанзе, пальцы гораздо длиннѣе, чѣмъ у горилы, руки которой строенiемъ своимъ болѣе походятъ на человѣческiя; оттого она вовсе не такъ свободно лазаетъ по деревьямъ, какъ другiя обезъяны. Вмѣстѣ съ тѣмъ я долженъ замѣтить, что я никогда не видалъ у нихъ ни навѣса, ни хижины, и по этому заключаю, что горилы вовсе не строятъ себѣ подобныхъ жилищъ.

„Горила не общежительна. Старыя обезъяны обыкновенно ходятъ попарно, т. е. одинъ самецъ и одна самка, а зачастую мнѣ случалось видѣть старыхъ самцевъ совершенно одинокихъ. Это всегда угрюмые, злые воркуны, которые шутить съ собою не позволяютъ. Молодыхъ же горилъ я часто встрѣ-

чалъ по пяти вмѣстѣ, но онѣ всегда съ крикомъ убѣгали на четвереянькахъ; подкрадываться къ нимъ незамѣтнымъ образомъ очень трудно, потому что слухъ у нихъ чрезвычайно тонкій; притомъ же имъ очень легко спасаться бѣгствомъ, потому что свойства почвы препятствуютъ охотнику слѣдовать за ними съ такою же скоростью. Старыя обезъяны также избѣгаютъ встрѣчи съ человѣкомъ, но разъ наткнувшись на него, уже не обращаются въ бѣгство. Большею частью, когда я на охотѣ встрѣчалъ пару обезъянъ, самецъ сидѣлъ прислонившись къ утесу или дереву въ самой мрачной чащѣ лѣса, гдѣ солнечные лучи распространяютъ только слабый свѣтъ; а самка обыкновенно паслась около него. При видѣ опасности она тотчасъ же спасается бѣгствомъ, испуская сильные крики, самецъ же медленно подымается на ноги и, устремляя на непріятелей яростный взглядъ, начинаетъ бить себя въ грудь и оглашать окрестности своимъ страшнымъ ревомъ. Мнѣ кажется, что я нерѣдко слышалъ этотъ ревъ на разстояніи трехъ миль.

„Впечатлѣніе, которое производитъ на человѣка видъ разъяренной обезъяны, превосходитъ всякое описаніе. Зрѣлище это до того ужасно, что когда мнѣ въ первый разъ случилось видѣть его, я пересталъ удивляться тому сверхъестественному страху, который иногда овладѣвалъ храбрыми туземными охотниками, и вполнѣ объяснилъ себѣ, почему негры разсказываютъ такія чудеса о горилѣ.

„Опытный охотникъ бережетъ зарядъ до тѣхъ поръ, пока не убѣдится, что дѣйствительно уложилъ гориллу на мѣстѣ, потому что въ случаѣ промаха обезъяна тотчасъ же кидается на него, и тогда для охотника уже нѣтъ никакого спасенія! Одинъ взмахъ мощною рукою, снабженною огромными ногтями, — и вну-

тренность бѣднаго охотника вскрыта, грудь его разшиблена, черепъ раздробленъ. Онъ никогда не успѣваетъ снова зарядить ружье, ни даже спастись бѣгствомъ. При такихъ обстоятельствахъ иные негры, хотя и вступали въ борьбу съ горилою, но имъ едва удавалось нанести ей одинъ безполезный ударъ незаряженнымъ ружьемъ, какъ уже подымалась длинная, чудовищная рука обезъяны, чтобы однимъ взмахомъ сломать какъ оружіе, такъ и черепъ несчастнаго негра.

„Такъ какъ горила большею частью проживаетъ въ темныхъ, непроницаемыхъ чащахъ, то охотнику гораздо благоразумнѣе выжидать, когда это животное къ нему приблизится. Оно обыкновенно подходитъ медленными шагами, часто останавливается и, испуская адскій ревъ, отъ времени до времени ударяетъ себя въ грудь. Иногда оно останавливается дольше и даже присаживается на нѣсколько минутъ, но притомъ съ яростью глядитъ на своего противника. Ходитъ оно переваливаясь съ боку на бокъ, потому что ноги у него слишкомъ коротки для того, чтобы держать его громадное туловище въ отвѣсномъ положеніи: оно удерживаетъ себя въ равновѣсіи только тѣмъ, что постоянно размахиваетъ руками; между тѣмъ огромный животъ, страшная голова, мощныя руки и широкая грудь придаютъ этой шатающейся фигурѣ что то невыразимо-ужасное, которое еще болѣе усиливаетъ страхъ, ощущаемый уже при одномъ появленіи этого чудовища. Во время нападенія его глубоколежащіе сѣрые глаза сверкаютъ какимъ-то непріятнымъ дикимъ огнемъ; ярость отвратительно искажаетъ его лице, и изъ-за тонкихъ раздвинутыхъ губъ видны страшные скалистые зубы.

„Когда охотникъ видитъ, что обезъяна къ нему приближается, то сердце у него начинаетъ биться сильнѣе обыкно-

веннаго; стоя на одномъ и томъ же мѣстѣ, держа въ рукахъ оружіе, онъ съ невольнымъ безпокойствомъ и страхомъ слѣдитъ за чудовищемъ и иногда въ продолженіи цѣлыхъ пяти минутъ прицѣливается, выжидая то мгновеніе, когда ему можно будетъ съ увѣренностью спустить курокъ. Онъ обыкновенно подпускаетъ къ себѣ гориллу на разстояніе четырнадцати или восемнадцати футовъ. Когда негръ выстрѣлилъ въ бегемота, онъ тотчасъ же идетъ на свою добычу; но посылая пулю горилѣ, онъ всегда ждетъ результата, зная очень хорошо, что въ случаѣ промаха, ему предстоитъ бороться лицемъ къ лицу съ страшнымъ врагомъ и что онъ можетъ ожидать спасенія только отъ особенно благопріятныхъ обстоятельствъ, которыя помогутъ ему выдти изъ борьбы, хотя бы изувѣченному на всю жизнь. Къ счастью пуля, если только она мѣтко направлена въ грудь, убиваетъ гориллу такъ же скоро, какъ и человѣка: она мгновенно падаетъ лицемъ внизъ, вытягивая свои длинныя руки и испуская предсмертный хрипъ, похожій частью на ревъ, частью на стонъ, и который, хотя возвѣщаетъ охотника о его спасеніи, но тѣмъ не менѣе крайне непріятно дѣйствуетъ на его слухъ, потому что хрипъ этотъ схожъ съ послѣднимъ вздохомъ умирающаго человѣка.

„Горила обыкновенно ходитъ не на двухъ ногахъ, а на четвереникахъ; и такъ какъ руки у нея длиннѣе ногъ, то голова и грудь всегда находятся выше задней части тѣла. Бѣгая она сильно выкидываетъ заднія ноги впередъ, почти до самой груди, и притомъ всегда передвигаетъ одновременно оба члена одной стороны, оттого постоянно какъ будто переваливается съ боку на бокъ. Впрочемъ она и въ отвѣсномъ положеніи можетъ ходить довольно скоро и притомъ го-

раздо дольше, чѣмъ шимпанзе и другія обезъяны. Когда она идетъ на двухъ ногахъ, то колѣни ея выгибаются наружу. Пальцы ногъ, за исключеніемъ большаго, не оставляютъ на землѣ никакихъ слѣдовъ; отъ рукъ же остаются только слабые знаки. Когда молодыя гориллы спасаются отъ преслѣдованій, онѣ никогда не влѣзаютъ на деревья, а бѣгутъ по землѣ. Мнѣ никогда не случалось видѣть, чтобы самка сама защищалась; при нападеніи на нее она всегда задаетъ тягу; но негры разсказывали мнѣ, что она иногда также пускается въ борьбу съ преслѣдующимъ ее врагомъ.

„Мать въ обществѣ своего дѣтеныша представляетъ истинно трогательное зрѣлище! Я часто слѣдилъ за ихъ взаимными отношеніями въ лѣсу, и хотя я очень желалъ ловить или убивать горилъ, однако при видѣ матери съ ея дѣтенышемъ никогда не могъ рѣшиться разстроить ихъ счастіе. Мои негры были менѣе сострадательны и всегда безъ разбора убивали своихъ злыхъ враговъ. Когда мать спасается бѣгствомъ, то дѣтенышъ вскакиваетъ ей на затылокъ и затѣмъ прячется между ея грудями и обхватываетъ ея животъ своими маленькими членами.

„Горила уже въ молодыхъ лѣтахъ одарена чрезвычайною силою. Я самъ видѣлъ, какъ четверо здоровыхъ мужчинъ не могли удержать молодой обезъяны, которой было всего два съ половиною года: она жестоко кусалась и царапалась.

Старая же обезъяна до того сильна, что она зубами своими можетъ приплюснуть ружейное дуло, а руками переломить любое дерево, стволъ котораго имѣетъ въ поперечникѣ отъ четырехъ до шести дюймовъ. Негры нападаютъ на горилу не иначе какъ съ ружьемъ; а потому въ тѣхъ странахъ, гдѣ негры не имѣютъ огнестрѣльныхъ оружій, это чудовище

безпрепятственно бродитъ по лѣсу. Умерщвленіе гориллы доставляетъ негру пожизненную славу.

„Въ борьбѣ горила не употребляетъ другаго оружія, кромѣ своихъ рукъ и зубовъ. Я часто изслѣдовалъ черепъ этой обезъяны и находилъ, что въ немъ иногда недоставало нѣсколькихъ переднихъ зубовъ; я узналъ отъ негровъ, что такая утрата происходитъ вслѣдствіе борьбы двухъ самцевъ изъ-за обладанія самками. Подобная борьба должна представлять величественное зрѣлище, и по всей вѣроятности превосходитъ даже самую ожесточенную травлю звѣрей.

„Туземные жители внутреннихъ странъ очень охотно ѣдятъ мясо гориллы и другихъ обезъянъ, не смотря на то, что оно черно и жестко; приморскія же племена даже обижаются, когда имъ предлагаютъ такое мясо, потому что сознаютъ, что имѣютъ нѣкоторое сходство съ этими животными. И во внутреннихъ странахъ иныя негритянскія семейства отказываются отъ употребленія мяса гориллы, потому что у нихъ существуетъ повѣрье, будто предки ихъ произошли отъ гориллы. — Кожа у этой обезъяны такая же толстая и крѣпкая, какъ у быка, но сравнительно съ кожею другихъ обезъянъ она все-таки гораздо нѣжнѣе."

Ди Шэлю сообщаетъ также свои наблюденія надъ плѣненными гориллами. Онъ полагаетъ, что взрослыя обезъяны совершенно неукротимы, и основываетъ свое мнѣніе на томъ, что даже молодыя животныя, которыхъ онъ держалъ въ плѣну, до самой смерти своей оставались дикими, буйными и свирѣпыми. Вотъ, что этотъ авторъ разсказываетъ объ одной молодой гориллѣ, пойманной для него неграми, между которыми онъ жилъ въ Африкѣ:

„Четвертаго мая нѣсколько негровъ, ходившихъ по моему

порученію на охоту, привезли ко мнѣ молодую живую гориллу. Не могу описать волненія, которое я почувствовалъ въ то время, когда увидѣлъ этого маленькаго изверга. Я тотчасъ забылъ всѣ непріятности и лишенія, которымъ подвергался во время своего пребыванія въ Африкѣ, потому что въ ту минуту считалъ себя вполнѣ вознагражденнымъ за все, что потерпѣлъ до этого времени.

„Этой молодой обезъянѣ было можетъ быть около двухъ или трехъ лѣтъ, и величина ея равнялась всего двумъ съ половиною футамъ, но не смотря на то, въ свирѣпости и злости она едва ли уступала старымъ. Ее поймали слѣдующимъ образомъ: это было около полудня; въ лѣсу, по которому бродили охотники, царствовала безмолвная тишина, какъ вдругъ послышалось мурлыканіе. Опытные негры тотчасъ же догадались, что это, должно быть, молодая горила зоветъ свою мать, а потому отправились по тому направленію, откуда раздавался голосъ животнаго. Съ оружіемъ въ рукахъ храбрецы по тихоньку пробрались въ самую мрачную чащу лѣса, гдѣ надѣялись найти обезъяну. Они очень хорошо знали, что при этомъ весьма легко могутъ наткнуться на мать молодой гориллы или даже на еще болѣе опаснаго самца; но такъ какъ имъ непремѣнно хотѣлось обрадовать меня, то они рѣшились пренебречь опасностью, и во что бы то ни стало попытаться словить молодую гориллу. Наконецъ приблизившись они завидѣли ее; она беззаботно срывала съ какого-то куста ягоды, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея находилась и мать. Одинъ изъ охотниковъ мѣтко прицѣлился въ послѣднюю, такъ что она пала отъ перваго же выстрѣла, а испуганный дѣтенышъ ея опрометью бросился къ ней на грудь и обѣими ногами ухватился за ея животъ. Но при видѣ приближав-

шихся охотниковъ, онъ съ крикомъ пустился бѣжать и забравшись на тоненькое дерево, началъ свирѣпо глядѣть на своихъ преслѣдователей. Охотники, желая непремѣнно поймать его, срубили дерево, и когда обезъяна вслѣдствіе того упала, ей накинули на голову платье, и такимъ образомъ имъ удалось связать ее. Маленькій извергъ оказывалъ сильное сопротивленіе, такъ что охотники только съ большимъ трудомъ могли привести его въ деревню. Я велѣлъ сдѣлать для него крѣпкую клѣтку изъ бамбуковаго дерева, въ которой очень удобно было наблюдать за нимъ. Это былъ молодой самецъ, никакъ не старше трехъ лѣтъ, однакожъ уже довольно великъ, чтобы не нуждаться больше въ заботливости матери. Лице и руки у него были черныя, глаза однакожъ еще не такіе впалые, какъ у старыхъ. Верхняя губа была покрыта короткими волосами, нижняя маленькою бородкою; вѣки были тонки, а брови длиною около $^3/_4$ дюйма. На затылкѣ волосы у него были сѣрые, а на задней части тѣла бѣлые, грудь и животъ были покрыты болѣе тонкими волосами; руки длиннѣе ногъ.

„Какъ только я подошелъ къ клѣткѣ, обезъяна начала лаять и съ яростью бросилась было на меня; я отскочилъ назадъ, но она успѣла захватить мои панталоны и разорвала ихъ. Это научило меня быть осторожнѣе; однакожъ я не терялъ надежды со временемъ укротить своего плѣнника. Первая моя забота, конечно, заключалась въ томъ, чтобы накормить его. По этому я велѣлъ набрать побольше лѣсныхъ ягодъ, которыя потомъ подалъ ему вмѣстѣ съ водою; однако при мнѣ онъ выказывалъ боязливость и прикоснулся къ положенной передъ нимъ пищѣ только тогда, когда я удалился отъ клѣтки на довольно значительное разстояніе.

„На второй день маленькая горила сдѣлалась еще свирѣпѣе, а на третій день ей удалось раздвинуть двѣ жерди своей клѣтки и выбѣжать изъ нея. Послѣ долгихъ поисковъ мы наконецъ нашли ее подъ моею кроватью, откуда пять человѣкъ съ большимъ трудомъ вытащили ее съ помощью тенета; но она до того свирѣпствовала, что мы вынуждены были наложить на нее оковы и такимъ образомъ опять заперли въ исправленную между тѣмъ клѣтку.“

Далѣе авторъ разсказываетъ, что молодую горилу ничѣмъ нельзя было укротить, ни даже голодомъ, и что въ одинъ прекрасный день эта неимовѣрно злая обезъяна внезапно издохла.

Въ послѣдствіи Ди Шэлю досталъ молодую самку, которой необыкновенно нѣжная привязанность къ убитой матери и глубокая скорбь тронули всѣхъ жителей деревни. Это животное было еще такъ молодо, что ее можно было кормить только однимъ молокомъ, а такъ какъ послѣдняго нельзя было достать, то оно издохло уже на третій день послѣ того, какъ было поймано.

Этотъ путешественникъ описываетъ еще двухъ другихъ обезъянъ, изъ которыхъ одну онъ называетъ *кулу-камба* (*troglodytes kulu-kamba*), а другую *ньшего-мбуве* (*troglodytes calvus*). По увѣреніямъ его, эти обезъяны ведутъ почти такую же жизнь, какъ шимпанзе. Кулу-камба, говоритъ Ди Шэлю, строитъ себѣ на деревьяхъ очень удобные навѣсы: вѣтви, какъ будто нарочно выбраны, толстые концы ихъ искусно привязаны къ стволу дерева виноградными лозами, а острые загнуты въ видѣ зонтика — точно работа превосходнаго садовника!

Шимпансъ или Шимпанзе.

Troglodytes niger. — Der Schimpanse.

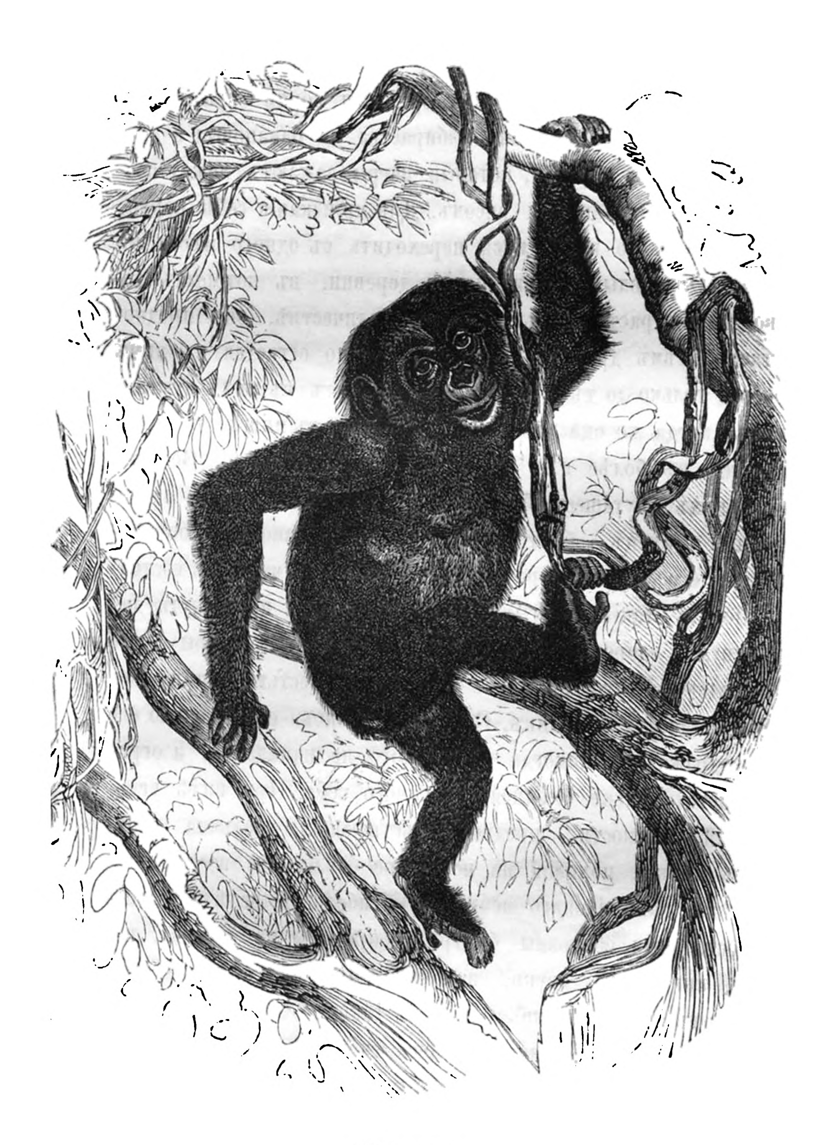
Хотя Шимпансъ и значительно меньше гориллы, но тѣмъ не менѣе онъ принадлежитъ къ большимъ обезъянамъ; ростомъ онъ бываетъ отъ трехъ до четырехъ съ половиною футовъ. Туловище у него короткое и толстое, животъ нѣсколько отвислый; лобъ подается назадъ, а уши, вообще похожіе на человѣческіе, нѣсколько отстаютъ отъ головы; носъ меньше и болѣе приплюснутъ, чѣмъ у гориллы, губы тонки и чрезвычайно подвижны, вѣки снабжены рѣсницами, а надъ глазами находятся довольно густыя брови. Руки тонки, но сильны и хватаютъ до колѣнъ; кисти рукъ средней величины, и на всѣхъ пальцахъ плоскіе ногти. Все тѣло, за исключеніемъ лица, ладоней, иногда и тыльной поверхности ручныхъ кистей, покрыты длинными, толстыми, жесткими и черными волосами, которые подъ старость дѣлаются сѣрыми. На верхней части тѣла они гуще, чѣмъ на нижней. Борода на щекахъ длиннѣе, чѣмъ на подбородкѣ.

На лицѣ у шимпанса никогда не видать отпечатка дикости, какъ у гориллы; напротивъ того, оно выражаетъ кротость и доброту.

Туземные жители увѣряютъ, что шимпансъ, достигшій полнаго роста, а это бываетъ на девятомъ или десятомъ году, имѣетъ пять футовъ въ длину. Такая взрослая обезъяна имѣетъ такую тяжесть, что двое крѣпкихъ мужчинъ съ трудомъ могутъ носить ее.

Шимпансы, по видимому, водятся только въ верхней и нижней Гвинеѣ (въ западной Африкѣ), гдѣ ихъ преимущественно встрѣчаютъ въ большихъ лѣсахъ, растущихъ въ долинахъ рѣкъ и по берегамъ моря. Они живутъ большими шайками или стадами. Отъ частаго лазанья по деревьямъ у нихъ до того кривятся ноги и руки, что когда ходятъ, онѣ прикасаются къ землѣ суставами, а не подошвами. Вслѣдствіе того, походка ихъ кажется нетвердою и неловкою. Впрочемъ они большую часть времени проводятъ на землѣ; на деревья же подымаются только для добыванія себѣ пищи и для безопасности. Иногда они ходятъ на двухъ ногахъ, но при этомъ всегда складываютъ руки на затылкѣ, чтобы такимъ образомъ держать тѣло въ равновѣсіи; но когда хотятъ бѣжать, то всегда становятся на четвереньки и начинаютъ страннымъ образомъ припрыгивать; но за всѣмъ тѣмъ они бѣгаютъ довольно скоро. Днемъ они отдыхаютъ, сидя гдѣ нибудь подъ деревомъ, а ночь проводятъ въ гнѣздахъ, которыя устраиваютъ себѣ изъ согнутыхъ ими вѣтвей и устилаютъ вѣтвями съ густыми листьями. Тѣ гнѣзда, которыя видѣлъ Саважъ, обыкновенно находились на высотѣ двадцати или тридцати футовъ отъ поверхности земли. Онъ рѣдко видѣлъ двухъ обезъянъ на одномъ и томъ же деревѣ, и только одинъ разъ пять, но никогда въ большемъ количествѣ, хотя многіе путешественники утверждаютъ противное.

Шимпансъ питается почти тѣми же растительными веще-

Шимпансъ.

ствами, какъ и горила: плоды, орѣхи и корни служатъ ему главною пищею. Иногда онъ взбирается на банановыя и другія плодоносныя деревья, которыя негры сажаютъ между своими полями, засѣянными рисомъ. Для пріисканія себѣ корма, ему также часто приходится переходить съ одного мѣста на другое. Опустѣлыя негритянскія деревни, въ которыхъ дерево папаіи растетъ въ большомъ количествѣ, онъ предпочитаетъ всѣмъ другимъ мѣстностямъ, но остается въ нихъ конечно только до тѣхъ поръ, пока находитъ въ нихъ нужный кормъ; когда же оказывается недостатокъ въ пищѣ, то переселяется въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣста. Во время такихъ путешествій шайкою предводительствуетъ самый сильный самецъ, бдительность котораго вполнѣ соотвѣтствуетъ его силѣ. Говорятъ, что взрослый самецъ въ состояніи ломать такія толстыя вѣтви, которыхъ не согнуть даже двумъ здоровымъ мужчинамъ. Нѣкоторые негры даже утверждаютъ, что шимпансъ можетъ съ честью защищаться противъ десяти человѣкъ. Однако шимпансъ, если только его не раздражаютъ, никогда ни на кого не нападаетъ, и ограничивается только охраненіемъ самого себя. При видѣ угрожающей опасности, предводительствующая обезъяна испускаетъ крикъ, похожій на невольное боязненное восклицаніе человѣка, замѣчающаго неминуемую гибель, и вслѣдъ затѣмъ всѣ остальныя обезъяны быстро взбираются на деревья, издавая при этомъ звуки, напоминающіе лай собаки. Самцы нападаютъ на охотника только въ такомъ случаѣ, когда онъ убилъ одну изъ обезъянъ, и онъ гибнетъ, если число его противниковъ велико. Ему иногда удается спасти себя отъ остервенившихся обезъянъ, бросивъ имъ свои платья или оружіе; потому что пока тѣ съ яростью рвутъ и ло-

маютъ его вещи, онъ самъ можетъ задать тягу. Какъ для своей защиты, такъ и для нападенія шимпансы пользуются единственно своими крѣпкими зубами и мощными руками. Разсказы о томъ, будто шимпансы иногда обороняются палками, камнями, орѣхами и т. п., едва ли правдоподобны, потому что при продолжительномъ дѣйствіи рукъ, обезъяна потеряла бы наконецъ равновѣсіе, такъ какъ заднія ноги не въ состояніи долго поддерживать ея тѣла.

Взаимная привязанность шимпансовъ очень значительна. Самцы чрезвычайно преданы своимъ дрожайшимъ половинамъ— самкамъ, которыя съ своей стороны очень любятъ дѣтенышей своихъ; сильныя обезъяны всегда заступаются за слабыхъ. Въ любви къ прекрасному полу шимпансы выказываютъ болѣе приличія, чѣмъ другія обезъяны, какъ напр. павіаны. У нихъ, какъ нѣкоторые увѣряютъ, въ извѣстной степени развито даже чувство скромности. Наконецъ разсказываютъ также, что самцы любятъ привязываться къ женщинамъ и иногда похищаютъ молодыхъ негритянокъ, которыхъ держатъ у себя въ лѣсу по нѣскольку лѣтъ, докучая имъ своею грубою нѣжностью. Впрочемъ подобные разсказы требуютъ еще подтвержденія.

Негры смотрятъ на шимпанса, какъ на подобную имъ породу, которая за свое порочное поведеніе, была исключена изъ человѣческаго общества и при упорномъ сохраненіи дурныхъ нравовъ мало по малу впала въ то жалкое состояніе, въ которомъ находится въ настоящее время. Однакожъ это странное сознаніе своего родства съ обезъянами, нисколько не мѣшаетъ этимъ добрымъ людямъ употреблять въ пищу мясо убитыхъ ими шимпансовъ.

Въ послѣднее время, въ Европу и даже въ Германію ча-

сто привозили молодыхъ шимпансовъ, но къ сожалѣнію всѣ они, вслѣдствіе непривычнаго для нихъ климата, въ скоромъ времени потеряли жизнь. До сихъ поръ еще не было примѣра, чтобы въ Европѣ какой-нибудь шимпансъ могъ сохранить жизнь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, между тѣмъ, какъ на родинѣ они проживаютъ въ плѣну до двадцати лѣтъ безъ всякаго ущерба для здоровья. Всѣ наблюдатели увѣряютъ, что плѣненные шимпансы всегда были кротки, умны и любезны. Капитанъ Гранпре́ разсказываетъ объ одной самкѣ, которая являла собою удивительный примѣръ понятливости и ума. Онъ видѣлъ ее на кораблѣ, плывшемъ въ Америку, на которомъ ее пріучили топить хлѣбную печь; она исполняла возложенную на нее обязанность къ полному удовлетворенію пекаря, тщательно наблюдала за тѣмъ, чтобы не выпадали уголья, и знала даже, когда печь нагрѣвалась до потребной степени жара. Тогда она довольно выразительными знаками увѣдомляла объ этомъ хлѣбопека, который вполнѣ могъ полагаться на своего помощника. Эта же самая обезъяна, столь же ловко, какъ и умно, исполняла также работу одного матроса: она наматывала якорный канатъ, спускала и натягивала паруса, словомъ работала вмѣстѣ съ матросами, такъ что послѣдніе смотрѣли на нее, какъ на своего товарища. Къ несчастію это превосходное животное погибло еще до пріѣзда въ Америку, вслѣдствіе безчеловѣчной жестокости, которую претерпѣло отъ кормчаго. Этотъ грубый человѣкъ однажды безъ всякой причины началъ бить невинную обезъяну. Чтобы смягчить сердце своего мучителя она сложила руки, подобно просящему человѣку, но извергъ не понялъ краснорѣчивой мольбы умнаго животнаго и продолжалъ тиранить беззащитную обезъяну, доказывая собою, что есть и люди со

звѣрскою натурою. Бѣдная жертва терпѣливо перенесла жестокіе и незаслуженные побои, но съ тѣхъ поръ упорно начала отказываться отъ всякой пищи и наконецъ на пятый день послѣ несчастнаго приключенія испустила духъ, отъ голода и сильнаго огорченія. Весь экипажъ оплакивалъ злополучную чувствительную обезьяну, какъ собственнаго товарища.

Броссе привезъ съ собою въ Европу двухъ шимпансовъ, молодаго самца и самку. На кораблѣ они сидѣли за столомъ вмѣстѣ съ людьми и все, что подавалось, ѣли ложками, вилками и ножами. Отъ напитковъ они также не отказывались и особенно охотно пили вино и водку. Когда имъ что нибудь хотѣлось, они давали объ этомъ замѣтить мальчикамъ, прислуживавшимъ за столомъ, и въ случаѣ отказа выходили изъ себя и начинали кусать и бить непослушную прислугу. Однажды самецъ заболѣлъ и врачъ пустилъ ему кровь. Такъ какъ это доставило ему облегченіе, то онъ въ послѣдствіи каждый разъ, когда чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, протягивалъ врачу руку, какъ бы прося его повторить кровопусканіе.

Бюфонъ имѣлъ одного шимпанса, который всегда ходилъ въ отвѣсномъ положеніи, даже когда таскалъ тяжелыя вещи. Онъ ходилъ медленно и осторожно избѣгалъ всего, что могло вредить ему. Выраженіе лица его было печальное и серьезное; въ немъ не было замѣтно дурныхъ качествъ павіана, ни также шаловливости мартышекъ. Хозяину своему онъ всегда былъ какъ нельзя болѣе покоренъ и понималъ каждый его взглядъ. Гостямъ онъ ласково предлагалъ руку и чинно расхаживалъ съ ними по комнатѣ; садясь за столъ, онъ всегда подвязывалъ себѣ грудь салфеткою и вытиралъ себѣ ротъ, когда что нибудь пилъ или ѣлъ; онъ самъ наливалъ себѣ

вино и чокался съ гостями. Во время чая онъ обыкновенно самъ бралъ себѣ чашку съ блюдочкою, клалъ туда сахаръ и потомъ наливалъ чай, но никогда раньше не начиналъ пить его, пока онъ не простывалъ совершенно. Онъ никогда никому не дѣлалъ ничего дурнаго, напротивъ того, обходился со всѣми очень вѣжливо и былъ всегда чрезвычайно доволенъ, когда его ласкали. Всѣ посѣщавшіе Бюфона очень любили его домашняго друга и зачастую приносили ему бисквиты и фрукты. Къ сожалѣнію это умное животное сдѣлалось жертвою чахотки, которою оно заразилось въ первый же годъ прибытія своего въ домъ извѣстнаго французскаго естествоиспытателя.

Докторъ Траль привезъ съ собою въ Англію одного шимпанса, который неохотно ходилъ въ отвѣсномъ положеніи. Онъ былъ вообще боязливъ и чуждался людей, но съ знакомыми обходился довольно развязно. Когда чувствовалъ холодъ, онъ всегда тщательно укутывался въ одѣяло. Однажды передъ нимъ держали зеркало, которое тотчасъ же привлекло его вниманіе; онъ сначала засуетился передъ нимъ, а потомъ совершенно спокойно, но съ видимымъ любопытствомъ, началъ смотрѣть на этотъ таинственный предметъ и столбенѣлъ отъ удивленія. Спустя нѣсколько минутъ онъ вопросительно взглянулъ на своего хозяина, потомъ опять уставилъ глаза въ зеркало, затѣмъ пошелъ посмотрѣть за спинкою его; но такъ какъ тамъ, разумѣется, ничего не нашелъ, то воротился, и снова увидѣвъ свой портретъ, протянулъ къ нему руку, какъ будто желая ощупью убѣдиться, дѣйствительно-ли онъ видитъ обезъяну или только призракъ ея;—точно также дѣлаютъ и дикіе люди, которымъ въ первый разъ приходиться видѣть себя въ зеркалѣ.

Поручикъ К. Сэйе разсказываетъ объ одномъ молодомъ самцѣ, котораго онъ получилъ нѣсколько дней послѣ плѣненія его на берегу западной Африки. Обезъяна эта вскорѣ подружилась со своимъ хозяиномъ, но еще болѣе привязалась къ ходившему за нимъ негритянскому мальчику, и притомъ до такой степени, что даже сердилась, когда послѣдній оставлялъ ее хотя на одно мгновеніе. Особенную страсть она имѣла къ платьямъ, которыя подбирала вездѣ, гдѣ только могла ихъ найти, и унося къ себѣ садилась на нихъ съ видимымъ удовольствіемъ; только послѣ сильной борьбы удавалось отнять ихъ у нея. Замѣтивъ это пристрастіе, Сэйе далъ ей кусокъ бумажной ткани, съ которой она ни за что не хотѣла разставаться хоть бы на минуту, и къ удовольствію всѣхъ, таскала вездѣ съ собою.

„Такъ какъ мнѣ не извѣстно было, какой образъ жизни шимпансы ведутъ въ лѣсу, говоритъ Сэйе, то я началъ кормить свою обезъяну по собственному соображенію, и мнѣ не пришлось раскаиваться въ этомъ: Утромъ въ восемь часовъ плѣнникъ мой получалъ кусокъ хлѣба, размягченнаго въ водѣ или въ разведенномъ молокѣ, около двухъ часовъ двѣ бананы, а передъ сномъ еще одну банану, одинъ апельсинъ или кусокъ ананаса. Банану онъ предпочиталъ всякой другой пищѣ, и сердился, если ее не получалъ. Однажды, когда я отказался дать ему этотъ плодъ, онъ ужасно разозлился, испустилъ пискливый крикъ и со злости такъ сильно ударился головою объ стѣну, что упалъ на спину; затѣмъ влѣзъ на ящикъ, въ отчаяніи началъ выворачивать руки и бросился съ ящика на полъ. Боясь за его жизнь, я поскорѣе удовлетворилъ его желанію и далъ ему банану. Послѣ этой побѣды онъ началъ чрезвычайно радоваться: словомъ, каждый разъ, когда ему въ чемъ

нибудь отказывали, онъ поступалъ какъ избалованное дитя. Но какъ бы его ни сердили, онъ никогда никого не кусалъ и вообще велъ себя всегда безукоризненно."

Въ Европѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ никакой возможности дѣлать наблюденія надъ этимъ замѣчательнымъ животнымъ, потому что здѣсь оно почти неизбѣжно впадаетъ въ легочную чахотку, отъ которой всегда очень скоро гибнетъ. На первыхъ же порахъ послѣ прибытія въ Европу, шимпансы начинаютъ кашлять и въ тоже время изъ веселыхъ и живыхъ дѣлаются болѣе смирными и грустными. Чѣмъ больше болѣзнь развивается, тѣмъ они становятся тише и нѣжнѣе, такъ что подъ конецъ на нихъ даже жалко смотрѣть. Подобно чахоточнымъ людямъ, они опускаютъ голову, отъ времени до времени прокашливаютъ и придерживая руками больную грудь, обыкновенно такъ жалостно и умилительно смотрятъ человѣку въ глаза, что нельзя не чувствовать къ нимъ сильнаго сострраданія. Они дѣлаются жертвою этой болѣзни большею частью на первомъ или уже много на второмъ году по прибытіи въ Европу. Нашъ климатъ никакъ не можетъ замѣнить этимъ жителямъ теплыхъ странъ прекрасной родины ихъ.

Орангъ-утангъ или **Понго.**

Орангутангъ.

Pithecus satyrus. — Der Orang-Utang.

Эта азіатская обезьяна отличается отъ африканской гораздо болѣе длинными руками, хватающими до лодыжекъ, и конусообразною или пирамидальною головою съ выдающимся впередъ рыломъ, которое у старыхъ обезьянъ отнимаетъ всякое сходство съ человѣкомъ. Пока понго молодъ, голова его очень похожа на дѣтскую голову, но съ лѣтами она все болѣе и болѣе принимаетъ видъ животнаго.

Обыкновенный ростъ взрослаго самца почти четыре фута, а самки около трехъ съ половиною. Животъ у орангъ-утанга большой, шея короткая и со складками на передней ея поверхности, потому что у понго гортань широка и можетъ раздуваться. Ручныя кисти и пальцы длинные; ногти всегда плоскіе, но на большихъ пальцахъ ногъ ихъ вовсе нѣтъ. Зубы крѣпкіе и здоровые, крайніе изъ нихъ нѣсколько выдаются впередъ; нижняя челюсть длиннѣе верхней; губы сморщенныя и вздутыя; носъ совершонно сплюснутый, а но-

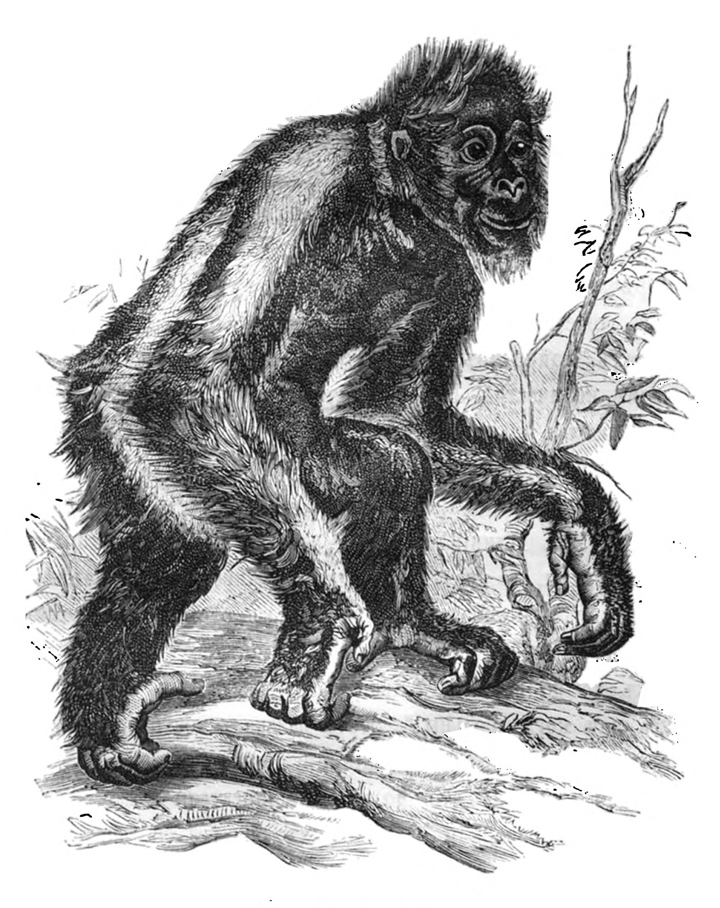
совая перегородка сильно выдается изъ за носовыхъ крыльевъ; глаза и уши маленькіе и устроены подобно человѣческимъ. На спинѣ волосы рѣдкіе, на груди очень тонкіе, но по бокамъ туловища густые и длинные. Голова особенно изобилуетъ длинными волосами. На верхней губѣ (усы), подъ щеками (бакенбарды), на черепѣ и на предплечьяхъ волосы направлены вверхъ, въ другихъ же частяхъ тѣла внизъ. Лице, ладони, часть груди и тыльная поверхность пальцевъ совершенно лишены волосъ. Цвѣтъ волосъ обыкновенно темнорыжій, рѣже темнобурый, и притомъ темнѣе на спинѣ и на груди, и свѣтлѣе на подбородкѣ. Безволосыя части тѣла имѣютъ синеватый или аспидносѣрый цвѣтъ.

Старые самцы отличаются отъ самокъ своею величиною и болѣе густою бородою; кромѣ того у нихъ на щекахъ находятся особенные мозолистые наросты или складки изъ кожи, которые тянутся полукругами отъ глазъ къ ушамъ и къ верхней челюсти и сильно безобразятъ лице. У молодыхъ орангъ-утанговъ бороды нѣтъ, но за то на остальныхъ частяхъ тѣла волосы гуще и темнѣе цвѣтомъ.

Въ настояще время уже никто больше не сомнѣвается въ томъ, что орангъ-утангъ водится исключительно на островѣ Борнео ([1]). Прежде полагали, что его можно встрѣтить также на Суматрѣ и другихъ зондскихъ островахъ; но это мнѣніе основывалось на ложныхъ показаніяхъ туземныхъ жителей. Долго также преобладало мнѣніе будто существуютъ два, три и даже четыре вида этой обезьяны, и будто каж-

---

([1]) Одинъ изъ большихъ острововъ зондскаго архипелага, въ индійскомъ океанѣ, южной Азіи.

Орангъ-утангъ.

дый изъ нихъ живетъ на особомъ островѣ. Однако въ настоящее время всѣ естествоиспытатели пришли къ убѣжденію, что всѣ азіатскіе орангъ-утанги, которыхъ причисляли къ разнымъ видамъ, были только различнаго возраста, но принадлежали всѣ къ одному и тому же виду, и что единственная родина всѣхъ этихъ обезъянъ островъ Борнео.

Орангъ-утангъ живетъ въ южныхъ и западныхъ частяхъ этого острова, изобилующихъ обширными болотистыми лѣсами, и всего болѣе по берегамъ рѣкъ. На горахъ его вовсе не встрѣчаютъ. Въ населенныхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ прежде водился, теперь его также больше не находятъ. Въ дикихъ же лѣсахъ, напротивъ того, орангъ-утанги встрѣчаются въ большомъ количествѣ. Но такъ какъ эти мрачные лѣса рѣдко посѣщаются людьми, то и наблюденія надъ свободною жизнью орангъ-утанга очень ограничены.

О существованіи орангъ-утанговъ знали уже въ глубокой древности. Уже Плиній писалъ, „что на индійскихъ горахъ живутъ сатиры, — чрезвычайно злыя животныя съ человѣческими лицами, которыя ходятъ то въ отвѣсномъ положеніи, то на четвереанькахъ, но которыя такъ прытко бѣгаютъ, что ихъ можно поймать только тогда, когда они уже состарились или когда больны.“ Этотъ разсказъ повторялся и передавался отъ одного поколѣнія другому и притомъ съ такими прибавленіями, что позднѣйшіе писатели даже почти забывали, что говорили о животныхъ: они изъ обезъянъ чуть не дѣлали дикихъ людей. Всѣ эти прибавленія и преувеличенія только запутывали и искажали истину. Врачъ Бонцій, жившій въ половинѣ XVII столѣтія на островѣ Явѣ, разсказываетъ о своихъ собственныхъ наблюденіяхъ и между прочимъ говоритъ, что ему нѣсколько разъ случалось видѣть

этихъ лѣсовиковъ, какъ самцевъ, такъ и самокъ. Они часто ходили въ отвѣсномъ положеніи и дѣлали такія же тѣлодвиженія, какъ и люди. Замѣчательна была одна самка, которая стыдилась, когда на нее смотрѣли незнакомые мужчины, и вслѣдствіе того закрывала руками не только лице, но и наготу свою. Она, бывало, вздыхала, плакала и дѣлала все, что дѣлаютъ люди, такъ что ей недоставало только языка, чтобы быть человѣкомъ. Туземные жители того мнѣнія, что лѣсовики произошли отъ смѣшенія обезъянъ съ индійскими женщинами. Броссе увѣряетъ даже, будто одинъ орангъ-утангъ похитилъ негритянку и держалъ ее у себя въ лѣсу цѣлые три года. Путешественниковъ впрочемъ нельзя винить въ этихъ преувеличеніяхъ, потому что они сообщаютъ только то, что слышали отъ туземныхъ жителей, которые съ намѣреніемъ разсказывали имъ разныя басни, чтобы возбудить въ легковѣрныхъ европейцахъ любопытство и вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе покупать у нихъ пойманныхъ ими орангъ-утанговъ, — тоже самое дѣлаютъ у насъ содержатели звѣринцевъ.

Но за устраненіемъ всѣхъ выдумокъ и баснословныхъ разсказовъ о естественной исторіи орангъ-утанга, достовѣрно извѣстно только слѣдующее:

Орангъ-утангъ живетъ въ уединенныхъ большихъ лѣсахъ острова Борнео, особенно же въ низменныхъ мѣстностяхъ, по берегамъ рѣкъ Кагайана, Сампита, Мандавеи, Котарингина и др. Только самки и молодыя обезъяны живутъ вмѣстѣ, и то небольшими шайками; изъ старыхъ же орангъ-утанговъ каждый живетъ отдѣльно и сближается съ самками только во время течки. Тогда оба пола зовутъ другъ друга криками, похожими на мычаніе быковъ. Старыя, дряхлыя

обезъяны проводятъ послѣдніе дни своей жизни на землѣ, а молодыя и крѣпкія предпочитаютъ деревья, такъ какъ при длинныхъ рукахъ имъ ходить довольно трудно, а лазить, напротивъ того, очень удобно. Долго ходить въ отвѣсномъ положеніи онѣ также не могутъ. Онѣ вообще смирныя животныя, даже когда молоды, а съ лѣтами становятся еще лѣнивѣе и неповоротливѣе. И по деревьямъ онѣ лазятъ довольно медленно и осторожно, подобно медвѣдямъ; большихъ прыжковъ никогда не дѣлаютъ.

На деревьяхъ орангъ-утанги находятъ все, что имъ нужно для своего существованія, а именно: плоды, растительныя почки, цвѣты, листья, сѣмена, кору, насѣкомыхъ и яйца. Ночь они всего охотнѣе проводятъ въ низменныхъ мѣстностяхъ темныхъ лѣсовъ, на деревьяхъ, покрытыхъ густыми листьями, чтобы имѣть защиту отъ вѣтра и дождя. Они устраиваютъ себѣ также нѣчто въ родѣ гнѣздъ, находящихся обыкновенно на высотѣ двѣнадцати или двадцати футовъ отъ поверхности земли. Они дѣйствительно похожи на гнѣзда большихъ птицъ, потому что сверху никогда ничѣмъ не бываютъ покрыты. Увѣряютъ, что понго спитъ не въ сидячемъ положеніи, а всегда лежа, подобно человѣку; въ холодное время онъ даже приготовляетъ себѣ покрывало изъ листьевъ. Тоже самое было замѣчено и у плѣнныхъ обезъянъ.

Орангъ-утангъ или понго принадлежитъ къ смирнымъ миролюбивымъ животнымъ. Онъ не боится и не избѣгаетъ встрѣчи съ человѣкомъ, и всегда смотритъ на него совершенно спокойно. Когда ему грозитъ опасность, онъ забирается на вершину дерева, и прячется тамъ или за толстый сукъ, или въ чащу листьевъ. Если же и здѣсь не находитъ безопаснаго убѣжища, то перебирается съ одного дерева на

другое; но все это дѣлается у него медленно, и какъ будто обдуманно, а отнюдь не съ тѣмъ проворствомъ, какимъ отличаются другія обезьяны. Когда его ранятъ пулею или стрѣлою, онъ обыкновенно громко вскрикиваетъ, начинаетъ ломать сучья и бросать ихъ на своего преслѣдователя. Однакожъ движенія его всегда вялы, даже когда онъ приходитъ въ ярость. Разсказъ о томъ, что онъ защищается вѣтвями, держа ихъ въ рукѣ какъ палку, не подтверждается достовѣрными путешественниками. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ вообще способенъ храбро защищаться, такъ какъ онъ обладаетъ мощными руками и здоровыми зубами. Ему не трудно переломить руку у человѣка, притомъ онъ жестоко кусается. Поймать взрослаго орангъ-утанга почти невозможно, молодаго же, напротивъ того, очень легко.

Многіе естествоиспытатели сообщали свои наблюденія надъ плѣненными орангъ-утангами, и всѣ они единогласно говорятъ, что молодые понго чрезвычайно добрыя, но вмѣстѣ съ тѣмъ нерасторопныя животныя. Первыми точными наблюденіями надъ этимъ животнымъ мы обязаны голландцу Фосмаэрну, который нѣкоторое время держалъ у себя самку. Она была чрезвычайно кротка и никогда не выказывала ни малѣйшей злости: ей можно было безъ всякаго опасенія положить руку въ ротъ. Съ виду она была печальна и уныла. Она вообще любила быть съ людьми безъ различія пола; но предпочитала общество тѣхъ, которые ею болѣе занимались. Такъ какъ ее держали на цѣпи, то она отъ этого иногда приходила въ отчаяніе, бросалась на полъ, жалобно кричала и рвала свое одѣяло. Обыкновенно она ходила на четвереньках, но могла также ходить и долго держаться въ отвѣсномъ положеніи, особенно съ помощью палки. Однажды, когда

ее отвязали отъ цѣпи, она пошла лазить по стропиламъ, и притомъ съ такою быстротою, что четыре человѣка, гнавшіеся за нею цѣлый часъ, едва могли опять поймать ее. При этомъ случаѣ она гдѣ-то подтибрила бутылку малаги, которую тотчасъ же откупорила и, выпивъ вино, поставила пустую бутылку опять на прежнее мѣсто. Она ѣла все, что бы ей ни давали, но предпочитала овощи и растительныя пряности. Отъ варенаго или жареннаго мяса и отъ рыбы она также никогда не отказывалась. За насѣкомыми она не гонялась. Когда ей однажды подали живаго воробья, она сначала испугалась, но потомъ начала полегоньку кусать его и кусала до тѣхъ поръ, пока онъ не испустилъ духъ; затѣмъ выщипала у него нѣсколько перьевъ и хотѣла съѣсть его, но отвѣдавъ его мясо бросила всю птицу. Сырыя яйца она ѣла очень охотно. Земляника была для нея настоящимъ лакомствомъ. Она обыкновенно пила воду, но любила также всѣ сорты вина, особенно же малагу. Послѣ питья или ѣды она всегда вытирала себѣ губы рукою, и даже употребляла зубочистку, подобно человѣку. Она отличалась въ особенности карманнымъ воровствомъ, и зачастую незамѣтно вытаскивала изъ кармановъ лакомства. Передъ сномъ она постоянно перетряхивала и поправляла сѣно, на которомъ спала, клала особый клочекъ подъ голову и ложась покрывала себя одѣяломъ. Она не охотно спала одна, и вообще не любила уединенія. Днемъ она, хотя иногда и дремала, но очень не долго. Одѣяло свое она накидывала то на голову, то на туловище, независимо оттого, стояла ли холодная или жаркая погода. Когда однажды при ней отпирали замокъ ея цѣпи, она съ большимъ вниманіемъ слѣдила за всѣми движеніями руки отпиравшаго, и затѣмъ взяла щепочку и

сама начала пытаться отпереть замокъ, поворачивая въ немъ деревяшку во всѣ стороны. Однажды ей принесли кошку, которую она съ радостью взяла на руки и начала обнюхивать, но когда кошка расцарапала ей руку, то она сейчасъ же выпустила ее и, посмотрѣвъ на свою царапину, на всегда отказалась отъ всякаго знакомства съ невѣжливою царапкою. Она умѣла развязывать самые запутанные узлы или пальцами, или зубами, и это занятіе до такой степени нравилось ей, что она постоянно развязывала башмаки у всѣхъ лицъ, которыя подходили къ ней. Въ рукахъ у нея была чрезвычайная сила и потому она могла поднимать большія тяжести. Ногами своими она владѣла не менѣе искусно; то, чего ей нельзя было достать руками, она притягивала ногами, лежа на спинѣ. Она кричала только въ такомъ случаѣ, когда оставалась одна; вѣроятно отъ скуки. Сначала этотъ крикъ смахивалъ нѣсколько на лай собакъ, но въ послѣдствіи онъ дѣлался все хриплѣе и хриплѣе, такъ что подъ конецъ онъ началъ уподобляться шуму отъ пиленія дровъ. Легочная чахотка рано прекратила ея жизнь.

Другой домашній понго, о которомъ разсказываетъ Жефризъ, отличался своею удивительною опрятностью: въ жилищѣ своемъ онъ часто подтиралъ полъ мокрою тряпкою, выметалъ крошки, убиралъ остатки пищи и т. д. Онъ, подобно человѣку, также мылъ себѣ руки и лице.

Третій орангъ-утангъ выказывалъ большую нѣжность и привязанность ко всѣмъ, которые его ласкали, и цѣловалъ своего хозяина и прислужника. Съ чужими онъ былъ застѣнчивъ, а съ знакомыми, напротивъ того, очень развязенъ и привѣтливъ.

Кювье также дѣлалъ наблюденія надъ однимъ понго, ко-

торому было всего одинадцать мѣсяцевъ, когда его привезли въ Парижъ, и который жилъ у него около полугода. Онъ ходилъ медленно и вообще былъ неповоротливъ во всѣхъ своихъ движеніяхъ. Опираясь на руку человѣка, онъ могъ ходить и въ отвѣсномъ положеніи, а когда садился, то принималъ положеніе восточныхъ жителей, т. е. скрещивалъ подъ себя ноги. Лазать ему было очень легко, и если вѣтви двухъ деревьевъ соприкасались, то онъ довольно ловко переходилъ съ одного дерева на другое. Въ Парижѣ ему часто давали свободу и между прочимъ позволяли бѣгать по саду; пользуясь этимъ, онъ нерѣдко забирался на дерево и оставался тамъ сидѣть на нѣкоторое время. Если тогда замѣчалъ, что кто нибудь намѣревается слѣдовать за нимъ на дерево, то онъ со всей силы начиналъ трясти вѣтви, какъ будто желая испугать своего преслѣдователя, и продолжалъ такимъ образомъ пока тотъ не удалялся. На кораблѣ его сильно занимали снасти; но качаніе судна внушала ему страхъ и потому онъ ходилъ по палубѣ не иначе какъ держась за канаты или за что нибудь другое. Ложась спать, онъ покрывался чѣмъ ни попало и для этого часто таскалъ у матросовъ платья, одѣяла и т. п. Когда наступалъ часъ, въ который ему давали ѣсть, онъ отправлялся къ своему прислужнику. Однажды мѣсто прислужника занялъ другой, который подалъ ему обычный кормъ; но понго рѣшительно отказался принять пищу отъ посторонняго человѣка, началъ кричать и въ отчаяніи бить себя руками по головѣ. Всякую пищу онъ бралъ сперва пальцами, рѣдко прямо ртомъ, а то, что ему давали въ первый разъ, онъ непремѣнно прежде обнюхивалъ и потомъ уже начиналъ ѣсть. Впрочемъ, подобно дѣтямъ, онъ былъ готовъ ѣсть во всякое время. Посѣщеніе чужихъ людей ему было въ

тягость, и чтобы не видѣть ихъ, нерѣдко закрывался одѣяломъ, подъ которымъ оставался до тѣхъ поръ, пока тѣ не уходили. Въ присутствіи же знакомыхъ онъ этого никогда не дѣлалъ.

Иногда онъ кусался и дрался, но это онъ дѣлалъ только съ дѣтьми, которыя его дразнили и то болѣе изъ желанія отвязаться отъ нихъ, чѣмъ отъ злости. Вообще же онъ былъ кротокъ и любилъ общество, давалъ себя ласкать и гладить и платилъ за ласки настоящими поцѣлуями. Когда у него раждалось какое нибудь сильное желаніе, то онъ давалъ объ этомъ знать особенно рѣзкимъ звукомъ, который у него вырывался изъ гортани также въ минуту гнѣва; въ послѣднемъ случаѣ онъ кромѣ того валялся по полу и дулся до тѣхъ поръ, пока неудовлетворяли его желанія. Онъ особенно полюбилъ двухъ котятъ и одного изъ нихъ часто держалъ подъ мышкою и даже сажалъ себѣ на голову, не смотря на то, что тотъ вцѣплялся въ его кожу когтями. Нѣсколько разъ, осматривая у котенка лапки, онъ пытался вырвать у него когти, но такъ какъ это ему не удалось, то онъ рѣшился лучше терпѣть боль, чѣмъ отказаться отъ общества своихъ любимцевъ.

Капитанъ Смитъ въ газетѣ Gartenlaube также сообщилъ свои наблюденія надъ однимъ орангъ-утангомъ, который пробылъ у него на кораблѣ цѣлые три мѣсяца. Пока корабль плылъ подъ азіатскимъ небомъ, эта обезъяна постоянно оставалась на палубѣ и только на ночь выбирала себѣ другое, болѣе безопасное мѣсто. Она всегда была весела и охотно играла съ другими обезъянами, которыя вмѣстѣ съ нею находились на кораблѣ и очень искусно лазали по снастямъ. Лазанье по канатамъ было и для орангъ-утанга любимымъ препровожденіемъ времени; и при этихъ упражненіяхъ онъ вы-

казывалъ большую ловкость и мышечную силу. У капитана было взято съ собою нѣсколько сотъ кокосовыхъ орѣховъ, изъ которыхъ онъ ежедневно давалъ орангъ-утангу по два. Орѣхи эти, имѣя скорлупу толщиною почти въ два дюйма, до того крѣпки, что ихъ трудно разбить даже топоромъ. Однакожъ орангъ-утангъ вскрывалъ ихъ очень искусно: онъ захватывалъ острый, неровный конецъ орѣха зубами и затѣмъ разрывалъ крѣпкую скорлупу одною ногою. Послѣ того онъ пальцами расширялъ нѣкоторыя изъ естественныхъ отверстій орѣха, выпивалъ изъ него молоко, затѣмъ разбивалъ орѣхъ на чемъ нибудь твердомъ и съѣдалъ самое зерно.

По мѣрѣ того какъ корабль удалялся отъ зондскихъ острововъ, орангъ-утангъ, вслѣдствіе уменьшенія теплоты, все болѣе и болѣе утрачивалъ свою обычную веселость. Онъ перестал играть, началъ рѣже показываться на палубѣ, и когда садился, всегда весь укутывался въ шерстяное одѣяло своей постели, которое постоянно таскалъ съ собою. Во время пребыванія въ южномъ умѣренномъ поясѣ, онъ большею частью оставался въ каютѣ и, перекинувъ черезъ голову одѣяло, нерѣдко сидѣлъ тамъ неподвижно по цѣлымъ часамъ. Постель онъ всегда приготовлялъ себѣ съ особенною тщательностью, и никогда не ложился спать безъ того, чтобы не растрепать волосъ своего матраца и не пригладить ихъ потомъ тыльною поверхностью рукъ. Приготовивъ такимъ образомъ свой ночлегъ, онъ ложился на спину, укутывался весь въ одѣяло, оставляя открытымъ только ротъ, и засыпалъ на цѣлые двѣнадцать часовъ. На родинѣ онъ съ правильностью вѣрныхъ часовъ ложился спать съ послѣднимъ лучемъ солнца, ровно въ шесть часовъ вечера, и вставалъ

ровно въ шесть часовъ утра, съ восходомъ солнца. Чѣмъ дальше корабль задавался на западъ и вмѣстѣ съ тѣмъ время начинало все болѣе и болѣе измѣняться, тѣмъ раньше орангъ-утангъ ложился спать, и тѣмъ раньше вставалъ, потому что онъ никогда не спалъ больше своихъ обычныхъ двѣнадцати часовъ. Хотя такая перемѣна часовъ, въ которые обезъяна ложилась спать, не совсѣмъ соотвѣтствовала времясчисленію моряковъ, однакожъ у нея все таки замѣтна была извѣстная степень правильности. У мыса Доброй Надежды она уже ложилась спать въ два часа послѣ обѣда и вставала въ половинѣ третьяго пополуночи. Въ послѣдствіи она постоянно ложилась въ это время, хотя корабль на пути своемъ плылъ уже въ мѣстахъ, гдѣ время представляло еще два часа разницы.

Кромѣ кокосовыхъ орѣховъ этотъ орангъ-утангъ очень любилъ соль, мясо, муку, саго и пр. и употреблялъ всѣ возможныя хитрости, чтобы достать побольше мяса. То, чѣмъ уже разъ завладѣлъ, онъ ни за что не возвращалъ, хотя бы его даже принуждали къ тому побоями. Три или четыре фунта мяса онъ легко съѣдалъ за одинъ разъ. Муку онъ доставалъ себѣ каждый день изъ кухни, потому что всегда умѣлъ воспользоваться мгновеннымъ отсутствіемъ повара, чтобы утащить у него горсть муки. По вторникамъ и пятницамъ, послѣ восьми часовъ, онъ постоянно приходилъ къ матросамъ въ гости, зная очень хорошо, что они въ эти дни получали саго съ сахаромъ и корицею. Столь же правильно являлся онъ къ двумъ часамъ въ каюту, чтобы участвовать въ общемъ обѣдѣ. За столомъ онъ велъ себя очень скромно и, противъ обыкновенія другихъ обезьянъ, былъ даже довольно опрятенъ, но никакъ не могли добиться того,

чтобы онъ употреблялъ ложку какъ слѣдуетъ. Онъ прямо подносилъ тарелку къ рту и выпивалъ супъ, не проливая ни одной капли. Такъ какъ онъ охотно пилъ спиртные напитки, то за каждымъ обѣдомъ ему давали по стакану вина, которое выпивалъ особеннымъ образомъ: высунувъ нижнюю губу на три дюйма впередъ и образовавъ изъ нея нѣчто въ родѣ ложки, онъ выливалъ въ нее весь стаканъ вина и затѣмъ начиналъ медленно втягивать его сквозь зубы, какъ бы для того, чтобы какъ можно дольше продлить ощущаемое наслажденіе. Нерѣдко это хлебаніе продолжалъ онъ нѣсколько минутъ и затѣмъ снова подставлялъ свой стаканъ для того, чтобы ему опять наливали вина. Отъ другихъ обезьянъ онъ въ особенности отличался тѣмъ, что никогда не разбивалъ посуды, а всегда осторожно ставилъ ее на мѣсто.

Этотъ орангъ-утангъ постоянно ходилъ на четверенькахъ и никогда въ отвѣсномъ положеніи, притомъ же всегда сперва опирался на руки и затѣмъ просовывалъ между ними ноги, точно также какъ дѣлаютъ люди, страдающіе параличемъ ногъ. Только одинъ разъ онъ поднялся на ноги и сдѣлалъ въ отвѣсномъ положеніи нѣсколько шаговъ, но при этомъ обѣими руками держался за бортъ корабля, подобно тому какъ дѣлаютъ дѣти, начинающія ходить. Во время всего путешествія онъ лазалъ очень рѣдко и то обыкновенно только тогда, когда его любимица, другая маленькая обезьяна, должна была подвергаться наказанію за какую нибудь шалость: въ такихъ случаяхъ молодая проказница всегда искала убѣжища у груди своего стараго друга, который тогда взбирался съ своею наперсницею на снасти и оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока не миновала грозившая опасность.

Во все время плаванія, отъ орангъ-утанга слышали только два рода звуковъ: одинъ изъ нихъ, слабый, свистящій гортанный звукъ, онъ издавалъ въ минуты сердечнаго волненія; другой, выражавшій страхъ, состоялъ въ страшномъ ревѣ, который нѣсколько походилъ на крикъ испуганной коровы. Этотъ крикъ ужаса одинъ разъ вырвался у него при видѣ стада кашалотовъ (потъ-рыба), плывшихъ мимо корабля, а другой разъ при видѣ водяныхъ змѣй, которыхъ его хозяинъ везъ на кораблѣ съ острова Явы. Однако выраженіе его лица никогда не измѣнялось.

Къ сожалѣнію, это превосходное животное, еще до прибытія корабля въ Германію, поплатилась жизнью за свою неосторожность. Боби, такъ звали матросы находившагося на кораблѣ орангъ-утанга, замѣтилъ, что буфетчикъ, устанавливавшій бутылки съ ромомъ, оставилъ нѣкоторыя изъ нихъ на палубѣ. Это было въ два часа пополудни, когда Боби ложился спать. Но ночью онъ подкрался къ оставленнымъ бутылкамъ и между пустыми нашелъ одну полную, которую онъ тотчасъ же откупорилъ и осушилъ до дна. Спустя десять минутъ послѣ этого, Боби вдругъ началъ суетиться и прыгать по стульямъ и столамъ, причемъ дѣлалъ очень смѣшныя движенія, сначала какъ человѣкъ пьяный, а потомъ даже какъ сумасшедшій, — и его никакъ нельзя было унять. Это состояніе продолжалось около четверти часа, затѣмъ онъ упалъ на земь и пролежалъ нѣсколько часовъ, въ окостенѣломъ, совершенно неподвижномъ положеніи. Когда онъ затѣмъ пришелъ въ себя, у него открылась сильная нервная лихорадка, которая и положила конецъ его жалкой жизни. Во все время болѣзни онъ ничего не ѣлъ и только пилъ вино съ водою и принималъ лекарства, которыя ему давали. Такъ какъ однажды

его хозяинъ пощупалъ у него пульсъ, то онъ каждый разъ, когда тотъ подходилъ къ нему, подставлялъ руку. Притомъ же онъ посматривалъ на всѣхъ такими умоляющими взорами, что у его прислужника часто навертывались слезы на глазахъ. Его силы постепенно ослабѣвали и наконецъ послѣ четырнадцати дней молодая, неосторожная обезъяна сдѣлалась жертвою сильнаго припадка лихорадки.—Такимъ образомъ страсть ея къ спиртнымъ напиткамъ и неумѣренное употребленіе ихъ были причиною ея преждевременной погибели, точно также какъ это нерѣдко случается съ молодыми людьми, не привыкшими къ дѣйствію крѣпкихъ влагъ.

ГИББОНЫ ИЛИ ДЛИНОРУКІЯ.

Hylobates.—Langarmaffen.

Ни у какихъ обезъянъ нѣтъ такихъ длинныхъ рукъ, какъ у гиббоновъ: онѣ хватаютъ до лодыжекъ, даже когда обезъяна стоитъ въ отвѣсномъ положеніи и совершенно выпрямившись. Уже одинъ этотъ признакъ достаточно отличаетъ ихъ отъ всѣхъ другихъ видовъ породы обезъянъ.

Гиббоны составляютъ небольшое семейство; по крайней мѣрѣ до сихъ поръ извѣстны только семь видовъ, которые могутъ быть причислены къ этому семейству и которые всѣ безъ исключенія водятся въ Азіи, а именно, въ Остъ-Индіи и на принадлежащихъ къ ней островахъ. Ростъ ихъ никогда не превышаетъ трехъ футовъ. Не смотря на высокую грудь, тѣло у нихъ вообще стройное, потому что животъ у нихъ такой же узенькій, какъ у борзыхъ собакъ. Ноги гораздо короче рукъ, а у нѣкоторыхъ видовъ средній и указательный пальцы нѣсколько срастаются другъ съ другомъ. Голова маленькая и яйцеобразная, а лице нѣсколько смахиваетъ на человѣческое. Сѣдалищныя мозоли маленькія, а хвостъ снаружи не замѣтенъ. Тѣло покрыто густыми волосами, кото-

рые у иныхъ обезьянъ мягки какъ шелкъ; цвѣтъ кожи у гиббоновъ черный, коричневый, буроватосѣрый и соломенножелтый.

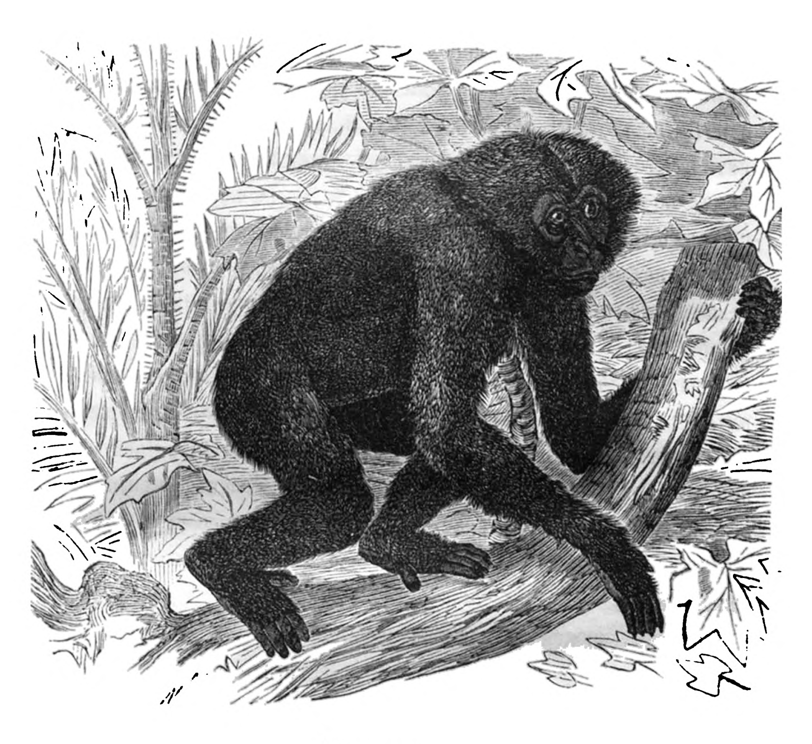
Изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ гиббоновъ всего болѣе наблюдали слѣдующіе три вида: *сіамангъ* (*hylobates syndactylus*), *унгко* (*hylobates agilis*) и *оа* (*hylobates leuciscus*).

Сіамангъ, самая большая обезъяна этого семейства, водится на островѣ Суматрѣ, и отличается отъ другихъ видовъ особеннымъ гортаннымъ мѣшкомъ, который во время крика вздувается, принимаетъ видъ шара и такимъ образомъ значительно усиливаетъ голосъ. Цвѣтъ кожи у сіаманга черноватый, а на не обросшихъ волосами мѣстахъ черный, какъ сажа, или темнобурый.

Унгко, встрѣчаемый какъ на островѣ Суматрѣ, такъ и на малайскомъ полуостровѣ, меньше ростомъ, но за то стройнѣе, а цвѣтъ кожи его, представляетъ всѣ оттѣнки отъ бѣлаго и желтаго до бураго и чернаго.

Оа или *ваувау*, какъ ее зовутъ явайцы, большею частью бываетъ сѣраго или буроватосѣраго цвѣта; передняя часть головы и грудь чернобураго, подбородокъ же и щеки, точно также какъ и часть надъ глазами, бѣлаго цвѣта. Она водится на всѣхъ большихъ островахъ индійскаго океана и также на материкѣ.

Гиббоны живутъ въ индійскихъ лѣсахъ, начиная отъ морскихъ береговъ до мѣстностей, лежащихъ 4000 футовъ выше поверхности моря. Нѣкоторые изъ нихъ предпочитаютъ замѣчательныя чащи древовидныхъ злаковъ, а другіе, напротивъ того, лѣса изъ высокихъ деревьевъ. Имъ вообще удобнѣе пребывать на деревьяхъ, по которымъ они лазятъ съ чрезвычайною быстротою.

Сіамангъ.

Тѣлосложеніе гиббоновъ самою природою приспособлено къ лазанію и прыганію: въ полной груди помѣщаются большія здоровыя легкія, которыя безъ всякаго напряженія совершаютъ свои отправленія даже при сильномъ волненіи, происходящемъ въ крови отъ скораго движенія; короткія, но крѣпкія ноги доставляютъ имъ необходимую упругость для большихъ прыжковъ, а длинными руками они удобно обхватываютъ любой сукъ, который долженъ служить имъ точкою опоры. Понятно, что при несоразмѣрности въ длинѣ переднихъ и заднихъ членовъ, гиббонамъ должно быть очень неудобно ходить по землѣ, потому что, когда они опираются на ноги, имъ нельзя иначе поддерживать равновѣсіе, какъ раздвигая руки по бокамъ; за то въ лазаніи по деревьямъ они выказываютъ удивительную ловкость и расторопность. Если гориллу можно считать Геркулесомъ обезьянъ, то гиббона можно сравнить съ Меркуріемъ; одинъ видъ гиббоновъ (hylobates lar) дѣйствительно носитъ названіе любовницы Меркурія, прекрасной и болтливой найяды Лары, которая своимъ языкомъ возбудила гнѣвъ Юпитера, но своею красотою пріобрѣла себѣ любовь Меркурія и такимъ образомъ спаслась отъ власти Гадеса.

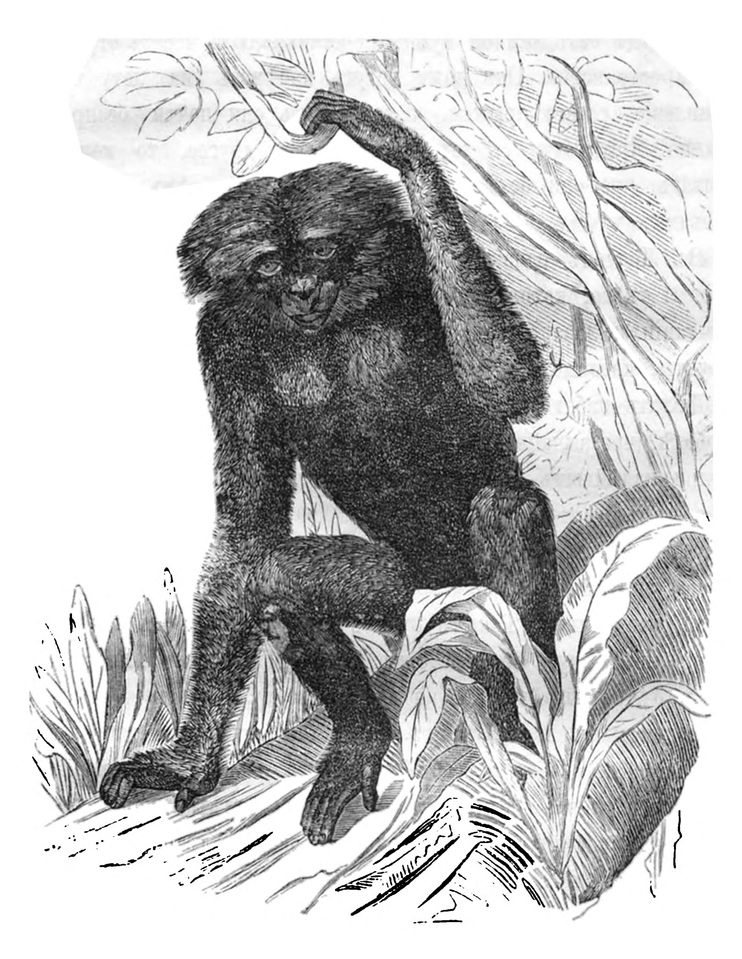
Всѣ естествоиспытатели, наблюдавшіе за гиббонами, единогласно отдаютъ имъ преимущество передъ всѣми другими обезьянами въ искуствѣ лазать по деревьямъ. И дѣйствительно, они съ неимовѣрною скоростью и увѣренностью взбираются на любую вѣтвь высокаго дерева и, покачавшись на ней по разнымъ направленіямъ, перескакиваютъ на вѣтвь другаго дерева, находящагося въ разстояніи сорока футовъ и болѣе, и притомъ нѣсколько разъ сряду, взадъ и впередъ; все это у нихъ дѣлается такъ легко и проворно, что ка-

жется будто они летаютъ по воздуху. Эти прыжки они дѣлаютъ, по видимому, для собственнаго удовольствія, потому что иногда безъ всякой нужды перескакиваютъ черезъ огромное пространство. Они даже могутъ измѣнять на лету направленіе своего прыжка, и такъ какъ они почти безпрестанно прыгаютъ съ одного дерева на другое, то можно сказать, что они болѣе живутъ въ воздухѣ, чѣмъ на деревьяхъ.

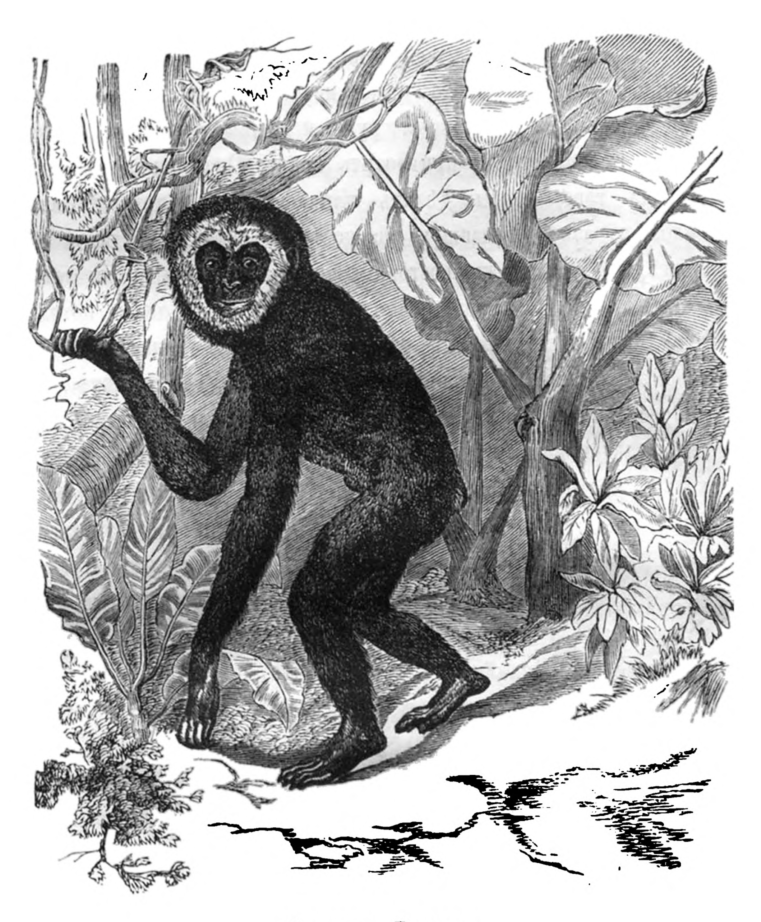
Въ Лондонъ однажды привезли одну живую самку изъ породы унгко, которая выказывала удивительную ловкость въ прыганіи и лазаніи: она на лету, во время прыжка, ловила фрукты, которые ей бросали зрители.

Дѣлать наблюденія надъ дикими гиббонами въ лѣсу, на свободѣ, чрезвычайно трудно, потому что они очень боязливы и при малѣйшемъ безпокойствѣ тотчасъ обращаются въ бѣгство и въ нѣсколько минутъ скрываются изъ вида. Любознательный естествоиспытатель можетъ только издали, съ помощью зрительной трубки, слѣдить за обыкновенною жизнью этихъ животныхъ. Такимъ путемъ Дювоселю удалось видѣть отношеніе между одною матерью и ея дѣтенышемъ. Разсказывая о чрезвычайной любви ея къ своему питомцу, этотъ естествоиспытатель увѣряетъ, между прочимъ, что гиббоны вообще очень заботятся объ опрятности своихъ дѣтенышей. Вотъ его слова: „Мнѣ часто случалось видѣть, какъ матери отъ времени до времени носили своихъ дѣтенышей къ рѣкѣ и, не смотря на ихъ крики и сопротивленія, тщательно обмывали имъ лице.“

Впрочемъ материнская любовь у гиббоновъ выказывается и при всѣхъ другихъ обстоятельствахъ. Дювосель убѣдился, что каждый гиббонъ самецъ, въ случаѣ опасности, заботится

Унгко.

Оа или Ваувау.

только о своемъ собственномъ спасеніи, самка же, напротивъ того, никогда не оставляетъ своего дѣтеныша. Когда послѣдній находится въ опасности или когда ему нанесли рану, мать его остается около него, испускаетъ жалобные крики, вытягиваетъ свои длинныя руки и открываетъ ротъ, какъ будто желая этимъ пригрозить врагу. Она слишкомъ слаба для того, чтобы дѣлать нападеніе на непріятеля или силою отразить грозящую опасность, и если ее застигли на землѣ, то она не въ состояніи ни нанести удара, ни даже задать тягу. На землѣ поймать гиббона очень легко; потому что хотя онъ и дѣлаетъ нѣкоторыя попытки спастись бѣгствомъ, однако его неповоротливость на землѣ служитъ ему непреодолимою помѣхою. Ноги у гиббоновъ слишкомъ коротки въ сравненіи съ туловищемъ, а потому это послѣднее при ходьбѣ постоянно наклоняется впередъ, а длинныя руки служатъ имъ только наподобіе костылей, и они прыгаютъ на нихъ подобно хромающему человѣку, бѣгущему отъ страха. Они, по видимому, сами сознаютъ свою слабость, и въ случаѣ погони за ними обыкновенно поддаются безъ всякаго сопротивленія. Малайцы увѣряютъ, что когда нападаетъ на гиббона тигръ, первый даже не дѣлаетъ никакихъ попытокъ спастись отъ гибели.

Гиббоновъ, какъ мы уже сказали, рѣдко удается наблюдать, но за то ихъ очень часто можно слышать: каждый день, при восходѣ и закатѣ солнца, они обыкновенно испускаютъ такіе громкіе крики, что непривыкшіе къ этой музыкѣ приходятъ отъ нея въ испугъ. Для горожанъ эти *ревуны* стараго свѣта и будители горныхъ жителей настоящее мученіе, потому что они немилосердно терзаютъ ихъ слухъ своимъ, даже для привычнаго уха, невыносимымъ во-

емъ, который слышенъ иногда за англійскую милю. У плѣнныхъ гиббоновъ замѣчали тотъ же самый крикъ. Внимательный наблюдатель Бенетъ, державшій у себя въ домѣ сіаманга, говоритъ, что каждый разъ, когда обезъяна эта была чѣмъ нибудь взволнована, она вытягивала губы въ видѣ воронки и, втянувъ въ гортанный мѣшокъ достаточное количество воздуха, начинала издавать звуки, подобные крику индѣйскаго пѣтуха. Она кричала такимъ образомъ, какъ въ радостномъ, такъ и въ гнѣвномъ волненіи. Самка изъ породы унгко, которую привезли въ Лондонъ (см. стр. 85), иногда также громко кричала, и притомъ особеннымъ, систематическимъ образомъ. Звуки, которые она издавала, легко можно было выражать музыкальными нотами. Она начинала кричать основнымъ тономъ *ми* и потомъ постепенно возвышала звуки полутонами до полной октавы, подражая такимъ образомъ хроматической гаммѣ. Основный тонъ всегда былъ слышенъ и служилъ предудареніемъ (аподжіатурою) для каждаго изъ слѣдующихъ звуковъ. При возвышеніи голоса отдѣльные тоны слѣдовали одинъ за другимъ все медленнѣе и медленнѣе, а при пониженіи все скорѣе и скорѣе и наконецъ очень скоро. Шкала звуковъ всегда заключалась пронзительнымъ крикомъ, который обезъяна испускала съ видимымъ напряженіемъ силъ. Правильность, скорость и вѣрность, съ которыми эта обезъяна повышала и понижала голосъ, слѣдуя порядку звуковъ шкалы, возбуждали всеобщее удивленіе. Казалось, будто она при этомъ пѣніи сама чувствовала сильное волненіе, такъ какъ у нея каждая мышца напрягалась и все тѣло приходило въ содраганіе.

Въ комнатѣ уже крикъ одного гиббона очень непріятно дѣйствуетъ на нервы; изъ этого можно заключить, до какой

степени должны быть несносны соединенные крики цѣлой шайки.

Относительно умственныхъ способностей гиббоновъ, мнѣнія наблюдателей различны. Дювосель описываетъ сіаманга какъ животное вялое, неповоротливое, глупое, лѣнивое, боязливое, равнодушное къ своимъ благодѣтелямъ и неспособное ни любить человѣка, ни ненавидѣть его. Бенетъ, напротивъ того, отдаетъ ему болѣе справедливости. Онъ взялъ съ собою одного сіаманга и довезъ его почти до границъ Европы. Во время путешествія эта обезъяна вскорѣ привязала къ себѣ весь экипажъ и всѣхъ пассажировъ. Она въ короткое время привыкла къ людямъ и была очень любезна съ матросами. Притомъ же она вовсе не была вялая, а напротивъ того, выказывала большую ловкость и расторопность, охотно лазила по снастямъ и предавалась разнымъ невиннымъ играмъ. Къ одной папуйской дѣвушкѣ этотъ сіамангъ былъ особенно привязанъ и зачастую сидѣлъ рядомъ съ нею на палубѣ, обнимая ея шею руками и жуя съ нею хлѣбъ. Съ другими обезъянами, находившимися на кораблѣ, ему, по видимому, очень хотѣлось сблизиться, но такъ какъ тѣ постоянно удалялись отъ него, то онъ возненавидѣлъ ихъ до того, что наконецъ не пропускалъ ни одного удобнаго случая, гдѣ могъ подразнить и помучить ихъ. Бывало поймаетъ одну изъ обезьянъ и начинаетъ дѣлать съ нею разныя проказы: то протащитъ ее за хвостъ по всему кораблю, то даже поднимется съ нею на одну изъ райнъ и броситъ ее оттуда внизъ на палубу,—словомъ, мучилъ разнымъ образомъ. Кромѣ того онъ былъ очень любопытенъ, осматривалъ все, что привлекало его вниманіе и нерѣдко взбирался высоко на мачту, чтобы полюбоваться видомъ окрестностей. Онъ не оставлялъ безъ вниманія ни одного

проѣзжавшаго корабля и всегда слѣдилъ за нимъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не скрывался изъ вида. Чувства его мѣнялись очень скоро. Въ немъ очень легко было пробудить гнѣвъ, и тогда онъ ломался и кривлялся совершенно какъ разсерженный ребенокъ, валялся по палубѣ, искажая лице и вытягивая члены, отталкивалъ отъ себя все, что попадалось ему на дорогѣ и при этомъ безъ умолку кричалъ „ра! ра! ра!“ Этими звуками онъ всегда выражалъ свое неудовольствіе. При всякомъ, даже малѣйшемъ сопротивленіи его волѣ, грудь его подымалась, лице принимало серьезное выраженіе и звуки ра, ра слѣдовали скоро одинъ за другимъ, какъ будто для того, чтобы вызвать у обидчика страхъ. Къ величайшему сожалѣнію всего экипажа жизнь этой забавной обезьяны прекратилась еще до пріѣзда въ Англію.

Упомянутая нами самка унгко была также очень любезна и привѣтлива со всѣми людьми, которыхъ она знала. Она всегда съ вѣрнымъ чувствомъ отличала женщинъ отъ мужчинъ. Къ первымъ она большею частью подходила сама, подавала имъ руку и позволяла себя ласкать; къ мужчинамъ же, напротивъ того, она выказывала явную недовѣрчивость, вѣроятно вслѣдствіе обидъ, которыя нѣкоторые изъ нихъ прежде нанесли ей. Впрочемъ потомъ, когда уже познакомилась съ мужчинами, она сдѣлалась привѣтливою и съ ними.

Домашнихъ гиббоновъ встрѣчаютъ очень рѣдко, даже въ ихъ отечествѣ, потому что пойманные гиббоны не долго переживаютъ лишеніе своей свободы; они сильно тоскуютъ по своимъ лѣсамъ и веселымъ играмъ, становятся замѣтно скромнѣе и скучнѣе, пока наконецъ не изведутся совершенно.

ТОЩАВКИ ИЛИ ТОЩІЯ ОБЕЗЪЯНЫ.

СТРОЙНЫЯ ИЛИ ТОНКІЯ ОБЕЗЪЯНЫ.

Semnopithecus. — Schlankaffen.

Эта порода обезъянъ отличается стройнымъ тѣлосложеніемъ, тонкими членами и очень длиннымъ хвостомъ, маленькою головою, голымъ лицемъ и короткимъ рыломъ. Сѣдалищныя мозоли также очень маленькія. Гибкостью онѣ нѣсколько похожи на гиббоновъ. Пальцы на рукахъ очень длинные, но большой палецъ такъ коротокъ, что онѣ ничего не могутъ захватывать имъ. Волосы у нихъ чрезвычайно нѣжные и очень пріятнаго цвѣта. Гортанный мѣшокъ различной величины.

Тощія обезъяны водятся въ южной Азіи, какъ на материкѣ, такъ и на островахъ, начиная съ береговъ моря до возвышенностей въ десять или одиннадцать тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Они постоянно живутъ на деревьяхъ и ведутъ общественную жизнь. Умственныя способности у нихъ почти такія же, какъ у гиббоновъ или мартышекъ.

Гульманъ или Гунеманъ.

Semnopithecus entellus. — Der Hulman.

Гульманъ встрѣчается въ большей части странъ Индіи, гдѣ онъ постепенно распространяется все далѣе и далѣе, потому что почти всѣ индусы считаютъ эту обезьяну священнымъ животнымъ и вслѣдствіе того защищаютъ и берегутъ ее. Она всего около двухъ съ половиною футовъ длиною, а хвостъ ея имѣетъ три фута въ длину и оканчивается кистью. Цвѣтъ ея волосъ желтоватобѣлый; голыя же части тѣла темнофіолетоваго цвѣта. Тѣ части лица, рукъ и ногъ, которыя покрыты волосами, равно и жесткій хохолъ изъ волосъ, большею частью совершенно чернаго цвѣта; короткая борода, напротивъ того, желтовата.

Гульманъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ числѣ многихъ милліоновъ индійскихъ божествъ и этой честью онъ пользуется уже съ незапамятныхъ временъ. По индійскимъ преданіямъ великанъ Раванъ однажды похитилъ Ситу, супругу Шри-Рамы, и отвезъ ее къ себѣ на островъ Цейлонъ. Но гульманъ, одна изъ обезъянъ, освободилъ ее изъ плѣна и возвратилъ мужу. Съ тѣхъ поръ онъ считается героемъ,

и преданіе превозноситъ силу его ума и необыкновенное проворство его. Ему же индусы, какъ сами увѣряютъ, обязаны любимымъ плодомъ *манго*, который онъ похитилъ изъ сада великана. Въ наказаніе за это воровство его присудили къ сожженію на кострѣ (кто именно присудилъ неизвѣстно), однакожъ онъ затушилъ огонь и спасся, но при этомъ опалилъ себѣ лице и руки, которыя оттого до сихъ поръ еще остались черными. Всѣ эти обстоятельства были причиною тому, что брамины признали его божествомъ.

Въ Индіи эта обезъяна извѣстна уже съ давнихъ временъ, но въ Европѣ о существованіи ея узнали очень поздно и именно потому только, что никто изъ путешественниковъ не думалъ, чтобы такое общераспространенное въ Индіи животное не было уже извѣстно европейскимъ естествоиспытателямъ, а вслѣдствіе того и не считалъ вовсе нужнымъ посылать въ Европу чучело этой обезъяны. Притомъ же убіеніе гульмана въ Индіи сопряжено не только съ затрудненіями, но даже съ опасностью, потому что за исключеніемъ маратовъ всѣ индусы почитаютъ эту обезъяну божествомъ и вслѣдствіе того охраняютъ и защищаютъ ее, какъ всякій другой священный предметъ. Европеецъ, осмѣливающійся убить гульмана, подвергаетъ опасности свою собственную жизнь, особенно если онъ находится одинъ между индусами. Кромѣ того, одно семейство индійскихъ властителей даже приписываетъ свое происхожденіе этой обезъянѣ и на этомъ основаніи члены его носятъ титулъ *хвостовыхъ рай*.

Въ настоящее время уваженіе къ этому священному животному нисколько не уменьшилось противъ прежняго. Индусы позволяютъ гульманамъ грабить свои домы, поля и сады и презираютъ тѣхъ, которые осмѣливаются обижать ихъ. Та-

Гульманъ.

вернье разсказываетъ, что когда одинъ молодой голландецъ, недавно пріѣхавшій туда изъ Европы, выстрѣлилъ изъ пистолета въ гульмана, бродившаго у него въ саду, его люди, которые всѣ были туземцы, подняли такой шумъ, что ихъ никакъ нельзя было унять: они тотчасъ же отказались служить ему, боясь въ противномъ случаѣ погибнуть вмѣстѣ съ иностраннымъ грѣшникомъ. Дювосель говоритъ, что ему долго не представлялось случая убить обезьяну, потому что туземные жители всячески препятствовали ему исполнить это намѣреніе. Гдѣ бы этотъ естествоиспытатель не появлялся со своимъ оружіемъ, вездѣ индіецъ разгонялъ обезъянъ, а одинъ изъ набожныхъ браминовъ даже имѣлъ терпѣніе въ продолженіе цѣлаго мѣсяца сидѣть въ саду европейца и выгонять оттуда почитаемыхъ животныхъ, каждый разъ какъ только незнакомецъ обнаруживалъ намѣреніе охотиться за ними. Форбесъ увѣряетъ, что въ Дибоѣ столько же обезъянъ, сколько и людей. Когда кто нибудь изъ жителей этого города желаетъ за что нибудь отмстить своему сосѣду, то онъ незадолго передъ началомъ дождливой погоды, посыпаетъ ему на крышу большое количество риса или другихъ хлѣбныхъ зеренъ. Обезъяны, завидѣвъ приготовленный для нихъ кормъ, тотчасъ же собираются на крышу, съѣдаютъ всѣ зерна, потомъ начинаютъ срывать черепицу, чтобы достать и тѣ зерна, которыя попали въ расщелины, и такимъ образомъ портятъ всю крышу. А такъ какъ въ дождливое время трудно найти свободнаго кровельщика, то дождь проникаетъ въ домъ и производитъ въ немъ значительную порчу.

Индусы сильно заботятся не только о здоровыхъ, но и о больныхъ обезъянахъ. Тавернье видѣлъ въ Амадабадѣ больницу, въ которой лечатъ обезъянъ, быковъ, коровъ и т. д.

Отъ времени до времени на всѣхъ балконахъ насыпаютъ риса, проса, финиковъ и сахарнаго тростника для покормленія обезъянъ, которыя однакожъ этимъ не довольствуются, а простираютъ свою смѣлость до того, что не только обираютъ сады, но во время обѣда проникаютъ въ комнаты и вырываютъ у людей пищу изъ рукъ. Миссіонеръ Джонъ увѣряетъ, что ему только постоянною бдительностью удалось спасти свои платья и другія вещи отъ этихъ неотвязчивыхъ воровъ—обезъянъ.

Но за всѣмъ тѣмъ гульманы очень красивыя и привлекательныя животныя. Джонъ говоритъ, что онъ никогда не видалъ обезъянъ, красивѣе гульмановъ. Милое ихъ обращеніе другъ съ другомъ и совершаемые ими огромные прыжки обращаютъ на себя вниманіе всякаго наблюдателя. Они съ неимовѣрною быстротою и ловкостью взбираются на вершину любаго дерева и потомъ однимъ прыжкомъ соскакиваютъ оттуда внизъ. Иногда смотришь, вдругъ собирается ихъ цѣлая масса, но не успѣешь оглянуться, какъ уже всѣ опять скрылись изъ вида, чтобы потомъ въ одно мгновеніе собраться снова.

Молодые гульманы, у которыхъ, надо замѣтить, бываетъ всегда круглая голова, очень умны: они хорошо понимаютъ, что для нихъ вредно и что полезно, легко дѣлаются ручными, но выказываютъ непреодолимую наклонность къ воровству. Съ лѣтами форма головы у нихъ измѣняется, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣваютъ умственныя ихъ способности. По мѣрѣ того, какъ голова гульмана теряетъ свою благовидную круглую форму, дѣлаясь площе и принимая болѣе животный видъ, умъ его начинаетъ замѣняться тупоуміемъ, а природная довѣрчивость—наклонностью къ уединенію, про-

ворство и ловкость—грубою силою; словомъ, старая обезъяна дѣлается совершенно отличною отъ молодой.

Гульманы иногда предпринимаютъ большія путешествія. Такъ напр., передъ началомъ дождливаго времени они появляются въ нижней Бенгаліи, а по окончаніи его отправляются опять въ вышележащія мѣстности. Съ возвращеніемъ ихъ для браминовъ наступаетъ время самыхъ хлопотливыхъ занятій, такъ какъ они обязаны безпрестанно ухаживать за этими священными животными и защищать ихъ противъ всякой обиды.

Великолѣпная индійская смоковница служитъ имъ любимымъ мѣстопребываніемъ. Подъ этимъ деревомъ, говорятъ, водятся ядовитыя змѣи, которыя живутъ съ обезъянами въ постоянной враждѣ. По этому случаю разсказываютъ, будто бы гульманъ, при видѣ спящей змѣи, хватаетъ ее за затылокъ и разбиваетъ о камень. Но этотъ разсказъ по всей вѣроятности индійская выдумка, потому что всѣ обезъяны, какъ извѣстно, чувствуютъ непреодолимое отвращеніе къ змѣямъ и боятся ихъ пуще всѣхъ животныхъ. Едва ли можно допустить, чтобы гульманы въ этомъ отношеніи отличались отъ другихъ обезъянъ.

Гульманы также очень привязаны къ своимъ дѣтенышамъ. Дювосель говоритъ, что разъ какъ-то ему удалось подстрѣлить одну самку, но потомъ самъ не радъ былъ своей удачной охотѣ, потому что ему пришлось быть свидѣтелемъ истинно трогательной картины: у бѣдной самки былъ съ собою ея дѣтенышъ, и не смотря на то, что пуля поразила ее почти въ самую грудь, она собрала свои послѣднія силы, чтобы отнести своего любимца на ближайшее дерево, и затѣмъ замертво упала на землю. „Эта черта, прибавляетъ

Дювосель, произвела на меня гораздо больше впечатлѣнія, чѣмъ всѣ представленія и увѣщанія браминовъ: вмѣсто того, чтобы радоваться пріобрѣтенію такой превосходной обезъяны, я почувствовалъ самое искреннее раскаяніе и никакъ не могъ простить себѣ, что убилъ животное, которое еще при послѣднемъ издыханіи являла собою такой благородный примѣръ материнской любви."

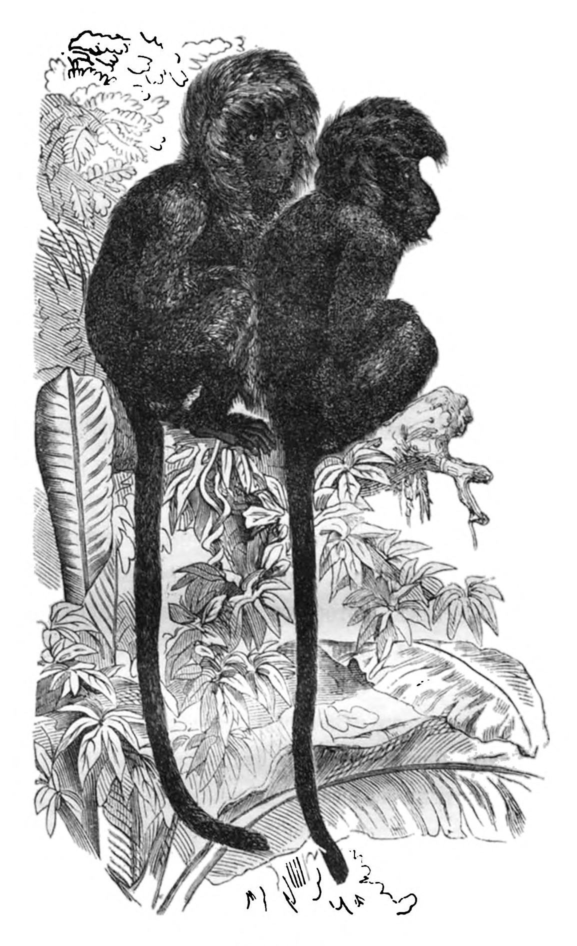
Буденгъ.

Semnopithecus (presbytis maurus). — Der Budeng.

Въ зрѣломъ и старческомъ возрастѣ буденгъ отличается блестящимъ чернымъ цвѣтомъ волосъ, которые на лицѣ и на рукахъ имѣютъ видъ бархата, а на спинѣ уподобляются мягкому шелку. На животѣ у него волосы рѣже и къ тому же имѣютъ нѣсколько буроватый оттѣнокъ, а на головѣ они образуютъ родъ шапки и спускаются на лобъ и на обѣ щеки. У новорожденныхъ буденговъ волосы золотистожелтые и только верхушки волосъ нижней части спины, верхней части хвоста и его кисть нѣсколько потемнѣе цвѣтомъ. Но они очень скоро начинаютъ темнѣть, такъ что спустя нѣсколько мѣсяцевъ руки, верхняя часть головы и кисть хвоста дѣлаются уже совсѣмъ черными, и съ этихъ поръ покровъ молодой обезъяны постепенно принимаетъ видъ кожи старыхъ обезъянъ. Обыкновенная длина этой красивой обезъяны около двухъ футовъ, а длина хвоста почти два съ половиною фута.

Вотъ, что пишетъ о буденгѣ Горсфійльдъ:

„Буденги живутъ вмѣстѣ, большими шайками, въ обширныхъ лѣсахъ острова Явы. Ихъ обыкновенно встрѣчаютъ на

Буденги.

вершинахъ деревьевъ, куда они нерѣдко забираются цѣлыми шайками въ пятьдесятъ штукъ и болѣе. При приближеніи къ нимъ человѣка, они начинаютъ громко кричать и въ порывѣ гнѣва ломаютъ вѣтви и бросаютъ ихъ своему преслѣдователю въ голову.

„Буденгъ не такъ любимъ туземными жителями, какъ сродный съ нимъ *лутунгъ*, — обезьяна краснаго цвѣта. Когда явайцамъ удается поймать лутунга, они всѣми мѣрами стараются сдѣлать его ручнымъ и оказываютъ ему большую привязанность и вниманіе. Буденгомъ же, напротивъ того, они не очень-то любятъ заниматься, потому что его очень трудно сдѣлать покорнымъ и кроткимъ: въ плѣну онъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ остается серьезнымъ и сердитымъ, а такъ какъ это нисколько незабавно, то неудивительно, что явайцы рѣдко держатъ у себя въ домѣ буденга. Между тѣмъ они вообще очень привязаны къ другимъ обезьянамъ, и какъ у знатныхъ, такъ и у простаго народа вездѣ встрѣчаютъ обезъянъ, которыхъ обыкновенно держатъ въ конюшняхъ, вмѣстѣ съ лошадьми.

„Но явайцы часто убиваютъ буденговъ на охотѣ и снимаютъ съ нихъ кожу, которую употребляютъ на чапраки и т. п. Всего дороже цѣнятся самыя черныя шкуры съ длинными шелковистыми волосами.

„Въ молодости своей буденгъ питается нѣжными листьями разныхъ растеній, а подъ старость всякаго рода дикими плодами, которыхъ въ обитаемыхъ ими лѣсахъ очень много."

Гораздо благопріятнѣе отзывается о буденгѣ Бремъ:

„Когда мнѣ въ амстердамскомъ звѣринцѣ, говоритъ онъ, въ первый разъ показали живаго буденга, я рѣшительно не узналъ его. И немудрено, Горсфійльдъ описалъ намъ это жи-

вотное совершенно невѣрно. Пэппигъ и Гійбель перепечатали въ своемъ сочиненіи его слова; а чучела, которыя я видѣлъ въ музеяхъ, также были только тѣнь живой обезъяны; словомъ, я никакъ не надѣялся найти буденга такимъ красивымъ животнымъ, какимъ онъ мнѣ представился въ звѣринцѣ. Эта обезъяна привлекала на себя вниманіе всѣхъ посѣтителей, хотя ничего такого не дѣлала, что могло бы обращать на себя взоры людей. Кромѣ того она вовсе не казалась хмурною. Правда, она была тиха и спокойна, но нисколько не сердита и не угрюма. Пара буденговъ, которыхъ я видѣлъ въ Амстердамѣ, всегда дружно держались одинъ возлѣ другаго. Они обыкновенно сидѣли рядомъ на высокой перекладинѣ своей клѣтки, держась на корточкахъ и скрестивъ руки на груди, между тѣмъ какъ длинные, красивые хвосты ихъ свободно висѣли внизъ. Когда имъ подавали кормъ, они подходили медленно и осторожно, брали свою порцію, но оставались при этомъ совершенно спокойно. Черты лица свидѣтельствовали о большомъ умѣ; однакожъ въ глазахъ недоставало жизни.

Два павіана, которые были вмѣстѣ съ ними въ звѣринцѣ, безпрестанно приставали къ нимъ и мучили ихъ; но тѣ никогда не оборонялись противъ нихъ, а только ужасно кричали."

Въ антверпенскомъ звѣринцѣ также есть одинъ буденгъ, котораго тамъ держатъ вмѣстѣ съ мартышками, и который, не смотря на то, что послѣднія въ половину меньше его, все-таки играетъ страдательную роль и терпитъ отъ этихъ маленькихъ проказницъ всякаго рода обиды. Изъ всего этого слѣдуетъ заключить, что добродушіе составляетъ главную черту въ характерѣ буденга, и что въ немъ вовсе нѣтъ

того коварства и той мстительности, которыя обыкновенно замѣчаются у другихъ обезъянъ. Но очень можетъ быть, что это добродушіе обусловливается только упадкомъ духа вслѣдствіе перемѣны климата, такъ какъ буденгъ, по видимому, не менѣе другихъ страдаетъ въ нашемъ климатѣ. Надо видѣть, какъ радъ и счастливъ бываетъ буденгъ, когда его озаряютъ лучи солнца; онъ тогда тотчасъ же дѣлается гораздо веселѣе и бодрѣе.

Разноцвѣтная обезьяна или **Дукъ**.

Semnopithecus nemaeus.—Der Kleideraffe.

Кожа этой обезъяны до того пестра, что смотря на нее, можно подумать, что кто нибудь для потѣхи нарядилъ ее арлекиномъ. Окенъ описываетъ костюмъ или кожу этой обезъяны слѣдующимъ образомъ: куртка на ней сѣраго цвѣта, панталоны, повязка на лбу и перчатки черны, чулки буро-красны, рукава, борода, крестецъ и хвостъ бѣлы; лице желтое, а галстухъ темнокрасный, такъ что каждая часть ея тѣла рѣзко отличается отъ прочихъ. Вся длина ея два фута, а хвостъ нѣсколько короче.

Разноцвѣтную обезъяну еще ни разу не удавалось привезти въ Европу, и даже чучело ея находится только въ немногихъ музеяхъ. Она водится въ Кохинхинѣ, гдѣ ее зовутъ *дукомъ*, и гдѣ многочисленныя шайки ихъ бродятъ по густымъ прибрежнымъ лѣсамъ, нерѣдко также по деревнямъ туземныхъ жителей. Она очень пуглива и когда замѣчаетъ, что за нею хотятъ охотиться, тотчасъ же обращается въ бѣгство. Впрочемъ туземцы рѣдко убиваютъ ихъ на охотѣ, потому что не цѣнятъ ни во что ея мѣхъ. Въ плѣну она скоро изводится отъ тоски.

Длинноносая обезьяна или **Кагау**.

Semnopithecus nasica.—Der Nasenaffe oder Kahau.

Эта обезъяна особенно замѣчательна своимъ носомъ, который, подобно хоботу, подвиженъ и можетъ высовываться впередъ и втягиваться назадъ. Онъ выдается надъ верхнею губою наподобіе крючка; средняя часть его довольно широка, но кончикъ острый, а на спинѣ его замѣтна легкая борозда; ноздри, и безъ того великія, могутъ еще значительно раздуваться. Надо замѣтить, что у молодыхъ обезъянъ носъ маленькій и тупой, и только у старыхъ онъ достигаетъ значительной величины. Животъ у кагау такой же узенькій, какъ и у другихъ тощихъ обезъянъ, руки и ноги почти одинаковой длины, хвостъ очень длинный, пальцевъ на каждомъ членѣ по пяти. Шерсть у нея вообще густая и мягкая; на макушкѣ волосы короткіе, но все-таки довольно густые, по бокамъ лица и на затылкѣ длиннѣе, а вокругъ шеи они образуютъ родъ воротника. На макушкѣ, затылкѣ и плечахъ шерсть яркобуроватокраснаго цвѣта, на спинѣ и верхней половинѣ боковъ блѣдножелтаго, съ волнообразными темнобурыми полосками, на груди и верхней части живота

Кагау.

она свѣтло красноватожелтаго цвѣта. На крестцѣ существуетъ рѣзко ограниченное пятно сѣроватобѣлаго цвѣта съ острымъ угломъ, обращеннымъ къ хвосту. Верхняя половина рукъ и ногъ желтоватокраснаго, нижняя, равно и хвостъ, пепельносѣраго, наконецъ, безволосыя ладони и сѣдалищныя мозоли сѣроваточернаго цвѣта. Обыкновенная длина взрослыхъ самцевъ три фута, а длина хвоста болѣе двухъ футовъ. Самки нѣсколько меньше.

Кагау водится на островѣ Борнео. По утрамъ и по вечерамъ на деревьяхъ, около рѣчныхъ береговъ, собирается множество кагау и часто подымаютъ тамъ вой, который звучитъ почти какъ слово кагау, вслѣдствіе чего туземные жители и дали ему это названіе. Они проворны и ловки и чрезвычайно искусно прыгаютъ и лазятъ. Умственныя ихъ способности мало извѣстны, однакожъ утверждаютъ, что они очень злы, дики и коварны и не могутъ сдѣлаться ручными. Говорятъ, что когда имъ грозитъ опасность, они прячутся на деревьяхъ, а при нападеніи защищаются съ удивительною храбростью. Туземцы увѣряютъ, будто кагау во время скачковъ придерживаютъ рукою носъ, чтобы предохранить его отъ поврежденія въ случаѣ ушиба. Чѣмъ они питаются, неизвѣстно; но надо полагать, что они употребляютъ въ пищу тѣ же вещества, какъ и другія обезъяны. Даяки, живущіе на островѣ Борнео, часто убиваютъ ихъ на охотѣ и ѣдятъ ихъ мясо, которое находятъ очень вкуснымъ. Они называютъ эту обезъяну *бантангангъ*.

Дальнѣйшія подробности объ этомъ замѣчательномъ животномъ пока еще неизвѣстны.

ТУПОЛИЦЫЯ ОБЕЗЪЯНЫ.

Colobus.—Stummelaffen.

Эта порода африканскихъ обезъянъ сродна съ тощими азіатскими обезъянами, отъ которыхъ онѣ преимущественно отличаются тѣмъ, что у нихъ на каждой рукѣ только по четыре пальца, такъ какъ большаго пальца у нихъ не достаетъ. Какъ и тощія обезъяны онѣ замѣчательны особеннымъ окрашеніемъ шерсти и красивою гривою. Животъ у туполицыхъ обезъянъ стройный и соразмѣрный, руки и ноги тонкія и почти одинаковой длины, рыло короткое и тупое; ноздри открываются на верхней поверхности послѣдняго; хвостъ очень длинный, на ногахъ по пяти пальцевъ.

Абиссинская гвереца.

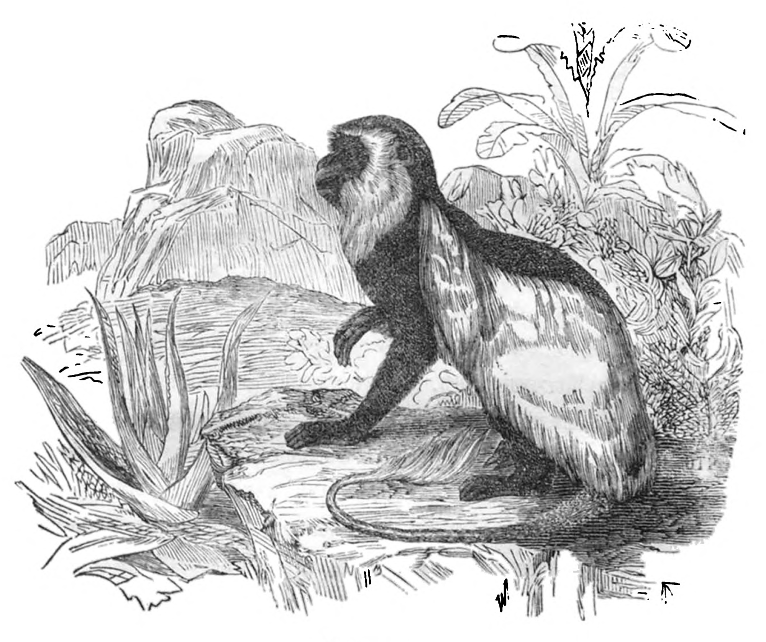
Colobus guereza.—Der abbissinische Guereza.

Изъ всѣхъ туполицыхъ обезъянъ гвереца безспорно занимаетъ первое мѣсто, потому что она едва ли не самая красивая изъ всѣхъ обезъянъ. Цвѣтъ кожи ея, правда, не яркій, но тѣмъ

не менѣе чрезвычайно пріятный для глазъ; можно даже сказать, что шерсть ея красивѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ животныхъ. Первое точное описаніе этой обезьяны сдѣлалъ Рюппель, который во время путешествія своего по Абиссиніи нашелъ ее въ провинціи Годжамѣ, гдѣ она извѣстна подъ названіемъ гверецы. Впрочемъ объ ней уже прежде упоминалъ Гіобъ Лудольфъ, который однакожъ описалъ ее не совсѣмъ правильно и изобразилъ совершенно невѣрно. Рюппель видѣлъ живую гверецу и слѣдовательно могъ описать ее по собственнымъ своимъ наблюденіямъ. Въ послѣдствіи ее видѣли также другіе естествоиспытатели и всѣ они подтвердили слова Рюппеля. Гейглинъ, путешествуя по Африкѣ, между прочимъ узналъ, что гвереца водится не только въ Абиссиніи, но и во многихъ странахъ средней Африки.

Гвереца дѣйствительно прекрасное животное. Все вообще тѣло его точно бархатное и блестящаго чернаго цвѣта, полоса же на лбу, виски, боковыя части шеи, подбородокъ, гортанная часть и грива, какъ и мѣста около безволосыхъ сѣдалищныхъ мозолей и кончикъ хвоста — все это отличается красивымъ бѣлымъ цвѣтомъ, а на каждомъ бѣломъ волосѣ красуются бурыя кольца, отчего шерсть имѣетъ серебристосѣрый цвѣтъ. Кромѣ того по обѣимъ сторонамъ головы, подобно мантильи, спускается бѣлая грива, которая чрезвычайно краситъ обезъяну. Шерсть у нея очень мягкая, тонкая и притомъ довольно длинная. Темночерный цвѣтъ рѣзко отличается отъ ослѣпительной бѣлизны гривы и другихъ бѣлыхъ волосъ, которые превосходно идутъ къ чернымъ рукамъ и темному лицу обезъяны.

Гверецы живутъ шайками, отъ десяти до пятнадцати, на высокихъ деревьяхъ, большею частью близъ рѣкъ, часто также непосредственно около церквей, которыя въ Абисси-

Гвереца.

ніи всегда стоятъ одиноко, въ тѣни священныхъ деревьевъ. Родъ можжевельника, достигающаго въ Абиссиніи громадной высоты, служитъ для нихъ самымъ любимымъ мѣстопребываніемъ; это вѣроятно потому, что на немъ растутъ превосходныя ягоды.

Эта обезъяна въ высшей степени проворна и выказываетъ въ своихъ движеніяхъ необыкновенную смѣлость и вѣрность. Ея голосъ раздается очень рѣдко, только раненныя кричатъ подобно мартышкамъ. При видѣ человѣка гвереца совершенно замолкаетъ. Она вообще безвредное животное, потому что даже не портитъ растительности, какъ это дѣлаютъ другія обезъяны.

Въ полной красотѣ своей гвереца выказывается въ то время, когда ее преслѣдуютъ, потому что тогда она перескакиваетъ съ одной вѣтви на другую съ удивительною ловкостью, смѣлостью и увѣренностью, или же бросается съ высоты сорока футовъ, причемъ бѣлая грива ея развѣвается подобно бѣлому плащу бедуина, скачущаго на быстромъ аравійскомъ конѣ. Впрочемъ она соскакиваетъ съ деревьевъ на землю только въ такомъ случаѣ, когда видитъ, что преслѣдователи взбираются къ ней на дерево.

Она питается тѣми же веществами какъ и другія обезъяны, живущія на деревьяхъ, а именно: древесными почками, листьями, цвѣтами, ягодами, плодами, насѣкомыми и пр.

Этой превосходной обезъяны также еще не удалось привезти живою въ Европу. Гейглинъ какъ-то досталъ одну молодую гверецу, но она прожила у него очень не долго, не смотря на то, что онъ окружалъ ее всевозможными попеченіями и удобствами. Даже у туземныхъ жителей, въ деревняхъ, никогда не встрѣчаютъ ручной гверецы: эта свободная жительница лѣсовъ никакъ не можетъ свыкнуться съ плѣномъ и весьма скоро дѣлается жертвою тоски и грусти.

Медвѣжья обезьяна.

Colobus ursinus. — Der bärenartige Stummelaffe.

Эта обезъяна отличается отъ гвереццы отсутствіемъ бѣлой гривы, вмѣсто которой у нея развѣваются длинные и грубые волосы частью грязножелтаго, частью чернаго цвѣта. Вообще шерсть у нея гораздо длиннѣе, чѣмъ у гвереццы: хвостъ почти весь бѣлый. По величинѣ и образу жизни она сходна съ гверецею.Она водится въ западныхъ странахъ Африки: въ лѣсахъ Сіерры—Леоны, Гвинеи и острова Фернандо-По.

—

Бѣсовская обезьяна.

Colobus satanas. — Der Teufelsaffe.

У бѣсовской обезъяны все тѣло однообразно чернаго цвѣта безъ всякой примѣси другихъ цвѣтовъ; она водится преимущественно на островѣ Фернандо-По.

По величинѣ и образу жизни она мало отличается отъ медвѣжьей обезъяны.

Медвѣжья обезьяны.

Бѣсовская обезьяна.

МАРТЫШКИ.

Cercopithecus. — Die Meerkatzen.

Въ Африкѣ встрѣчаютъ не только самыхъ большихъ, умныхъ и безобразныхъ обезъянъ, но и самыхъ красивыхъ и забавныхъ. Къ послѣднимъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ многочисленная группа *мартышекъ*, которыхъ показываютъ во всѣхъ звѣринцахъ.

Всѣ мартышки водятся въ тропическихъ странахъ Африки, за исключеніемъ одного вида, который встрѣчается также на островѣ Мадагаскарѣ. Тамъ, гдѣ растутъ густые лѣса, мартышки водятся въ большомъ числѣ. Нѣкоторые виды этихъ обезъянъ встрѣчаютъ по всей средней Африкѣ. Въ Европу ихъ привозятъ какъ изъ восточныхъ, такъ и изъ западныхъ и среднихъ странъ Африки, но преимущественно изъ Абиссиніи и тѣхъ мѣстностей, которыя лежатъ около верховьевъ Нила.

Мартышки отличаются своими пріятными и красивыми формами, стройными членами, тонкими, короткими руками съ длинными большими пальцами, длиннымъ хвостомъ, на концѣ котораго нѣтъ кисти, широкими защечными мѣшечками и довольно значительными сѣдалищными мозолями. Шерсть у

нихъ большею частью очень яркаго цвѣта, а у нѣкоторыхъ видовъ даже довольно пестрая. До сихъ поръ извѣстно около двадцати видовъ мартышекъ. Сырые и богатые рѣками лѣса онѣ предпочитаютъ сухимъ мѣстностямъ; всего же болѣе водятся онѣ около хлѣбопашныхъ полей. Замѣчательно, что во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть попугаи, непремѣнно водятся и мартышки, и наоборотъ, тамъ, гдѣ находятъ послѣднихъ, непремѣнно найдутъ и первыхъ.

Мартышки принадлежатъ къ самымъ забавнымъ, веселымъ и расторопнымъ обезьянамъ. Ихъ почти всегда встрѣчаютъ большими шайками, чрезвычайно рѣдко отдѣльными семействами. Чрезвычайно забавно видѣть въ лѣсу шайку этихъ обезьянъ, — какъ онѣ безпрестанно суетятся, кричатъ, ссорятся, дерутся между собою, затѣмъ опять мирятся другъ съ другомъ; лазятъ, бѣгаютъ, дѣлаютъ гримасы и кривляются! Онѣ составляютъ какъ бы особое общество и не признаютъ надъ собою никакой другой власти, кромѣ сильнѣйшаго самца, который, благодаря своимъ мощнымъ рукамъ и острымъ зубамъ, одинъ господствуетъ въ цѣлой шайкѣ. Онѣ пренебрегаютъ всякою опасностью, не заботятся о запасахъ на будущее время и, благодаря своему веселому нраву и постоянной дѣятельности, живутъ себѣ припѣваючи. Вѣтренность и смѣшная важность составляютъ самыя отличительныя черты въ характерѣ мартышекъ; тѣмъ и другимъ качествомъ онѣ начинаютъ и кончаютъ всѣ свои дѣла. Для нихъ ничего нѣтъ ни труднаго, ни далекаго, ни святаго. Не признавая никакого права собственности, онѣ не щадятъ ни полей, ни хлѣбныхъ амбаровъ. Послѣ этого понятно, почему туземные жители восточнаго Судана смотрятъ на нихъ съ презрѣніемъ и негодованіемъ; между тѣмъ какъ безпристрастный наблю-

датель находитъ удовольствіе смотрѣть на ихъ уловки, плутовства и забавныя проказы.

Отыскать въ лѣсу шайку мартышекъ вовсе не трудно. Если не всегда бываетъ слышно восклицаніе предводительствующей обезъяны, то всегда уже издали долетаетъ до уха охотника шумъ, который онѣ производятъ своимъ безпрестаннымъ перескакиваніемъ съ одного сука на другой; ихъ даже легко увидѣть, потому что мартышки никогда не бѣгутъ и не прячутся при видѣ человѣка. На землѣ ихъ встрѣчаютъ только тамъ, гдѣ онѣ находятъ для себя кормъ; а то онѣ постоянно пребываютъ на вершинѣ деревьевъ.

Чрезвычайно интересно видѣть шайку мартышекъ въ то время, когда онѣ отправляются опустошать хлѣбное поле. Смѣлость, которую онѣ при этомъ выказываютъ, превосходитъ всякое описаніе. Подъ предводительствомъ своего стараго, опытнаго родоначальника, вся шайка направляетъ свой путь къ полю; самки носятъ своихъ дѣтенышей подъ грудью. Сначала шайка приближается съ большою осторожностью, большею частью перескакивая съ одного дерева на другое; почтенный глава семейства постоянно идетъ впереди, а за нимъ слѣдуетъ вся шайка, вскакивая не только на тѣ же деревья, но даже на тѣ же вѣтви, на которыя взбирается предводитель. Нерѣдко предусмотрительный начальникъ взбирается на верхушку дерева, чтобы осмотрѣть всю окрестность, и при благопріятныхъ обстоятельствахъ извѣщаетъ объ этомъ своихъ подчиненныхъ успокоительными горловыми звуками; въ случаѣ же опасности онъ испускаетъ обычный предостерегательный крикъ. Приблизившись къ полю, шайка спускается на землю и быстрыми скачками направляется къ избранному раю. Здѣсь безпримѣрная дѣятельность ихъ на-

чинаетъ выказываться въ полной силѣ, и въ самое короткое время подвергается опустошенію все поле, потому что мартышки безъ разбора срываютъ колосья и каждый изъ нихъ обнюхиваютъ, но изъ десяти едва съѣдаютъ одинъ, а всѣ остальные бросаютъ. Этимъ то безполезнымъ разрушеніемъ онѣ и навлекли на себя непримиримую вражду туземныхъ жителей.

Когда шайка, расположившаяся на хлѣбномъ полѣ, совершенно безопасна, то матери позволяютъ своимъ дѣтенышамъ играть другъ съ другомъ, но тѣмъ не менѣе зоркими глазами слѣдятъ за своими любимцами. Никто изъ всей шайки не зоботится объ общей безопасности, потому что эта обязанность возложена на главу семейства. И дѣйствительно, этотъ заботливый начальникъ отъ времени до времени отрывается даже отъ самой вкусной пищи, становится на ноги, и подымаясь на цыпочки, подобно человѣку, внимательно озирается кругомъ. Послѣ каждаго осмотра онъ издаетъ успокоительные горловые звуки, если не открылъ никакой опасности; въ противномъ же случаѣ онъ особымъ неподражаемымъ, дрожащимъ крикомъ увѣщаваетъ своихъ подчиненныхъ бѣжать. Услышавъ этотъ сигналъ, матери сзываютъ своихъ дѣтенышей и въ одинъ мигъ вся шайка готова къ бѣгству. Но при этомъ каждая обезъяна въ торопяхъ забираетъ себѣ столько корма, сколько въ силахъ потащить съ собою. Эту ношу онѣ кидаютъ только тогда, когда опасность очень близка и для скораго спасенія своего не могутъ обойтись безъ своихъ рукъ и ногъ. Добравшись до лѣса, онѣ могутъ считать себя внѣ опасности, потому что онѣ лазятъ столь же ловко и проворно, какъ и длиннорукія обезъяны: тамъ ихъ не удерживаютъ ни колючіе терны, ни самые густые кустарники, ни далекое разстояніе между

деревьями. Каждый прыжокъ дѣлается ими съ удивительною увѣренностью; при томъ же онѣ способны на лету измѣнять направленіе скачка, такъ что кажется, будто онѣ летаютъ по воздуху. И во время бѣгства старая обезъяна управляетъ своею шайкою; своими горловыми звуками она подаетъ знаки то къ ускоренію, то къ замедленію бѣгства. У бѣгущихъ обезъянъ никогда не замѣтно ни боязни, ни робости; напротивъ того, онѣ при всѣхъ обстоятельствахъ сохраняютъ свое обычное присутствіе духа. Для нихъ впрочемъ не существуетъ никакой опасности, кромѣ коварнаго оружія человѣка, которое можетъ поражать ихъ издали: отъ хищныхъ млекопитающихъ животныхъ онѣ спасаются чрезвычайно легко, а съ хищными птицами иногда справляются какъ нельзя лучше.

Иногда предводительствующая обезъяна, среди спѣшнаго бѣгства вдругъ останавливается, затѣмъ быстро взбирается на высокое дерево, и удостовѣрившись въ безопасности этого мѣста, начинаетъ успокоительными звуками скликать къ себѣ всю шайку. Здѣсь первая забота бѣглецовъ заключается въ томъ, чтобы другъ у друга вытащить занозы, которыя попали въ кожу во время опрометчивыхъ прыжковъ: одна обезъяна ложится на сукъ, а другая тщательно освобождаетъ ея кожу отъ всѣхъ посторонних веществъ. Однакожъ имъ не всегда удается вытащить всѣ занозы, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ такъ глубоко уходятъ въ тѣло, что обезъянамъ нѣтъ возможности извлечь ихъ оттуда.

По окончаніи этой мѣшкатной работы обезъяны снова отправляются на добычу, такъ что туземные жители, не имѣющіе огнестрѣльныхъ оружій, безпрестанно вынуждены охранять свои поля и палками сгонять съ нихъ незванныхъ гостей.

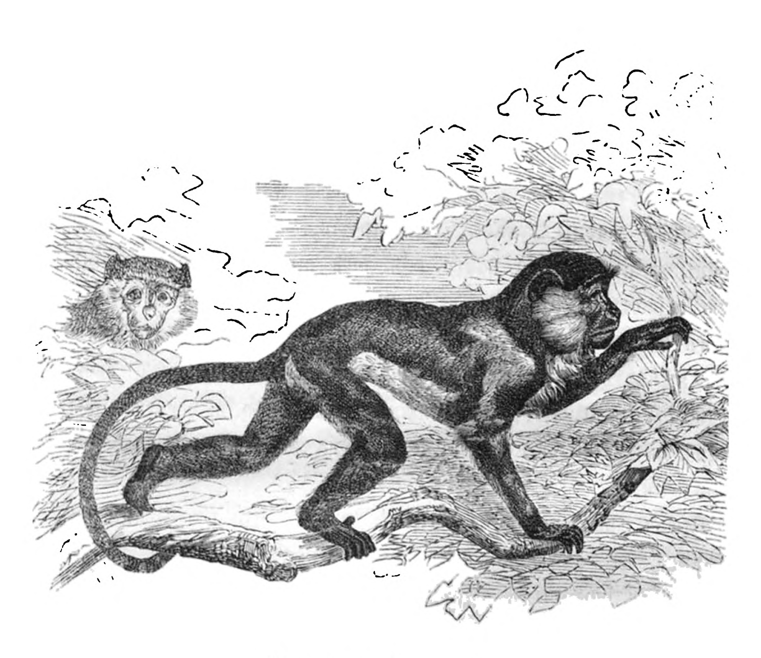
Въ восточномъ Суданѣ не охотятся за мартышками, но ихъ ловятъ тенетами, подъ которыя нарочно кладутъ вкусную пищу. Обезъяны, при видѣ лакомаго кусочка, конечно, тотчасъ же протягиваютъ за нимъ руки, но при этомъ обыкновенно такъ сильно запутываются въ тенета, что уже никакимъ образомъ не могутъ освободиться изъ нихъ. Европейцамъ очень не трудно стрѣлять ихъ, потому что мартышки мало или даже вовсе не боятся людей, и вслѣдствіе того подпускаютъ ихъ къ себѣ всегда на такое близкое разстояніе, что трудно сдѣлать промахъ; въ бѣгство же онѣ обращаются только тогда, когда нѣкоторыя изъ ихъ среды уже уложены на мѣстѣ.

„На охотѣ за мартышками, говоритъ Бремъ, со мною случилось тоже самое, что и со многими другими: я почувствовалъ нѣчто въ родѣ угрызенія совѣсти, потому что когда я подстрѣлилъ одну обезъяну, повернувшуюся ко мнѣ лицемъ, она упала съ дерева и, не издавая ни одного звука, начала обтирать себѣ одною рукою кровь, которая ручьями текла у нея изъ раненнаго лица. Примѣрное спокойствіе, съ какимъ она переносила боль, и заботливость, съ какою она, подобно разсудительному человѣку, старалась остановить кровотеченіе, до такой степени растрогали меня, что я едва могъ удержаться отъ слезъ и тутъ же далъ себѣ слово никогда болѣе не стрѣлять въ молодыхъ обезъянъ. Мнѣ все казалось, будто я убилъ человѣка, и образъ умиравшей обезъяны въ теченіе долгаго времени безпрестанно преслѣдовалъ меня, не смотря на то, что это было не первое животное, которое дѣлалось жертвою моей страсти къ охотѣ.“

Хищныя животныя для мартышекъ далеко не такъ страшны какъ люди; потому что мартышки слишкомъ про-

ворны для того, чтобы сдѣлаться добычею какого нибудь хищнаго звѣря; развѣ только леопарду изрѣдка удается овладѣть какою нибудь неосторожною молодою обезъяною. Хищныхъ птицъ мартышки также не боятся, потому что легко прогоняютъ ихъ общими силами. Орелъ—ястребъ, самая смѣлая изъ хищныхъ птицъ, рѣдко рѣшается напасть на обезъяну. „Однажды, говоритъ Бремъ, я охотился въ густомъ лѣсу; вдругъ слышу надъ головою шумъ отъ полета ястреба и вскорѣ затѣмъ страшные крики обезъянъ. Дѣло было вотъ въ чемъ: птица эта бросилась на молодую обезъяну и хотѣла ее унести съ собою, но та крѣпко ухватилась за вѣтви и начала громко кричать. Вслѣдъ затѣмъ засуетилась вся шайка: штукъ съ десять крѣпкихъ обезъянъ мигомъ окружили ястреба и давай щипать у него перья; онѣ непремѣнно задушили бы его, если бы дерзкая птица не успѣла вырваться и улетѣть во время.“

Мартышки сильно боятся однѣхъ только змѣй. Онѣ охотно ѣдятъ яйца и даже молодыхъ птицъ, и потому постоянно отыскиваютъ птичьи гнѣзда. Но когда имъ приходится вытаскивать гнѣздо изъ какого нибудь дупла, то онѣ приступаютъ къ тому чрезвычайно осторожно, именно изъ страха къ змѣямъ, которыя нерѣдко притаиваются въ такихъ полостяхъ. Коль скоро замѣтили гдѣ нибудь на деревѣ полость, онѣ всегда прежде стараются узнать, не скрывается ли въ ней змѣя; для этого онѣ сперва заглядываютъ въ нее, на сколько это возможно, затѣмъ прикладываютъ ухо и начинаютъ прислушиваться; а если результаты такого предварительнаго изслѣдованія оказываются удовлетворительными, то онѣ наконецъ рѣшаются запустить въ полость руку, но только

Красная обезъяна.

медленно и осторожно, безпрестанно прислушиваясь и осматривая глазами.

Размноженіе мартышекъ, по видимому, не ограничивается опредѣленнымъ временемъ года; потому что въ какое бы время шайка не попадалась, всегда въ ней находятся какъ грудные, такъ и взрослые дѣтеныши. Въ европейскихъ звѣринцахъ большая часть мартышекъ размножается во всѣ времена года.

Что касается до умственныхъ способностей мартышекъ и ихъ характера вообще, то онѣ не у всѣхъ одинаковы: однѣ изъ нихъ сварливы и кусаются, другія миролюбивы и кротки, иныя веселы, лукавы, злы, другія, напротивъ того, спокойны и просты; но почти всѣ онѣ выказываютъ одинаковую страсть дѣлать какую нибудь шалость и вредить большимъ животнымъ, и напротивъ того защищать маленькихъ и ухаживать за ними. Сами онѣ легко покоряются своей судьбѣ, привыкаютъ ко всякому положенію и всегда представляютъ примѣры расчетливаго ума и благоразумнаго размышленія.

Бремъ разсказываетъ, что во время его пребыванія въ Африкѣ ему разъ какъ-то привезли цѣлыхъ пять мартышекъ, изъ которыхъ однакожъ четыремъ удалось развязать узлы веревокъ, на которыхъ онѣ были привязаны, и спастись бѣгствомъ. Послѣдняя, находясь подъ болѣе тщательнымъ надзоромъ, вскорѣ поневолѣ покорилась своей участи, но видно было, что ей очень хотѣлось имѣть при себѣ товарища. Сначала она привязалась къ одной птицѣ и сосредоточивала на ней всѣ свои ласки, а потомъ, когда эта послѣдняя издохла, начала было заводить дружбу съ кошками, которыя однакожъ всегда встрѣчали ее пощечинами. На-

конецъ къ Коко (такъ звали эту обезьяну) привезли молодую обезъяну — сиротку и тѣмъ доставили ему необходимое для его сердца развлеченіе. Надо было видѣть его восторгъ, когда я съ этимъ маленькимъ животнымъ изъ собственной его породы вошелъ къ нему; онъ тотчасъ же протянулъ къ нему свои руки, и когда маленькое животное само бросилось къ нему въ объятія, онъ чуть не задушилъ его своими ласками: до такой степени Коко былъ радъ новому пріятелю. Онъ безпрестанно прижималъ его къ груди, испуская при этомъ радостные звуки, и послѣ такого радушнаго привѣтствія принялся чистить ему кожу, и притомъ съ такимъ тщаніемъ, что въ ней скоро не осталось ни одной занозы, ни одной пылинки. Послѣ такой дружеской услуги начались новыя объятія и новыя доказательства величайшей нѣжности. Коко всегда очень сердился, когда видѣлъ, что у него хотятъ отнять его любимца, а когда его дѣйствительно разлучали съ нимъ, то скучалъ и тревожился объ немъ, точно родная мать. За то и сиротка была къ нему очень привязана и во всемъ слушалась своего покровителя.

Къ сожалѣнію эта маленькая обезъяна, не смотря на всѣ возможныя попеченія, которыя ей оказывали, издохла уже спустя нѣсколько недѣль. Коко пришелъ въ отчаяніе: схватилъ трупъ своего любимца, судорожными руками прижалъ его къ груди и ни за что не хотѣлъ разставаться съ нимъ; лаская его, онъ испускалъ самые нѣжные звуки, совершенно отличные отъ тѣхъ, которые онъ издавалъ прежде;—это были какіе-то особенно мягкіе, но унылые звуки, въ которыхъ выражались глубокая скорбь и отчаяніе. Черезъ нѣсколько часовъ трупъ началъ разлагаться, а потому его отняли у Коко силою и перебросили черезъ высокую стѣну. Между тѣмъ,

Діана.

Бѣлоносая обезъяна.

Коко, внимательно слѣдившій за тѣмъ, что дѣлалось съ его несчастнымъ другомъ, сначала метался какъ бѣшенный, потомъ разорвалъ свою веревку, перескочилъ черезъ стѣну и возвратился оттуда съ трупомъ въ рукахъ. Его конечно, сейчасъ же, опять привязали, и отнявъ у него трупъ забросили его еще дальше; однакожъ Коко и на этотъ разъ успѣлъ освободиться и опять достать своего пріемыша. Наконецъ трупъ маленькой обезъяны куда-то занесли и зарыли въ землю; тогда Коко, уже не былъ въ силахъ выносить своего одиночества, черезъ полъ часа снова оторвался и на слѣдующій день его встрѣчали уже въ ближайшемъ лѣсу на высокомъ деревѣ.

Черезъ нѣсколько времени, Бремъ досталъ самку вмѣстѣ съ ея дѣтенышемъ, у которыхъ онъ замѣчалъ такую же безграничную привязанность другъ къ другу. Когда это маленькое животное околѣло, не смотря на то, что оно пользовалось всѣми возможными удобствами, мать его перестала брать кормъ и извелась съ горя спустя нѣсколько дней.

Подобныя черты въ характерѣ мартышекъ не мало способствуетъ тому, что человѣкъ привязывается къ нимъ и дѣлаетъ ихъ своими любимицами.

Однакожъ въ домахъ онѣ нерѣдко дѣлаютъ проказы, весьма непріятныя для хозяевъ, потому что многія изъ нихъ имѣютъ наклонность къ воровству, и особенно любятъ красть блестящія вещи. Такъ, напр., расказываютъ, что у одной мартышки въ защечныхъ мѣшкахъ нашли нѣсколько серебряныхъ монетъ, которыя ей удалось утащить у своего хозяина изъ конторки. Но при всемъ томъ онѣ нерѣдко выказываютъ настоящій человѣческій умъ. Одна мартышка знала въ домѣ всѣ мѣста, гдѣ неслись куры, и потому часто выбирала от-

туда снесенныя яйца; однажды ее за это наказали, и она на слѣдующій день принесла своей хозяйкѣ цѣлое, нетронутое яйце, какъ будто въ доказательство своего послушанія и исправленія. Другой разъ той же самой мартышкѣ досталось за то, что она украдкою выпивала стоявшія въ чуланѣ сливки; съ тѣхъ поръ она сдѣлалась осторожнѣе: каждый разъ, когда ей удавалось подтибрить горшокъ со сливками, она забиралась съ нимъ на дерево, выпивала тамъ сливки, а порожній горшокъ бросала внизъ, причемъ онъ, конечно, всегда разбивался въ дребезги. Когда же обезьяну и за это наказали, то хотя она послѣ того все-таки не переставала таскать сливки, однако по крайней мѣрѣ никогда больше не била посуду, а всегда возвращала ее въ цѣлости.

Иныя мартышки довольно угрюмаго и непривѣтливаго нрава. Такова напр. *красная обезъяна* (*cercopithecus ruber*; *der rothe Affe*), см. стр. 123, которая едва ли не самая скучная изъ всѣхъ мартышекъ; а умственныя способности ея далеко не соотвѣтствуютъ ея красивой наружности. Шерсть у нея разноцвѣтная: на верхней части тѣла золотистожелтая; на нижней части, точно также на подбородкѣ, бѣлая, на лицѣ, ушахъ и рукахъ черная и наконецъ вокругъ глазъ идетъ красное кольце. Она, по видимому, была извѣстна уже въ глубокой древности, такъ какъ на египетскихъ памятникахъ встрѣчаются ея изображенія, а въ пирамидахъ Сакары (¹) даже бальзамированныя муміи этого животнаго. Въ молодости она еще жива и любезна, но съ лѣтами становится серьезною, скучною и даже злою. Она постепенно теряетъ всю свою

(¹) Мѣстечко въ среднемъ Египтѣ.

Маврская обезьяна.

кротость и тогда начинаетъ злобно кусаться. Ея раздражительность доходитъ до высокой степени, но выраженіе лица, когда она сердится, принимаетъ болѣе смѣшной, чѣмъ свирѣпый видъ: она при этомъ широко раскрываетъ ротъ, какъ будто зѣваетъ, и довольно громко хранитъ.

Кромѣ красной обезъяны замѣчательна своею красотою еще *діана* (*cercopithecus діана; die Diana*), см. стр. 126. Она маленькое, но стройное животное, которое весьма легко узнать по бородѣ и бакенбардамъ. Главный цвѣтъ шерсти ея аспидносѣрый, но спина и крестецъ багроваго, нижняя часть тѣла бѣлаго, бедра сзади нѣсколько желтоватаго, а лице чернаго цвѣта. У самокъ бороды нѣтъ.

Къ главнымъ видамъ мартышекъ принадлежатъ также *бѣлоносая обезъяна* (*cercopithecus petaurista*; *die Weisz-Nase*) см. стр. 127, и *маврская обезъяна* (*cercopithecus s. cercocebus fuliginosus*; *der Mohrenaffe*), см. стр. 130, водящаяся у береговъ Гвинеи. Длина маврской обезъяны, вмѣстѣ съ хвостомъ, болѣе трехъ футовъ; а самое тѣло длиною около двухъ футовъ. Шерсть у нея на верхней части тѣла бурочерная какъ сажа, а на нижней сѣроватая. Ее часто встрѣчаютъ въ звѣринцахъ.

МАКАКИ.

Macacus.—Die Makaken.

Подъ названіемъ *макаки* или *макако* на берегахъ Гвинеи подразумѣваютъ всѣхъ обезъянъ вообще. Естествоиспытатели, однакожъ, обозначаютъ этимъ именемъ немногочисленную группу обезъянъ, изъ которыхъ однѣ водятся въ юговосточной Азіи, а другія въ Африкѣ. Новѣйшіе писатели различаютъ азіатскихъ макаковъ съ хвостомъ отъ японскихъ и африканскихъ, у которыхъ нѣтъ хвоста и которые водятся также на утесахъ Гибралтара. Но такъ какъ по наружному виду и образу жизни они очень сходны между собою, то мы опишемъ ихъ вмѣстѣ.

У всѣхъ обезъянъ этой породы тѣло довольно короткое и дородное, передніе и задніе члены крѣпкіе и одинаковой длины, рыло длинное, сильно выдающееся впередъ, по пяти пальцевъ на рукахъ и ногахъ, большіе пальцы длинные, шерсть мягкая; хвостъ различной длины: у иныхъ онъ коротокъ, у другихъ, напротивъ того, длиннѣе самаго тѣла.

Въ древнія времена макаки были распространены въ большей части Европы. Теперь же короткохвостыя обезъяны

преимущественно водятся въ сѣверной Африкѣ и въ Японіи, а длиннохвостыя въ Остъ-Индіи и на прилежащихъ къ ней островахъ. Макаки составляютъ какъ бы переходъ отъ мартышекъ къ павіанамъ. И въ образѣ жизни ихъ замѣтно нѣчто среднее между тѣми и другими: они живутъ то, подобно мартышкамъ, въ лѣсахъ, то, подобно павіанамъ, на утесистыхъ горахъ. Въ молодости они добродушны и веселы какъ мартышки, въ старости же, напротивъ того, злы и безстыдны, какъ павіаны. Макаки легче всѣхъ обезъянъ свыкаются съ плѣномъ, въ которомъ они довольно долго живутъ и множатся какъ и на свободѣ. Во время течки половыя части у нихъ опухаютъ, какъ и у павіановъ.

Изъ восьми видовъ этой породы обезъянъ, мы опишемъ здѣсь только наиболѣе замѣчательные.

Мунга или **Малбрукъ**.

Macacus sinicus.—Der gemeine Makako oder Munga.

Тѣло этой обезъяны длиною всего въ одинъ футъ, а хвостъ почти въ полутора фута; животъ довольно стройный, рыло вдавленное и выдающееся впередъ, волосы на макушкѣ лучеобразные. Главный цвѣтъ шерсти ея зеленоватосѣрый, но нижняя часть тѣла бѣловатаго, а руки и уши черноватаго цвѣта. Отъ мартышекъ она отличается преимущественно болѣе крѣпкимъ тѣлосложеніемъ.

Относительно умственныхъ способностей мунга представляетъ настоящую обезъяну: ея расположеніе духа мѣняется почти каждую минуту. Однако ея веселость, подражательная способность и понятливость заставляютъ забывать о ея проказахъ и неприятномъ выраженіи ея лица.

Мунга водится въ густыхъ лѣсахъ Малабара (1), гдѣ она никогда не подвергается никакой опасности со стороны туземныхъ жителей, которые почитаютъ ее святымъ существомъ

---

(1) Въ восточной Индіи.

и вслѣдствіе того позволяютъ ей по произволу располагать садами и засѣянными полями. Они даже выстраиваютъ для нея храмы и разводятъ плодовые сады исключительно для поддержанія этихъ мнимыхъ святыхъ, точно также какъ для слѣдующаго вида обезъянъ—для бундера.

— —

Бундеръ.

Macacus rhesus.—Der Bhunder oder Rhesus.

Это животное почитается у индусовъ какъ великое божество. Уваженіе, которое они питаютъ къ нему, превосходитъ всякое воображеніе. Вотъ, что говоритъ объ немъ капитанъ Джонсонъ:

„Въ окрестностяхъ города Биндрабуна (¹), разведено болѣе ста превосходныхъ садовъ или рощей, въ которыхъ сажаютъ всякаго рода плодовыя деревья единственно съ цѣлью доставлять обезьянамъ кормъ, такъ какъ туземные вельможи воображаютъ, что они этимъ дѣлаютъ великое богоугодное дѣло.

„Однажды, проходя по одной изъ улицъ Биндрабуна, я замѣтилъ, что одинъ старый бундеръ всю дорогу преслѣдовалъ меня, перескакивая съ одного дерева на другое; наконецъ онъ вдругъ спустился на землю, сорвалъ съ меня турбанъ и затѣмъ скрылся вмѣстѣ съ нимъ.

(¹) Въ буквальномъ переводѣ=лѣсъ обезъянъ.

„Разъ какъ-то я пробылъ въ этомъ городѣ цѣлый мѣсяцъ и, живя тамъ въ домѣ одного богатаго туземца, неоднократно былъ свидѣтелемъ, какъ обезъяны безпрепятственно приходили къ нему въ квартиру и при всѣхъ брали себѣ со стола хлѣбъ и другія съѣдобныя вещества. Также случалось мнѣ часто видѣть, какъ ловко и проворно онѣ перебирались изъ одного дома въ другой и какъ онѣ иногда, съ однимъ или даже двумя дѣтенышами, державшимися у нихъ подъ грудью и кромѣ того еще съ значительнымъ запасомъ хлѣба, сахара и другихъ веществъ, похищенныхъ ими въ разныхъ домахъ, дѣлали прыжки въ двѣнадцать и даже въ пятнадцать футовъ разстоянія.

„Однажды, во время путешествія, мы расположились отдыхать и обѣдать въ большой рощѣ изъ манговыхъ деревьевъ ([1]), а лошадей своихъ привязали въ недальномъ разстояніи отъ себя. Во время обѣда къ намъ вдругъ приходитъ конюхъ и говоритъ, что одна изъ лошадей оторвалась, потому что ее испугали обезъяны, которыя на деревьяхъ ссорились между собою и бросали въ нее сухія вѣтви, и что съ остальными лошадьми вѣроятно будетъ тоже самое, что и съ первою. Я поскорѣе отправился туда съ ружьемъ и, чтобы прогнать обезъянъ, сдѣлалъ по нимъ выстрѣлъ; тутъ смотрю, одна изъ нихъ, раненная пулею и съ трудомъ пробравшаяся на самыя густыя вѣтви дерева, сидитъ совершенно изнеможенная и тщетно старается остановить кровь, которая текла изъ ея раны. Это зрѣлище до того тронуло меня, что я отказался отъ дальнѣйшаго преслѣдованія этихъ животныхъ. Спустя

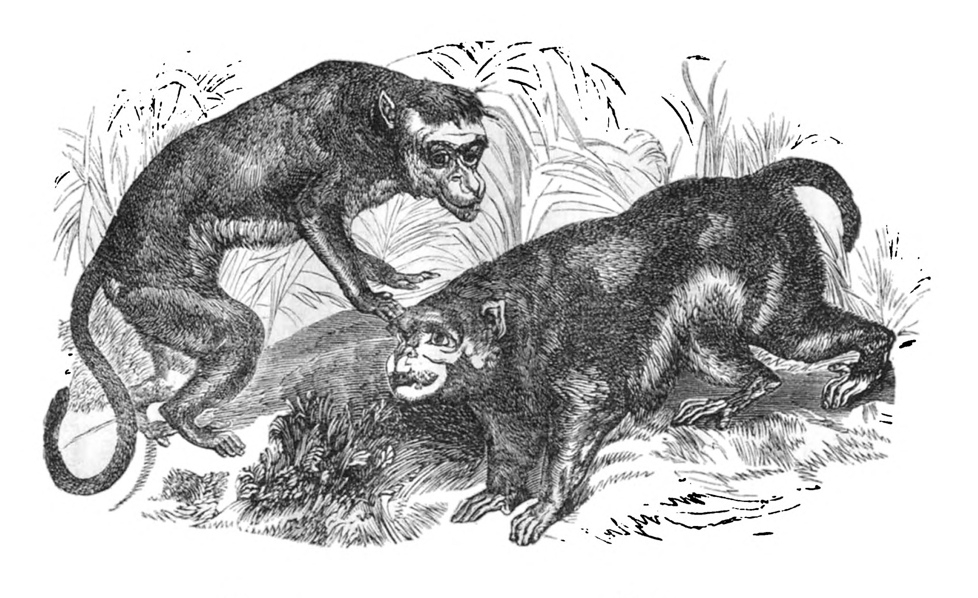
([1]) Мангъ или манго есть индійское дерево.

нѣсколько времени раненное животное испустило духъ, вслѣдствіе чего остальныя обезьяны тотчасъ же куда-то унесли его.

„Я слышалъ отъ достовѣрнаго человѣка, что туземцы боготворятъ эту обезьяну столько же, сколько и гульмана, и что жители Баки всегда оставляютъ ей на своихъ поляхъ десятую часть всей жатвы. Почтенныя обезьяны очень охотно принимаютъ эту добровольную дань; онѣ во время приходятъ за нею и, совершенно довольныя, уносятъ ее на обитаемыя ими горы.“

Хотя попеченіе, которое индусы имѣютъ объ обезъянахъ, нельзя не считать похвальною чертою въ ихъ характерѣ, однакожъ они въ этомъ отношеніи заходятъ уже слишкомъ далеко, потому что за убіеніе обожаемой обезъяны подвергаютъ виновнаго смертной казни. Однажды два молодые англійскіе офицера, отправившись на охоту, имѣли неосторожность застрѣлить одного бундера. Узнавъ объ этомъ туземные жители ближайшаго города, тотчасъ же возмутились: собралась огромная толпа народа, чтобы непремѣнно побить офицеровъ камнями. Но слонъ, на которомъ сидѣли оба несчастные офицера, пустился бѣжать со всѣхъ ногъ, бросился со своими сѣдоками въ рѣку и уже въ разстояніи по крайней мѣрѣ одной мили отъ города, гдѣ имъ грозила опасность, счастливо вышелъ на берегъ; однако злополучныхъ сѣдоковъ его уже не было на немъ; — они сдѣлались жертвою потока.

Иностранцы находятся тамъ въ большомъ затрудненіи, потому что рѣшительно не знаютъ какъ избавляться отъ обезъянъ. Имъ почти нѣтъ возможности ни разводить сады, ни засѣвать поля, потому что индійскіе полубоги опустошаютъ или по крайней мѣрѣ грабятъ и тѣ, и другія, и такимъ обра-

Мунга. *Бундеръ.*

зомъ причиняютъ хозяину значительные убытки. Сторожа никакъ не могутъ отдѣлаться отъ этихъ неотвязчивыхъ гостей, потому что когда ихъ прогоняютъ съ одной стороны, они прокрадываются съ другой. Они нисколько не боятся ни пылающихъ костровъ, ни разставленныхъ пугалъ; только однимъ дѣйствительнымъ насиліемъ можно бы было устрашить ихъ, но вѣдь это опять сопряжено съ опасностью для собственной жизни, потому что этимъ навлекаютъ на себя ненависть и месть фанатическихъ туземцевъ.

Одинъ изъ англичанъ, поселившихся въ Индіи, въ теченіе двухъ лѣтъ терпѣлъ сильные убытки по милости обезъянъ, и всѣ мѣры, которыя онъ принималъ для огражденія своихъ полей противъ этихъ несносныхъ грабителей, оказывались недѣйствительными. Наконецъ онъ придумалъ очень остроумное средство. Загнавъ цѣлую шайку обезъянъ на одно дерево, онъ велѣлъ срубить его и во время паденія его наловить какъ можно больше дѣтенышей ихъ. Всѣхъ пойманныхъ такимъ образомъ маленькихъ обезъянъ онъ взялъ къ себѣ на домъ и, вымазавъ имъ все тѣло мазью изъ сахара, меда и рвотнаго камня, отпустилъ опять на волю. Заботливые родители, не отходившіе во все это время отъ дома англичанина, съ восторгомъ увидѣли возвращеніе своихъ любимцевъ. Но, о горе! въ какомъ видѣ возвратились они! неопрятные, запачканные, едва похожіе на самихъ себя. Само собою разумѣется, что обезъяны, по обыкновенію, начали чистить ихъ съ большимъ тщаніемъ. Сначала чистка эта производилась къ общему удовольствію и сопровождалась радостными горловыми звуками, потому что сладкая мазь, пріятно раздражая органы вкуса, служила настоящимъ лакомствомъ. Но это продолжалось недолго: рвотный камень

скоро началъ оказывать свое коварное дѣйствіе и конечно вызвалъ у обезьянъ самыя страшныя гримасы, такъ что послѣ этого горькаго опыта онѣ уже никогда больше не вторгались въ область англійскаго плута.

Бундеръ всего около полутора футовъ ростомъ, а хвостъ его не длиннѣе полуфута; но онъ крѣпкаго и дороднаго тѣлосложенія. На передней части тѣла волосы у него гуще, чѣмъ на задней. Кожа у него вялая и образуетъ на шеѣ, груди и животѣ широкія складки. На верхней части тѣла цвѣтъ шерсти зеленоватый или блѣдносѣрый, на бедрахъ съ свѣтложелтымъ отливомъ, а на нижней части почти совершенно бѣлый. Хвостъ сверху зеленоватаго, а снизу сѣроватаго цвѣта. Лице, уши и руки цвѣта свѣтлаго, мѣднокраснаго, а сѣдалищныя мозоли ярко-краснаго. У самокъ хвостъ обыкновенно виситъ прямо, а у самцевъ онъ дугообразно загибается внутрь.— Этотъ видъ обезьянъ распространенъ по всей Индіи и встрѣчается даже на высотахъ въ десять тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря.

Въ плѣну бундеръ оказывается сердитымъ, яростнымъ и очень раздражительнымъ животнымъ. Онъ ломаетъ и разрываетъ все, что ему попадается подъ руки, и по видимому, всегда чрезвычайно радъ, когда ему удается что нибудь напроказить во вредъ своему хозяину. Притомъ же онъ ревнивъ и завистливъ, даже къ обезьянамъ собственной породы, и всегда приходитъ въ ярость, когда видитъ, что другая обезьяна что-нибудь ѣстъ, а онъ самъ лишенъ этого удовольствія. Въ 1824 году въ парижскомъ звѣринцѣ имѣли случай дѣлать наблюденія надъ самкою изъ породы бундера во время и послѣ родовъ, и знаменитый естествоиспытатель Кювье сообщаетъ объ этомъ слѣдующее:

„Непосредственно послѣ своего рожденія новорожденный бундеръ прицѣпился къ животу своей матери и захватилъ губами сосокъ материнской груди, котораго не выпускалъ изо рта въ теченіе цѣлыхъ четырнадцати дней. Во все это время онъ оставался въ неизмѣнномъ положеніи, всегда готовый сосать и спать; даже во снѣ онъ крѣпко держался за сосокъ и выпускалъ его изо рта только тогда, когда хотѣлъ захватить другой. Такимъ образомъ въ теченіе первыхъ двухъ недѣль его жизни, въ немъ не замѣтно было никакого другаго движенія, кромѣ шевеленія губъ во время сосанія и перекатыванія глазныхъ яблоковъ. Онъ родился, какъ и всѣ обезъяны, съ открытыми глазами и, по видимому, съ перваго же мгновенія своей внѣутробной жизни умѣлъ различать окружавшія его явленія, такъ какъ онъ слѣдилъ своими глазами за всѣми совершавшимися около него движеніями посторонних.

„Трудно выразить, какъ велика была заботливость матери обо всемъ, что касалось до воспитанія ея дѣтеныша — до его прокормленія и безопасности. Она при этомъ выказывала столько ума и предусмотрительности, что нельзя было не удивляться ей. При каждомъ малѣйшемъ шумѣ, при каждомъ шорохѣ она напрягала все свое вниманіе и съ безпокойствомъ прислушивалась, нѣтъ ли уже чего нибудь, что можетъ угрожать безопасности ея питомца; между тѣмъ относительно самой себя, она никогда не выказывала такой боязливой заботливости, такъ какъ уже привыкла къ людямъ и сдѣлалась ручною. Всѣ ея движенія были чрезвычайно ловки, проворны и всегда расчитаны такъ, чтобы они не могли причинить никакого вреда ея любимой ношѣ, которая впрочемъ нисколько не мѣшала ей свободно ходить. По прошествіи

четырнадцати дней молодая обезъяна начала отставать отъ груди своей матери и на первыхъ же порахъ выказывала такую удивительную ловкость и силу, которыя и старой обезъянѣ могли бы дѣлать честь. Мать съ величайшею бдительностью слѣдила за каждымъ движеніемъ своего дѣтеныша и, по видимому, всегда была готова поспѣшить къ нему на помощь, если бы съ нимъ случилось какое нибудь несчастіе. По мѣрѣ того, какъ дѣтенышъ ея подросталъ, она все болѣе и болѣе слагала съ себя материнскую заботливость, но все-таки продолжала радѣть объ немъ и при малѣйшей опасности тотчасъ же брала его къ себѣ. Она предостерегала своего любимца обыкновенно самымъ легкимъ прикосновеніемъ руки и тотъ, какъ послушное дитя, мгновенно вскакивалъ на грудь къ своей матери, гдѣ всегда находилъ вѣрное убѣжище.

„Прыжки этого маленькаго животнаго дѣлались все совершеннѣе и сложнѣе по мѣрѣ развитія его силъ, но оно никогда не дѣлало ложнаго движенія, а напротивъ, всегда вѣрно расчитывало разстояніе прыжка и опредѣляло соотвѣтствующую степень нужной для него силы. Оно съ самаго начала знало по природѣ, какія движенія для нея доступны, и постепенно, естественнымъ путемъ, достигла того, чего другія животныя, если бы даже были одарены человѣческимъ умомъ, могли бы достигнуть только послѣ многочисленныхъ опытовъ и упражненій. Въ виду этой молодой обезъяны нужно было сознаться, что мы напрасно силимся объяснить дѣйствія животныхъ. Побужденія ихъ принадлежатъ къ тайнамъ природы!

„Послѣ шести недѣль молодой обезъянѣ начали давать болѣе питательную пищу, нежели материнское молоко, и при этомъ мы имѣли случай замѣтить другую черту въ харак-

терѣ ея матери. Та самая обезъяна, которая столь глубоко была проникнута нѣжною заботливостью о своемъ дѣтенышѣ, которая такъ холила и лелѣяла его, когда онъ кормился единственнно грудью, и о которой можно было думать, что она непремѣнно будетъ раздѣлять съ своимъ любимцемъ каждую крошку пищи,—эта самая мать, съ тѣхъ поръ, какъ дѣтенышъ ея началъ питаться самъ, сдѣлалась вдругъ до того жестокою, что не позволяла ему проглотить ни одного куска изъ той пищи, которую имъ приносили. Каждый разъ, когда прислужникъ приносилъ плоды и хлѣбъ, она сурово отталкивала своего дѣтеныша, поспѣшно забирала къ себѣ весь запасъ, и часть его прятала въ свои защечные мѣшки, а другую брала въ руки, для того, чтобы маленькая обезъяна не могла ничего похитить для себя. Этого поступка никакъ нельзя было приписать какому нибудь благородному побужденію, потому что молока для кормленія у нея уже не было, а вреда для своего дѣтеныша отъ плодовъ также ей нечего было опасаться, такъ какъ онъ все таки получалъ пищу и ѣлъ ее безъ дурныхъ послѣдствій, слѣдовательно можно навѣрное сказать, что ее побуждала къ этому скотскому эгоизму одна прожорливость. Но голодъ вскорѣ придалъ молодой обезъянѣ смѣлость; она сдѣлалась предпріимчивѣе и проворнѣе: начала противиться своей жадной матери и не отступала, когда послѣдняя колотила ее. Благодаря своему проворству и разнымъ уловкамъ, ей неоднократно удавалось таскать у матери кусочки пищи и съѣдать ихъ вдали отъ нея. Но такъ какъ неестественная мать въ такихъ случаяхъ большею частью пускалась за своимъ дѣтенышемъ въ погоню, чтобы отнять у него похищенный кусокъ, то для избѣжанія дурныхъ послѣдствій мы начали давать имъ гораздо больше пищи, чѣмъ мать могла

съѣсть и забрать въ руки, такъ что и молодой обезьянѣ постоянно также доставалось достаточное количество пищи. За исключеніемъ ссоръ изъ за корма мать жила въ полномъ согласіи съ своемъ дѣтенышемъ. Молодая обезьяна была добраго и веселаго нрава.“

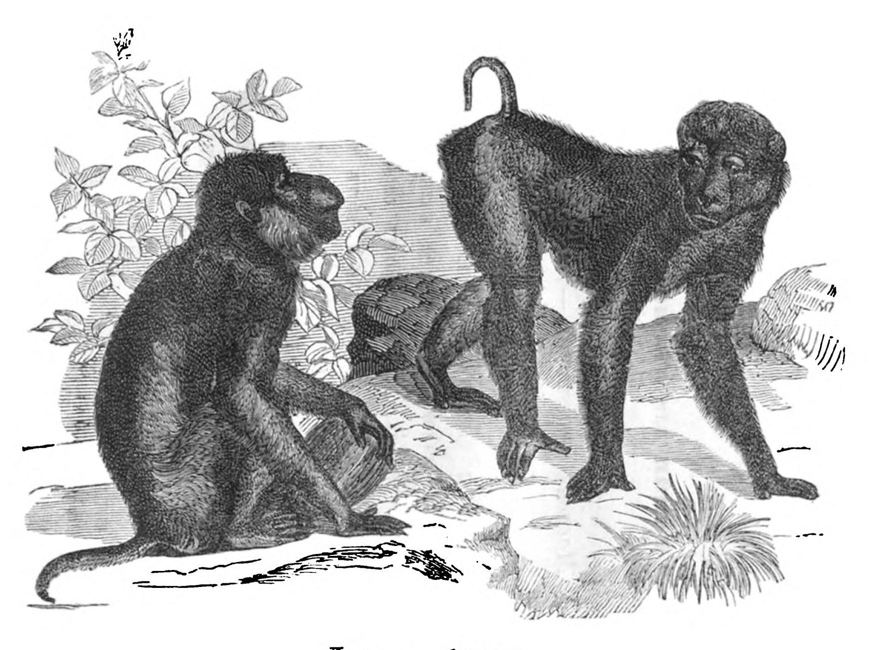
У мартышекъ, по наблюденіямъ многихъ естествоиспытателей, материнская любовь выказывается въ гораздо лучшемъ свѣтѣ.

Свиная или **лѣсная обезьяна**.

Macacus nemestrinus.—Der Schweinsaffe.

Эта обезъяна отличается отъ предыдущихъ короткимъ, тонкимъ хвостомъ и высокими ногами. Она нѣсколько похожа на павіана. Свиною обезъяною ее назвали потому, что она, подобно свиньямъ, держитъ хвостъ свой въ изогнутомъ положеніи. Шерсть у нея на верхней части тѣла длинная и густая, и трехъ различныхъ цвѣтовъ: оливковаго, зеленоватаго и желтоватаго. На нижней части живота волосы рѣдкіе и желтоватаго или буроватожелтаго цвѣта: нижняя поверхность хвоста свѣтлобураго цвѣта. На лицѣ, ушахъ, рукахъ и сѣдалищныхъ мозоляхъ волосъ вовсе нѣтъ; цвѣтомъ своимъ эти части смахиваютъ на грязное мясо; верхнія вѣки бѣловатыя, а глаза бурые. На макушкѣ волосы расходятся лучеобразно. Величина этой обезъяны два фута и восемь дюймовъ, длина тѣла одинъ футъ и девять дюймовъ, а хвостъ шесть дюмовъ длины.

Обезъяна эта водится въ лѣсахъ островов Суматры, Борнео и полуострова Малакки; она жива и проворна, въ молодости добродушна, кротка и легко дѣлается не только руч-

Лѣсныя обезьяны.

пою, но и полезною для домашняго хозяйства. Малайцы, которые называютъ ее *бру*, пользуются ея способностью и употребляютъ ее для работы. Они напр. заставляютъ ее взбираться на кокосовыя пальмы и срывать съ нихъ плоды. Этотъ трудъ обезъяна исполняетъ ловко и съ удивительнымъ умомъ, такъ что выбираетъ и срываетъ только зрѣлые плоды, которые бросаетъ на землю. Въ отношеніи такого хозяйственнаго примѣненія эта обезъяна представляетъ собою единственный примѣръ изъ всей породы своей: она работаетъ какъ домашнее животное, какъ помощникъ человѣка.

Лишеніе свободы бру переноситъ очень легко, и даже у насъ въ Европѣ. Онъ и въ нашемъ климатѣ можетъ распложаться. Но онъ также способенъ на разныя глупыя проказы.

Маготъ или **безхвостая обезъяна**.

Inuus ecaudatus. — Der Magot.

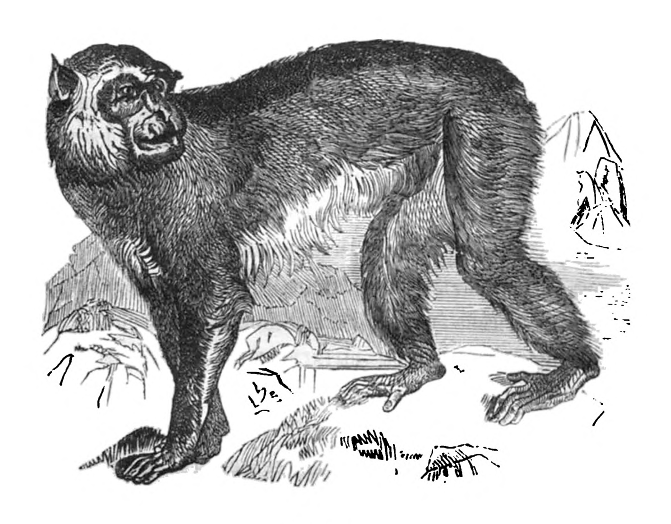
Маготъ, который извѣстенъ также подъ названіемъ *турецкой*, *обыкновенной* и *берберской* обезъяны, замѣчателенъ въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ это единственная обезъяна изъ породы макаковъ, которая водится въ Африкѣ, а во вторыхъ она понынѣ еще встрѣчается въ Европѣ въ дикомъ состояніи. По всей вѣроятности маготъ былъ извѣстенъ уже въ древности, потому что есть много причинъ, заставляющихъ полагать, что римляне употребляли для своихъ анатомическихъ изслѣдованій преимущественно эту обезъяну.

У магота тѣлосложеніе стройное, ноги и руки длинныя. Лице его покрыто морщинами и мяснаго цвѣта. Уши у него кругловаты и похожи на человѣческіе. Хвостъ до того коротокъ, что едва замѣтенъ. Шерсть у него вообще довольно густая, но на нижней части живота рѣдкая. Борода у него густая и желтоватобѣлаго цвѣта, между тѣмъ какъ лобные волосы и брови черные, спина и наружная сторона переднихъ членовъ зеленоватобураго, а наружная сторона заднихъ чле-

новъ и руки красноватожелтаго цвѣта. Тѣло у него около двухъ футовъ длиною.

Эту обезъяну постоянно возятъ съ собою странствующіе вожаки медвѣдей и верблюдовъ, которые впрочемъ въ настоящее время являются несравненно рѣже, потому что уже не такъ забавляютъ нашу образованную молодежь.

Маготъ водится въ сѣверозападной Африкѣ, гдѣ эта обезъяна попадается большими шайками подъ предводительствомъ старыхъ, опытныхъ самцевъ. Это довольно умное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и коварное, проворное и крѣпкое животное, которое въ случаѣ надобности превосходно защищается съ помощью своихъ здоровыхъ зубовъ. Онъ испускаетъ сильный, но короткій крикъ, только въ случаѣ испуга и страха; желаніе же, равно и радость, отвращеніе, неудовольствіе и гнѣвъ онъ выражаетъ гримассами и прищелкиваніемъ зубовъ. Въ порывахъ гнѣва у него сильно двигается кверху и книзу морщинистый лобъ, а губы вытягиваются и сжимаются такъ, что ротъ принимаетъ видъ круглаго отверстія. На свободѣ онъ живетъ въ утесистыхъ мѣстностяхъ, подобно павіанамъ, но онъ также искусно лазитъ по деревьямъ. Говорятъ, что онъ, подобно павіану, употребляетъ въ пищу много насѣкомыхъ и червей, вслѣдствіе чего онъ часто приподымаетъ и сворачиваетъ съ мѣста камни и скатываетъ ихъ съ горъ, въ надеждѣ отыскать подъ ними этихъ животныхъ. Оттого очень опасно подходить къ покатостямъ тѣхъ утесовъ, на которыхъ водится маготъ. Скорпіоны самое любимое его кушанье; онъ искусно вырываетъ у нихъ ядовитое жало и затѣмъ съ большою жадностью съѣдаетъ животное. Поймавъ какое нибудь насѣкомое, онъ долго держитъ его передъ глазами и, привѣтствовавъ его радостною гримассою, тотчасъ проглаты-

Маготъ.

ваетъ. Въ плѣну главное его удовольствіе заключается въ томъ, что онъ у собакъ, кошекъ, а при обстоятельствахъ также у людей, отыскиваетъ разныхъ насѣкомыхъ, и бываетъ всегда очень радъ, когда и ему указываютъ ту же услугу.

Маготъ, безъ сомнѣнія, та самая обезъяна, о которой Плиній пишетъ, что она обладаетъ удивительною подражательною способностью, легко научается играть въ шашки, отличаетъ человѣка отъ восковой фигуры, любитъ общество и т. д. Позднѣйшіе писатели также упоминаютъ о маготѣ. Левъ африканскій говоритъ, что маготъ часто встрѣчается въ мавританскихъ лѣсахъ, и походитъ на человѣка не только руками и ногами, но и лицемъ, и что у него много природнаго ума. Пріученные маготы, говоритъ онъ, оказываютъ людямъ неимовѣрныя услуги; они, правда, склонны къ гнѣву и даже кусаются, но легко успокоиваются. Подобнымъ же образомъ отзываются о нихъ и другіе писатели.

О маготѣ, который водится на утесахъ Гибралтара, А. Г. Смитъ (1862 г.) говоритъ слѣдующее:

„Многіе, въ томъ числѣ даже одинъ изъ часто пріѣзжавшихъ въ Гибралтаръ капитановъ, сомнѣвались въ дѣйствительномъ существованіи этой обезъяны въ Европѣ. Я самъ почти перестаъ вѣрить этому, но убѣдился въ противномъ, когда однажды забрался къ флажному шесту на вершинѣ утеса, чтобы насладиться превосходнымъ видомъ окрестности. Тамъ приставленный къ флагу сторожъ случайно замѣтилъ мнѣ, что по утесамъ въ это время обыкновенно расхаживаютъ обезъяны, и тѣмъ подстрекнулъ мое любопытство: я тотчасъ же попросилъ его сообщить мнѣ все, что ему извѣстно объ этихъ обезъянахъ, и вотъ, что онъ мнѣ разсказалъ объ нихъ;

„На этомъ утесѣ обезъяны обитаютъ съ незапамятныхъ временъ, но съ какихъ именно поръ, это никому неизвѣстно. Мавры увѣряютъ, будто подъ проливомъ есть подземный ходъ, который соединяетъ Марокко съ Гибралтаромъ, по которому эти обезъяны еще до сихъ поръ совершаютъ свои странствованія изъ Марокко въ Европу и обратно, но это вѣроятно ничего больше какъ сказка. Положительно вѣрно только то, что онѣ водятся на этомъ утесѣ, и что число ихъ теперь уже очень ограничено, такъ какъ ихъ теперь осталось всего только четыре. Ихъ видятъ очень рѣдко; съ измѣненіемъ направленія вѣтра, онѣ обыкновенно мѣняютъ свое мѣстопребываніе. Онѣ чрезвычайно чувствительны къ быстрымъ перемѣнамъ погоды и особенно боятся восточныхъ и западныхъ вѣтровъ, а потому когда вѣтеръ дуетъ съ востока или съ запада онѣ всегда прячутся за утесы. Онѣ очень живаго нрава и всего охотнѣе живутъ въ покатыхъ мѣстностяхъ. Пищу имъ добывать очень легко, потому что листья и плоды растеній, которыми онѣ питаются, въ изобиліи растутъ между камнями. Онѣ въ особенности любятъ сладкіе корни малорослой пальмы; но для разнообразія ѣдятъ также жуковъ и другихъ насѣкомыхъ. Иногда, говорятъ, онѣ забираются въ сады, чтобы полакомиться зрѣлыми плодами. Многіе увѣряютъ, будто онѣ боязливы и при малѣйшемъ шумѣ обращаются въ бѣгство, но это вовсе несправедливо.

„Обезъянъ въ Гибралтарѣ никто не безпокоитъ и не преслѣдуетъ. Съ 1855 г. квартирмейстеръ взялъ ихъ подъ свое покровительство и при каждомъ появленіи ихъ даже записывалъ сколько ихъ было въ наличности; показывались же онѣ, среднимъ числомъ, черезъ каждые десять дней, а иногда нѣсколько чаще. Въ 1856 г. ихъ было всего де-

сять, но и это ограниченное число ихъ постепенно уменьшалось, такъ что теперь уже показываются только четыре обезъяны. Нѣтъ сомнѣнія, что онѣ въ скоромъ времени совершенно выведутся, такъ какъ по увѣренію многихъ, всѣ эти четыре обезъяны одного пола. Жаль, что никому изъ англійскихъ офицеровъ, постоянно живущихъ въ Гибралтарѣ, не приходитъ въ голову выписать съ противоположнаго, африканскаго берега нѣсколько обезъянъ другаго пола, чтобы потомъ припустить ихъ къ гибралтарскимъ и такимъ образомъ поддержать эту породу животныхъ и въ Европѣ. А это очень легко исполнить, такъ какъ между Гибралтаромъ и противоположнымъ, африканскимъ берегомъ существуютъ постоянныя и правильныя сообщенія, по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю.“

— —

Вандеру или **Бандаръ**.

Macacus silenus. — Der Wanderu oder Nil-Bandar.

Черная бородатая обезьяна. -Der schwarze Bartaffe.

Наружностью эта обезьяна очень походитъ какъ на павіана съ гривою, такъ и на макака. Тѣло у нея короткое и дородное, хвостъ средней величины. Большая грива, спускаясь съ головы на плечи, обхватываетъ ея лице, подобно рамкѣ. Верхняя часть тѣла чернаго цвѣта, а руки и ноги свѣтлобуроватосѣраго, точно также какъ и грива, которая кверху темнѣе, а около подбородка свѣтлѣе. Лице и ручныя кисти черныя, сѣдалищныя мозоли красноватыя. Длина взрослыхъ животныхъ не превышаетъ двухъ футовъ, а хвостъ у нихъ всего въ одинъ футъ.

Вандеру водятся преимущественно на островѣ Цейлонѣ и исключительно въ густыхъ лѣсахъ, гдѣ они питаются древесными почками и листьями. Они нерѣдко забираются и въ сады и производятъ въ нихъ иногда большія опустошенія. Въ нѣкоторыхъ кокосовыхъ садахъ они не оставляютъ на деревьяхъ ни одного плода: все то, чего не могутъ

Вандеру.

съѣсть, они срываютъ и бросаютъ на землю, особенно незрѣлые кокосовые орѣхи.

Но не смотря на то, малабарцы питаютъ большую привязанность къ этимъ обезъянамъ, и многіе князья этого народа держатъ ихъ у себя въ домѣ для забавы, потому что онѣ дѣйствительно одарены умомъ и способностью выучивать разныя игры.

Павіаны.

Cynocephalus. — Der Pavian oder Hundskopf.

Эта группа принадлежитъ, хотя къ самымъ замѣчательнымъ, но далеко не къ самымъ пріятнымъ породамъ обезьянъ. И дѣйствительно, между ними встрѣчаются самыя грубыя и самыя отвратительныя обезъяны, у которыхъ всѣ благовидныя формы замѣнены безобразіемъ, а всѣ благородныя чувства — самыми необузданными страстями.

Послѣ орангъ-утанговъ павіаны самыя большія обезъяны. У нихъ здоровое тѣлосложеніе и значительная, мышечная сила, большая голова и здоровое, удлиненное, но тупое рыло, съ выдающимся носомъ. Зубы ихъ напоминаютъ хищныхъ животныхъ; губы очень подвижныя, уши маленькіе, а въ глазахъ выражается весь характеръ этой обезъяны — хитрость и коварство. Члены у нихъ короткіе, но за то крѣпкіе; на рукахъ по пяти пальцевъ; хвостъ у иныхъ короткій, у другихъ длинный, частью съ гладкими, частью съ кистообразными волосами; сѣдалищныя мозоли чрезвычайно большія и яркокраснаго цвѣта. Шерсть длинная и мягкая; на головѣ, шеѣ и плечахъ она достигаетъ у нѣкоторыхъ

видовъ такой длины, что ее можно принять за гриву, но цвѣта довольно неопредѣленнаго, а именно сѣраго съ зеленожелтымъ, буроватозеленымъ и другими отливами.

Павіаны водятся въ Африкѣ и только въ самыхъ близкихъ къ ней странахъ Азіи, а именно въ аравійскихъ областяхъ Іеменѣ и Гадрамаутѣ. Вообще въ Азіи они не встрѣчаются далѣе персидскаго пролива и рѣки Тигра. Африка, по видимому, настоящее ихъ отечество: здѣсь они распространены по всѣмъ направленіямъ. Всѣ павіаны, за исключеніемъ одного вида (cynocephalus gelada), который открытъ въ послѣднее время, были извѣстны уже египтянамъ, а черезъ нихъ также грекамъ и римлянамъ.

Павіаны живутъ большею частью на утесахъ, и потому предпочитаютъ высокія горы или по крайней мѣрѣ возвышенныя гористыя мѣстности Африки. Въ лѣсахъ ихъ не встрѣчаютъ, потому что они избѣгаютъ деревьевъ и взбираются на нихъ только въ крайнихъ случаяхъ. За то въ горахъ они зачастую подымаются на высоту отъ десяти до двѣнадцати тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, а иногда даже доходятъ до снѣговой линіи, но вообще они предпочитаютъ болѣе низкія горы — вышиною отъ четырехъ до шести тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Уже изъ разсказовъ древнихъ путешественниковъ видно, что горы настоящая родина павіановъ. Такъ напр. Бартема изъ Болоньи, путешествовавшій въ 1503 году по Аравіи, разсказываетъ, что по дорогѣ отъ города Цибита, близъ чермнаго моря, онъ видѣлъ на одной громадной горѣ болѣе десяти тысячъ обезъянъ, которыя не только наружностью, но и тѣлесною силою уподоблялись львамъ, такъ что для избѣжанія ихъ нападенія, нужно путешествовать не иначе какъ подъ прикрытіемъ по

крайней мѣрѣ ста вооруженныхъ человѣкъ. Большая часть другихъ путешественниковъ также согласны въ томъ, что павіаны принадлежатъ къ горнымъ животнымъ. Но не смотря на то, нѣкоторые новѣйшіе писатели, глубокомысленные созерцатели, никогда не удалявшіеся изъ своего кабинета, увѣряютъ, что павіаны живутъ въ густыхъ лѣсахъ.

Пища павіановъ соотвѣтствуетъ ихъ горной жизни: они преимущественно ѣдятъ луковицы, шишкообразныя растенія, злаки, травы, плоды, но такіе, которые растутъ или на землѣ, или на кустарникахъ незначительной высоты, или же которые сами отваливаются отъ высокихъ деревьевъ; кромѣ того насѣкомыхъ, пауковъ, улитокъ, птичьи яйца и т. д. Фруктовые сады, а въ особенности виноградники, они грабятъ до опустошенія. Туземцы увѣряютъ, что подобные хищные походы предпринимаются у нихъ по благоразумному и вполнѣ обдуманному плану, и что похищенные плоды они сохраняютъ на вершинахъ горъ какъ запасъ на черный день. Достовѣрно извѣстно, что во время грабежа они выставляютъ изъ своей среды караульныхъ, которые при приближеніи человѣка должны объ этомъ извѣщать грабителей особымъ крикомъ,—и горе имъ, если они исполняютъ свою обязанность не довольно блительно: вся шайка тогда вскидывается на нихъ и забиваетъ до смерти.

Павіаны, какъ мы уже сказали выше, рѣдко взбираются на деревья, потому что они неспособны лазать проворно и ловко. Они всегда ходятъ на четверенькахъ, и только тогда становятся на заднія ноги, когда желаютъ обозрѣть окрестность; но и въ такомъ случаѣ они большею частью опираются на одну руку. При спокойномъ состояніи духа они ходятъ медленно и неуклюже; но когда ихъ преслѣдуютъ, они пуска-

ются рысью. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ они страннымъ образомъ виляютъ всѣмъ тѣломъ, особенно же заднею частью, чего никогда не замѣчаютъ у другихъ животныхъ. Хвостъ свой они выгибаютъ такимъ образомъ, что придаетъ имъ надменный видъ, и кромѣ того они такъ нахально глядятъ своими маленькими, блестящими глазами, что уже издали можно судить о ихъ дерзкомъ характерѣ.

Объ умственныхъ способностяхъ павіановъ Шейтлинъ отзывается слѣдующимъ образомъ:

„Всѣ павіаны болѣе или менѣе дурнаго характера; они всегда дики, запальчивы, нахальны, сладострастны и коварны. Взоръ у нихъ лукавый, а нравъ злой. Но за то они переимчивѣе и вообще выказываютъ гораздо болѣе ума, нежели другія обезъяны. У нихъ то именно начинаетъ показываться способность къ подражанію, благодаря которой ихъ умственныя способности болѣе подходятъ къ человѣческимъ, чѣмъ у другихъ обезъянъ. Сладострастіе ихъ превосходитъ всякое представленіе; женщинъ и дѣтей нельзя подпускать близко къ нимъ; они неприличны даже съ мужчинами. Они очень смѣтливы и во время открываютъ западни и грозящую имъ опасность, а противъ непріятелей они защищаются храбро и стойко. Хотя въ молодости ихъ и можно укротить и дѣлать ручными и послушными; однакожъ подъ старость, когда умъ и чувства у нихъ притупляются, они снова выказываютъ всю свою злую и отвратительную природу, т. е. опять дѣлаются непослушными, опять начинаютъ скалить зубы, царапаться и кусаться. Говорятъ, что на свободѣ они умнѣе и смышленнѣе, въ плѣну же болѣе кротки. Увѣряютъ также, что они на свободѣ нападаютъ съ палками на человѣка и большихъ животныхъ, напр. на слона. Но достовѣрно извѣстно

только то, что они, спасаясь отъ преслѣдованія, иногда взбираются на деревья и бросаютъ оттуда въ своихъ непріятелей собственныя испражненія, которыя они могутъ, по произволу, извергать изъ себя во всякое время."

Павіаны очень привязаны другъ къ другу и къ своимъ дѣтенышамъ; они также любятъ человѣка, который воспитывалъ ихъ и ухаживаетъ за ними, даже могутъ быть полезными во многихъ отношеніяхъ. Но эти добрыя качества далеко затмѣваются дурными. Всѣ павіаны, какъ мы уже сказали, отличаются хитростью, коварствомъ и преимущественно сильною раздражительностью и запальчивостью. Гнѣвъ возбуждается въ нихъ съ быстротою воспламененія соломы, но утихаетъ очень медленно. Одного слова, одной насмѣшки, даже косаго взгляда достаточно для того, чтобы возбудить въ павіанѣ дикую ярость, въ которой онъ все забываетъ, даже того, кого за минуту передъ тѣмъ любилъ и ласкалъ. Такимъ образомъ эта обезьяна всегда остается опаснымъ животнымъ; ея грубая природа рано или поздно прорывается, какъ бы долго она ни дремала. Въ виду непріятеля павіаны становятся дѣйствительно страшными.

На родинѣ своей павіаны живутъ безъ всякихъ опасеній, потому что какъ хищныя животныя, такъ и люди одинаково боятся ихъ и стараются избѣгать всякой встрѣчи съ ними. Хотя они обыкновенно бѣгутъ при видѣ человѣка или звѣря, однако въ случаѣ необходимости вступаютъ съ ними въ открытую борьбу; а такъ какъ они обыкновенно нападаютъ общими силами, т. е. цѣлою шайкою, то борьба эта большею частью оканчивается неблагополучно для ихъ противниковъ. Леопардъ, по видимому, самый главный ихъ непріятель, однако и онъ больше нападаетъ на молодыхъ, чѣмъ на старыхъ

обезъянъ, потому что послѣднія одолѣваютъ его своими мощными руками и зубами. На цѣлую же шайку онъ уже никогда не осмѣливается напасть, на что, впрочемъ даже и самъ левъ никогда не рѣшается, какъ это единогласно увѣряютъ туземные жители. Надъ собаками павіаны одерживаютъ побѣду безъ всякаго труда, но не смотря на то, эти благородныя домашнія животныя не находятъ лучшаго утѣшенія, какъ охоту за своими страшными врагами. Можно было бы полагать, что собака, уже имѣвшая однажды дѣло съ опаснымъ для нея павіаномъ, откажется въ слѣдующій разъ отъ борьбы съ своимъ непріятелемъ; но на дѣлѣ это оказывается иначе. Гончія собаки оставляютъ всякую другую добычу, какъ только нападаютъ на слѣдъ павіана. Борьба между этими двумя породами животныхъ, какъ увѣряютъ очевидцы, представляетъ ужасное зрѣлище. Не даромъ колонисты капской земли гораздо болѣе опасаются за своихъ собакъ, когда онѣ нападаютъ на павіана, чѣмъ когда преслѣдуютъ леопарда. Когда свора собакъ завидитъ шайку павіановъ, она тотчасъ же съ яростью бросается на нее; — обезъяны обращаются въ бѣгство, а собаки пускаются за ними въ погоню. Во время преслѣдованія бѣглецы мало по малу разсѣиваются, а вмѣстѣ съ ними и ихъ непріятели. Болѣе слабые павіаны спѣшатъ къ своимъ утесамъ, гдѣ находятъ для себя безопасное убѣжище, а болѣе сильные самцы умѣряютъ свои шаги и собираются съ силами, чтобы отразить нападеніе враговъ. При этомъ они отъ времени до времени поворачиваютъ голову назадъ и бросаютъ на своихъ неугомонныхъ преслѣдователей коварный и ненавистный взглядъ. Наконецъ собака настигаетъ своего противника и уже хочетъ схватить его, но тотъ вдругъ съ

яростнымъ крикомъ поварачивается назадъ и всѣми четырмя членами крѣпко вцѣпляется собакѣ въ грудь и горло, послѣ чего начинается продолжительная и отчаянная борьба, оканчивающаяся обыкновенно тѣмъ, что остервенившійся звѣрь сваливаетъ своего противника на земь и до тѣхъ поръ грызетъ его своими острыми зубами, пока тотъ не издохнетъ на мѣстѣ; тогда торжествующій павіанъ испускаетъ адскій злорадостный крикъ и удаляется на гору. Такъ обыкновенно бываетъ съ неопытными собаками; ученые же псы гораздо осторожнѣе: они никогда не удаляются одна отъ другой, когда преслѣдуютъ этихъ звѣрей, и всегда приноравливаются такъ, чтобы троимъ или четыремъ разомъ броситься на одного павіана, потому что въ такомъ случаѣ его естественныя оружія оказываются недѣйствительными, и онъ дѣлается непремѣнною жертвою своихъ противниковъ, если только не успѣетъ спастись бѣгствомъ.

Кромѣ собаки и леопарда, у павіановъ вообще нѣтъ опаснаго врага. Хищнымъ птицамъ никогда и въ голову не приходитъ дѣлать на нихъ нападеніе. Даже самая сильная изъ нихъ, какъ орелъ, никогда не рѣшается охотиться за самымъ слабымъ павіаномъ. Колонисты также ничего не могутъ дѣлать противъ нихъ; имъ только удается сгонять ихъ на нѣкоторое время съ полей, настоящая же охота за ними потребовало бы слишкомъ много людей; но и тогда едва ли удалось бы совершенно истребить ихъ. Однѣ только змѣи наводятъ на павіановъ неимовѣрный страхъ; потому что эти пресмыкающіяся животныя вѣроятно уже не разъ давали имъ чувствовать дѣйствіе своего ядовитаго жала. Они постоянно находятся подъ вліяніемъ страха, который внушаютъ имъ змѣи: никто изъ павіановъ не подымаетъ ни одного камня,

не обыщетъ ни одного кустарника, пока не удостовѣрится, что подъ ними нѣтъ змѣи. Скорпіоновъ эти хитрыя обезъяны нисколько не боятся; онѣ ловятъ ихъ очень искусно, и лишивъ ихъ ядовитаго жала съѣдаютъ ихъ съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ глотаютъ пауковъ и всѣхъ вообще насѣкомыхъ.

Послѣ всего сказаннаго о неустрашимости павіана можно бы было думать, что нѣтъ никакой возможности поймать его, а между тѣмъ это очень легко. Во всей Африкѣ извѣстно, что павіаны съ жадностью пьютъ спиртные напитки и что они отъ нихъ очень скоро пьянѣютъ. По этому выставляютъ для нихъ нѣсколько горшковъ съ водкою, и послѣ того, какъ жадныя обезъяны напились, ихъ ловятъ безъ всякаго сопротивленія съ ихъ стороны. Тяжелыя цѣпи и побои обыкновенно укрощаютъ разъяренныхъ павіановъ, которые со свойственнымъ имъ умомъ въ скоромъ времени начинаютъ сознавать превосходство людей и покоряются неотвратимой судьбѣ.

Сладострастіе павіановъ оскорбляетъ всякое чувство приличія и нравственности. Самцы гоняются не только за самками своего собственнаго рода, но и за всѣми другими млекопитающими животными. Во всей Африкѣ увѣряютъ, что они похищаютъ негритянокъ, или по крайней мѣрѣ нападаютъ на нихъ и насильно навязываютъ имъ свои неестественныя ласки. Они очень хорошо отличаютъ мужчинъ отъ женщинъ. Самцы во всякое время готовы къ сближенію съ другимъ поломъ; самки же, напротивъ того, только въ извѣстные періоды — два или три раза въ годъ. При этомъ половыя части у нихъ значительно распухаютъ и дѣлаются яркокрасными, а сами онѣ вслѣдствіе того бываютъ столь

же пристрастны къ самцамъ, какъ эти послѣдніе къ нимъ въ теченіе всего года.

Польза, которую павіаны приносятъ въ домашнемъ быту, очень незначительна. Благодаря ихъ понятливости они могутъ быть пріучены къ разнымъ фокусамъ и такимъ образомъ служить для забавы. Въ капской землѣ ими пользуются также для отысканія въ степяхъ воды. Когда запасъ воды истощился, павіану даютъ поѣсть чего нибудь соленаго и, спустя нѣсколько часовъ, его привязываютъ къ длинной и толстой веревкѣ и даютъ ему бѣгать по произволу; мучимая жаждою обезъяна, благодаря чутью своему, скоро отыскиваетъ открытый источникъ или по крайней мѣрѣ останавливается въ такомъ мѣстѣ, гдѣ вода заключается въ нѣдрахъ земли, и начинаетъ рыть ее лапами.

Мы опишемъ каждый видъ павіановъ отдѣльно.

Гамадрилъ.

Cynocephalus hamadryas. — Der Mantelpavian.

Эта обезъяна, изъ породы павіановъ, уже въ самой глубокой древности играла важную роль. У египтянъ, которые нѣкогда оказывали ей божескія почести, она была извѣстна подъ названіемъ *томъ* или также *охъ;* въ настоящее время абиссинцы называютъ ее *гебе*, аравитяне—*робагъ*, а египтяне—*кирдъ*.

На египетскихъ памятникахъ гамадрилъ занимаетъ первое мѣсто между всѣми обезъянами. На стѣнахъ, испещренныхъ священными іероглифами, весьма часто попадаются изображенія разныхъ обезъянъ, но гамадрилъ, а именно одинъ старый самецъ, удостоился особой чести: онъ представленъ сидящимъ на алтарѣ и внимающимъ поклоненію людей. Иногда его изображали также судьею, обсуживающимъ всѣ дѣянія и качества людей и имѣющимъ передъ собою вѣсы, на которыхъ онъ взвѣшиваетъ добрые и дурные поступки. Высокое почитаніе божества, которое онъ представлялъ, выражалось почти на всѣхъ древнихъ египетскихъ картинахъ. Вѣроятно гамадрилу поклонялись по той же причинѣ, по какой покло-

нялись и корокодилу, а именно изъ боязни, потому что древніе народы нерѣдко обожали тѣхъ животныхъ,которыхъ всего болѣе боялись. Такимъ уваженіемъ гамадрилъ пользовался не только въ Египтѣ, но и во многихъ другихъ странахъ Африки; теперь онъ впрочемъ уже вездѣ лишился этой великой чести. Вредъ, которой онъ причиняетъ на поляхъ и въ садахъ, столь значителенъ, что туземные жители не могутъ не питать къ нему ненависти и негодаванія.

Египетъ не настоящая родина гамадрила; его вѣроятно уже въ древности привозили туда изъ болѣе южныхъ странъ, преимущественно же изъ Абиссиніи.

Альварезъ, бывшій въ Абиссиніи въ концѣ XVI вѣка и видѣвшій гамадриловъ въ огромномъ числѣ, отзывается о ихъ жизни слѣдующимъ образомъ:

„Когда гамадрилы отыскиваютъ себѣ кормъ, они не оставляютъ на мѣстѣ ни одного камня. Если же камень такъ великъ, что двое или трое изъ нихъ не могутъ сдвинуть его съ мѣста, то они берутся за него совокупными силами, допуская къ участію въ дѣлѣ столько обезъянъ, сколько могутъ ухватиться за камень. Муравьевъ они также охотно ѣдятъ, потому что они зачастую кладутъ руку на муравейникъ и держатъ ее тамъ до тѣхъ поръ, пока она не покроется насѣкомыми, которыхъ потомъ слизываютъ языкомъ. Сады и поля, за которыми плохой присмотръ, гамадрилы опустошаютъ въ самое короткое время. Отправляясь на поля для грабежа, они сперва посылаютъ соглядатаевъ, и вторгаются туда не прежде, какъ услышавъ отъ нихъ сигналъ безопасности. Опустошенія свои они производятъ въ чрезвычайной тишинѣ, и если въ это время кто нибудь изъ неосторожныхъ молокососовъ издаетъ изъ себя звукъ, то его усмиряютъ

пощечинами. Но за то возвращаются они всегда съ пронзительными криками, какъ будто радуясь счастливому исходу своего плутовскаго предпріятія. Они сильно размножились бы, если бы леопардъ не истреблялъ много изъ ихъ дѣтенышей, не смотря на храбрую защиту со стороны старшихъ самцевъ.“

Гамадрилы водятся большими шайками на всѣхъ прибрежныхъ горахъ Абиссиніи и южной Нубіи, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя изобилуютъ растеніями и водою. Иногда они спускаются также на низменныя мѣста, около береговъ моря. На горахъ каждая шайка занимаетъ пространство, имѣющее полторы или двѣ мили въ поперечникѣ, и заключаетъ въ себѣ обыкновенно отъ ста до полутораста обезъянъ; только изрѣдка встрѣчаются шайки въ двадцать или тридцать обезъянъ. Въ каждой шайкѣ обыкновенно находится десять или пятнадцать совершенно взрослыхъ самцевъ, настоящихъ чудовищъ значительной величины, у которыхъ зубы длиннѣе и крѣпче, чѣмъ у леопарда; взрослыхъ самокъ въ каждой шайкѣ обыкновенно вдвое больше самцевъ; остальная часть состоитъ изъ молодыхъ и полувзрослыхъ обезъянъ. У старыхъ самцевъ волосы очень длинны, до 10 парижскихъ дюймовъ, и образуютъ родъ мантильи или плаща (см. рис. стр. 173). У самокъ волосы короче и темнѣе, а именно оливковаго цвѣта. Молодыя обезъяны болѣе похожи на самокъ. Цвѣтъ волосъ у гамадриловъ вообще зеленоватый или бурый съ желтоватыми кольцами. Боковыя части головы и задніе члены всегда свѣтлѣе. Ягодицы яркокраснаго цвѣта, лице безъ волосъ и цвѣтомъ смахиваетъ на грязное мясо. Съ лѣтами цвѣтъ плаща все болѣе и болѣе свѣтлѣетъ.

Утромъ и въ дождливое время вся шайка остается на томъ

же мѣстѣ, гдѣ проводила ночь, а ночлегами имъ служатъ большія и малыя полости въ недоступныхъ утесахъ. Въ хорошую погоду гамадрилы расхаживаютъ по утесамъ, отыскивая растенія, и переворачиваютъ небольшіе камни, чтобы поймать подъ ними насѣкомыхъ, улитокъ и червей. Къ вечеру вся шайка отправляется пить къ ближайшей рѣкѣ и затѣмъ опять начинаетъ отыскивать себѣ кормъ. На поляхъ, которыя не очень тщательно охраняются, гамадрилы ежедневно производятъ страшныя опустошенія, потому что они гораздо болѣе портятъ, чѣмъ съѣдаютъ.

Когда гамадрилы сидятъ въ бездѣйствіи, ихъ не слыхать; при приближеніи же людей или животныхъ первые, увидавшіе ихъ, подаютъ голосъ (который можно сравнить съ лаемъ собакъ), вѣроятно съ цѣлью предупредить объ этомъ своихъ товарищей. Когда же имъ грозитъ дѣйствительная опасность со стороны человѣка или хищнаго животнаго, то они всѣ начинаютъ издавать разные звуки, которые нѣкоторымъ образомъ напоминаютъ одновременное хрюканье многочисленнаго стада свиней; между прочимъ слышны также звуки, похожіе на ревъ леопарда. При этомъ болѣе сильные самцы выступаютъ на край утеса, чтобы отражать опасность, а болѣе слабые ищутъ защиты у сильнѣйшихъ; молодыя обезъяны прицѣпляются къ груди своихъ матерей или вскакиваютъ имъ на спину, и такимъ образомъ вся шайка обращается въ бѣгство; бѣгаютъ они всегда на четверенькахъ.

Туземцевъ гамадрилы почти вовсе не боятся. Они всегда безъ страха проходятъ мимо ихъ и даже пьютъ съ ними изъ одной рѣчки. При видѣ же бѣлыхъ людей, они хотя и чувствуютъ нѣкоторое волненіе, однако не бѣгутъ и отъ нихъ. Другое дѣло, когда къ нимъ приближаются со-

баки или леопарды: тогда гамадрилы приходятъ въ ярость, подымаютъ страшный шумъ и начинаютъ бить руками объ утесы, скалить зубы и бросать на своихъ непріятелей такіе свирѣпые взгляды, что тѣми нерѣдко поневолѣ овладѣваетъ страхъ, заставляющій ихъ по добру по здорову отступить.

Бремъ однажды увидалъ въ Абиссиніи шайку гамадриловъ, расположившихся на вершинахъ громадныхъ утесовъ, и началъ было стрѣлять въ нее; однако выстрѣлы его и бывшихъ съ нимъ охотниковъ не могли поражать обезъянъ по значительности разстоянія, раздѣлявшаго ихъ отъ высоко стоявшихъ животныхъ; но тѣмъ не менѣе послѣднія обратились въ бѣгство и спустились въ долину, чтобы перебраться на другой утесъ. Въ долинѣ на нихъ начали травить борзыхъ собакъ, которыя, однакожъ, не смотря на то, что онѣ всегда были готовы къ нападеніямъ и борьбѣ, на этотъ разъ отступили, испугавшись свирѣпыхъ взглядовъ окружавшихъ ихъ гамадриловъ. Такимъ образомъ вся шайка безпрепятственно перешла на выбранный утесъ, за исключеніемъ одной очень молодой обезъяны, которая почему-то осталась въ долинѣ; собаки, увидавъ ее совершенно одну, тотчасъ же погнались за нею, но она вскрикнула и быстро побѣжала на ближайшій невысокій утесъ. Въ тоже время съ другаго утеса спустился одинъ изъ сильнѣйшихъ самцевъ, который мѣрными шагами, гордо и съ достоинствомъ, прошелъ мимо собакъ и своимъ свирѣпымъ взглядомъ внушилъ имъ страхъ и уваженіе къ себѣ; затѣмъ, не торопясь, взобрался на утесъ къ находившейся въ опасности молодой обезъянѣ, поласкалъ ее и отправился съ нею обратно мимо самыхъ собакъ, которыя однакожъ и на этотъ разъ не дерзнули напасть на

него. Этою храбростью своею гамадрилъ внушилъ охотникамъ такое уваженіе къ себѣ, что они даже не рѣшились стрѣлять въ него, хотя онъ проходилъ довольно близко отъ нихъ.

Гамадрилы неимовѣрно живучія животныя. Они падаютъ только въ такомъ случаѣ, когда пуля попадаетъ имъ прямо въ голову или грудь. Дробью же ихъ вовсе нельзя убивать.

Всѣ наблюдатели единогласно увѣряютъ, что гамадрилы защищаются отъ преслѣдующихъ ихъ охотниковъ камнями, которые бросаютъ въ нихъ съ высокихъ утесовъ. Однажды охотники видѣли, какъ гамадрилъ, взявъ подъ мышку камень, взобрался съ нимъ на дерево и оттуда швырнулъ его въ долину на своихъ непріятелей.

Дѣтеныши, по видимому, очень привязаны къ своимъ матерямъ. Басьеръ разсказываетъ, что когда онъ однажды застрѣлилъ самку, то бывшій при ней дѣтенышъ не оставилъ своей матери и предпочелъ лучше попасть въ плѣнъ, чѣмъ спастись бѣгствомъ. Въ плѣну онъ сначала былъ упрямъ, но въ послѣдствіи сдѣлался кроткимъ и ручнымъ.

Гамадрилы одарены особою переимчивостью, и потому ихъ часто обучаютъ фокусники, чтобы потомъ показывать ихъ за деньги. Но для этой цѣли обыкновенно берутъ самокъ, потому что самцы со временемъ дѣлаются злыми и такъ сильно кусаются, что на нихъ всегда приходится надѣвать намордники.

Въ общество людей гамадриловъ нельзя допускать безъ нарушенія чувства благопристойности, потому что ихъ наглость и сладострастіе не имѣютъ никакихъ границъ. Говорятъ, что старые самцы нерѣдко нападаютъ на дѣвушекъ и даже убиваютъ ихъ, если тѣ противятся ихъ желанію.

Гелада.

Cynocephalus gelada. — Der Gelada.

Около тѣхъ мѣстностей, гдѣ водится гамадрилъ, встрѣчаютъ другую, похожую на него обезъяну, также изъ породы павіановъ, у которой волосы образуютъ родъ плаща, но которая ростомъ больше гамадрила. Это гелада. По увѣреніямъ Шимпера, живущаго въ Абиссиніи уже болѣе двадцати восьми лѣтъ, ростъ ея иногда равняется человѣческому. Гелада отличается отъ гамадрила цвѣтомъ шерсти: кожа у нея цвѣта темнобураго, голова, верхняя часть шеи, грива и хвостъ свѣтлобураго, гортань, нижняя часть живота, нижняя половина переднихъ оконечностей (рукъ) и тыльныя поверхности ручныхъ кистей и стопъ чернобураго цвѣта. На передней части шеи и на груди два большія мяснаго цвѣта трехугольныя пятна, не обросшія волосами. Сѣдалищныя мозоли темно-сѣраго цвѣта.

Гелады водятся преимущественно въ гористыхъ мѣстностяхъ Абиссиніи, и притомъ большею частью на вершинахъ горъ, возвышающихся отъ 9 до 14 тысячи футовъ надъ уровнемъ моря. Здѣсь онѣ живутъ громадными толпами; въ менѣе

Гелада.

же высоко лежащихъ горныхъ странахъ попадаются шайки, состоящія не больше какъ изъ 100 или уже много изъ 200 обезъянъ. Онѣ, подобно гамадриламъ, оставляютъ кустарниками обросшіе утесы только тогда, когда отправляются грабить поля низменныхъ мѣстностей. Обыкновенною пищею геладамъ служатъ луковицы, которыя онѣ вырываютъ изъ земли—ятрышниковыя и лилейныя растенія (orchideae et liliaceae), злаки, травы, разные плоды, насѣкомыя, черви, улитки и т. п. На поля онѣ, какъ увѣряютъ абиссинцы, забираются всегда во время отлучки сторожей. Хотя онѣ не такъ нахальны, какъ гамадрилы, однако все-таки причиняютъ хозяевамъ полей большіе убытки, потому что онѣ обыкновенно вторгаются большими массами. При видѣ людей вся толпа геладъ тотчасъ же обращается въ бѣгство, и еще не было примѣра, чтобы она когда нибудь рѣшилась вступить въ бой; но тѣмъ не мѣнѣе довольно опасно приближаться къ очень раздраженной геладѣ, потому что зубы у нея такіе же мощные, какъ у сроднаго съ нею гамадрила.

Гамадрилы и гелады питаютъ другъ къ другу непримиримую ненависть. Горы, въ которыхъ живутъ гелады, образуютъ вверху выступъ, наподобіе крыши, а подъ выступами идутъ болѣе или менѣе крутыя и часто даже совершенно отвѣсныя стѣны. Въ этихъ утесистыхъ стѣнахъ, имѣющихъ нѣсколько тысячъ футовъ вышины, находятся полости, въ которыхъ гелады обыкновенно ночуютъ. Днемъ же онѣ, длинными рядами, нерѣдко по тысячамъ, сидятъ на выступахъ горъ, особенно послѣ возвращенія съ пастбища. Иногда онѣ спускаются къ подошвамъ крутыхъ горъ, съ цѣлью посѣтить какое нибудь поле. На этихъ-то походахъ онѣ нерѣдко встрѣчаются съ гамадрилами, и тогда между ними уже непремѣнно

завязывается драка. Обѣ шайки подымаютъ страшный шумъ, причемъ гамадрилы бросаютъ въ своихъ непріятелей камнями. Нападая другъ на друга, онѣ иногда сильно подерутся и покусаются, однакожъ важныхъ поврежденій почти никогда другъ другу не дѣлаютъ. Для наблюдателя эта борьба обезъянъ представляетъ забавное зрѣлище.

Шимперъ однакожъ полагаетъ, что не смотря на свои непріязненныя отношенія другъ къ другу, эти два вида обезъянъ иногда смѣшиваются между собою.

Бабуинъ или **Кирдъ**.

Cynocephalus babuin. — Der Babuin oder Khird.

Этотъ видъ павіановъ имѣетъ большое сходство съ живущею въ капской землѣ *чакмою* (*cynocephalus porcarius*), отъ которой бабуинъ впрочемъ отличается тѣмъ, что шерсть у него зеленоватаго, бурожелтаго цвѣта, между тѣмъ какъ у чакмы она буроватая. Притомъ же онъ и нѣсколько меньше. На волосахъ у него желтыя кольцы перемежаются съ черноватыми. Лице зеленоватобурое, вѣки бѣловатаго или блѣдномяснаго цвѣта.

Бабуинъ водится почти въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ и гамадрилъ, но кромѣ того встрѣчается также въ болѣе внутреннихъ странахъ Африки; а тамъ, гдѣ эти животныя водятся, ихъ встрѣчаютъ всегда въ большомъ числѣ. Бабуина часто ловятъ и отправляютъ по Нилу въ Египетъ, а оттуда въ Европу. Въ Египтѣ фокусники пріобрѣтаютъ его для той же цѣли, какъ и гамадрила, тѣмъ болѣе, что онъ не такъ золъ, а въ молодости даже очень ласковъ.

Своими движеніями бабуинъ мало отличается отъ другихъ

павіановъ, но за то онъ превосходитъ ихъ своими умственными способностями. Онъ очень умное животное, въ молодости чрезвычайно скоро привыкаетъ къ людямъ, безъ труда выучиваетъ разные фокусы и остается вѣренъ своему хозяину, какъ бы дурно тотъ ни обращался съ нимъ. Самки обыкновенно отличаются большею кротостью и ласковѣе, чѣмъ самцы.

Бремъ разсказываетъ о бабуинахъ слѣдующее: „Первому бабуину, котораго мнѣ удалось пріобрѣсти, я далъ названіе Перро. Это была красивая и веселая обезъяна, которая не больше какъ въ три дня уже совершенно привыкла ко мнѣ. Я его привязалъ къ воротамъ, чтобы онъ караулилъ дворъ, и дѣйствительно, кромѣ меня и знакомыхъ, онъ никого не впускалъ въ ворота; на чужихъ же всегда кидался какъ сердитая цѣпная собака. При каждомъ внутреннемъ волненіи онъ подымалъ хвостъ кверху, опирался на три ноги, а четвертою сильно ударялъ въ землю, подобно тому какъ разгнѣванный человѣкъ бьетъ кулакомъ по столу, съ тѣмъ только различіемъ, что при этомъ онъ не сжималъ руки. Когда онъ сердился, глаза у него сверкали огнемъ, и онъ всегда съ яростью и крикомъ, похожимъ на лай собаки, кидался на своего противника. Чтобы приманить къ себѣ послѣдняго, онъ нерѣдко притворялся любезнымъ, т. е. начиналъ чавкать (что всегда служило у него выраженіемъ дружескаго расположенія) и умильно протягивать руки; но какъ только тотъ приближался къ нему, онъ тотчасъ же бросался на него, и съ остервенѣніемъ начиналъ его царапать и кусать.

„Перро ладилъ со всѣми бывшими у меня въ домѣ животными, за исключеніемъ страуса, который впрочемъ самъ былъ причиною его нерасположенія къ нему. Когда Перро не нужно было сидѣть у воротъ, онъ обыкновенно забирался на

стѣну и прикрывалъ себѣ голову рогожею, чтобы защищать ее отъ жгучихъ лучей солнца. При этомъ онъ всегда опускалъ свой длинный хвостъ, такъ что послѣдній свободно висѣлъ вдоль стѣны. А такъ какъ страусъ имѣетъ привычку кусать все, что ему попадается, то нерѣдко случалось, что онъ, незамѣтно приблизившись къ мѣсту, гдѣ сидѣлъ Перро, кусалъ его за хвостъ. Мудрено-ли послѣ этого, что Перро сердился на страуса и что онъ иногда въ наказаніе за принесенную обиду хваталъ его за голову и начиналъ трясти изо всей силы. Мало того, онъ вообще никогда не упускалъ удобнаго случая ударить страуса.

„На обратномъ пути моемъ въ Египетъ Перро привязали къ борту. А такъ какъ онъ въ высшей степени боялся воды, то каждый разъ, когда ему хотѣлось напиться, онъ прежде пробовалъ, довольно-ли крѣпка веревка, на которой былъ привязанъ, и потомъ уже спускался по ней къ поверхности воды; затѣмъ, смочивъ въ ней руку свою, облизывалъ ее и такимъ образомъ утолялъ свою жажду.

„Перро питалъ большую привязанность къ молодымъ животнымъ. На дорогѣ близъ Александріи онъ длинной веревкой былъ привязанъ къ повозкѣ, въ которой были уложены мои вещи. При въѣздѣ въ городъ Перро, увидавъ суку, кормившую четырехъ дѣтенышей своихъ, мигомъ соскочилъ съ повозки и отнялъ у суки одного изъ щенковъ. Но возвратиться на повозку ему было невозможно, потому что сука съ яростью бросилась на Перро, и онъ долженъ былъ употребить всю свою силу и ловкость, чтобы обороniться отъ нея. Бороться ему съ нею было тѣмъ труднѣе, что повозка, къ которой Перро былъ привязанъ, все двигалась впередъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ натягивала веревку, такъ что послѣдняя все

болѣе и болѣе сжимала ему шею. Не смотря на то онъ не выпускалъ своей добычи и, бѣгая за повозкою, одною рукою отбивался отъ своей озлившейся преслѣдовательницы, а другою прижималъ щенка къ груди и притягивалъ къ себѣ веревку, чтобы она не давила ему шеи. Его храбрость и присутствіе духа возбудили въ сопровождавшихъ меня аравитянахъ такое удивленіе, что никто не рѣшился отнять у него похищеннаго имъ щенка, а предпочли лучше отогнать суку. Въ городѣ онъ безпрестанно ласкалъ своего молодаго друга, ухаживалъ за нимъ и взбирался съ нимъ на стѣны и деревья; но не смотря на эту дружескую привязанность къ щенку, онъ всегда отталкивалъ его отъ подаваемаго имъ корма, для того, чтобы пользоваться имъ одному. Вслѣдствіе того, я велѣлъ отнять у него щенка и отослать его къ матери, за что Перро въ теченіе нѣсколькихъ дней сильно досадовалъ на меня.

„Во время моего пребыванія въ восточномъ Суданѣ у меня на дворѣ было много такихъ павіановъ. Одни изъ нихъ принадлежали мнѣ, другіе одному изъ моихъ пріятелей; но каждый павіанъ очень хорошо зналъ какъ своего хозяина, такъ и кличку свою. Намъ чрезвычайно легко было пріучить къ тому и другому всякаго вновь купленнаго павіана. Для этого стоило только одному изъ насъ взять въ руки плеть и погрозить ею обезъянѣ, которая тогда тотчасъ же понимала, чего отъ нея требовали. Грозившаго ей плетью она начинала признавать своимъ хозяиномъ, слушалась его во всемъ и была благодарна ему за оказываемую ей защиту и помощь. Столь же легко намъ было пріучать павіановъ запоминать даваемыя имъ клички: достаточно было позвать одного изъ нихъ и раза два или три наказать тѣхъ, которые являлись не въ попадъ. Къ строгимъ наказаніямъ намъ приходилось при-

Бабуинъ.

Чакма.

бѣгать очень рѣдко; одна угроза плетью иногда дѣйствовала лучше самыхъ побоевъ.

„Всѣ наши павіаны раздѣляли съ туземными жителями страсть къ меризѣ,—родъ пива, которое приготовляютъ въ Суданѣ изъ зеренъ растенія дурры; они пили также вино, но отъ водки отказывались. Меризою они зачастую напивались до пьяна и тогда у нихъ замѣтны были тѣже признаки, какъ и у пьянаго человѣка. Иногда у нихъ на слѣдующее утро оказывались также нерасположеніе и головная боль, совершенно какъ у человѣка, и тогда они, держа голову обѣими руками, испускали жалобные крики; кромѣ того они цѣлый день ничего не могли ѣсть и съ отвращеніемъ отказывались отъ спиртнаго напитка; сочные лимоны обыкновенно освѣжали ихъ въ такихъ случаяхъ, точно также какъ и человѣка.

„Съ другими животными, которыхъ я держалъ у себя, павіаны жили очень мирно. Они даже не боялись ручной львицы, и хотя всегда убѣгали, когда это страшное животное приближалось къ нимъ, однако выказывали храброе сопротивленіе, какъ скоро видѣли, что львица намѣревалась напасть на нихъ. Мои ручные павіаны, правда, бѣгали также и отъ собакъ, которыми я для опыта травилъ ихъ, но какъ только какая нибудь собака позволяла себѣ укусить одну изъ бѣжавшихъ обезъянъ, послѣдняя тотчасъ же поворачивалась и съ страшнымъ ревомъ бросалась на дерзкую собаку, и начинала ее такъ сильно кусать и царапать или потчивать такими пощечинами, что бѣдное животное совершенно терялось и обыкновенно съ жалобнымъ воемъ обращалось въ бѣгство. Съ другой стороны страхъ, который они чувствовали къ пресмыкающимся животнымъ, превосходилъ всякое ожиданіе. Ихъ приводила

въ ужасъ всякая ящерица, даже всякая невинная лягушка. При видѣ такихъ животныхъ они всегда начинали сильно тревожиться, забирались на высокія мѣста и судорожно прицѣплялись къ бревнамъ или стѣнамъ. Но не смотря на такой неимовѣрный страхъ они не могли преодолѣть своего любопытства и зачастую разсматривали вблизи тѣхъ самыхъ животныхъ, которыя приводили ихъ въ трепетъ. Я нѣсколько разъ приносилъ имъ въ жестяныхъ коробкахъ ядовитыхъ змѣй, и хотя они въ послѣдствіи уже по опыту знали, что̀ въ нихъ содержится, но тѣмъ не менѣе любопытство каждый разъ подстрекало ихъ открыть коробку и заглянуть въ нее, но всегда съ видимымъ ужасомъ. Сколько я могъ замѣтить, то пресмыкающіяся животныя наводятъ страхъ на всѣхъ вообще обезъянъ, безъ исключенія.

„Одинъ изъ моихъ павіановъ погибъ въ водѣ во время купанія, не сдѣлавъ ни малѣйшей попытки спастись вплавь; онъ какъ камень пошелъ ко дну.

„Другой павіанъ, котораго я привезъ съ собою въ Германію, отличался необыкновеннымъ умомъ, но часто дѣлалъ большія проказы. У меня въ домѣ была злая, старая дворовая собака, которая рѣшительно ни съ кѣмъ не ладила и которой всѣ боялись, потому что она кусала даже своего хозяина, когда тотъ ее наказывалъ. Но Атилія, такъ я назвалъ своего павіана (это была самка), оказалась не только равносильнымъ, но даже очень опаснымъ врагомъ ея. Она всегда съ особеннымъ удовольствіемъ приставала къ этой сердитой собакѣ и мучила ее. Бывало, послѣдняя расположится на зеленой травѣ отдохнуть, а проказница обезъяна потихоньку подкрадется къ ней и видя, что она крѣпко спитъ, схватитъ ее за хвостъ и начнетъ теребить

ее. Тогда собака, конечно, съ яростью кидалась на обезъяну, но та продолжала дразнить ее, ударяя рукою о земь, и нисколько не боялась своего озлобленнаго противника, тѣмъ болѣе, что ему никогда не удавалось схватить ее: какъ только собака думала укусить ее, ловкая обезъяна перепрыгивала ей черезъ голову и опять хватала ее за хвостъ, такъ что собака, не смотря на всю свою злость и ярость противъ Атиліи, въ послѣдствіи постоянно давала ей дорогу и бѣгала отъ нея съ опущеннымъ хвостомъ.

„Атилія любила принимать подъ свое покровительство всякаго рода молодыхъ животныхъ, между которыми одна мартышка пользовалась особеннымъ ея расположеніемъ, исключая тѣ случаи, когда дѣло доходило до корма. Добрая мартышка должна была дѣлиться съ нею всѣмъ, что бы ей ни давали; мало того, безсовѣстная обезъяна насильно раскрывала ей ротъ и вынимала у нея изъ защечныхъ мѣшковъ весь хранившійся въ нихъ запасный кормъ. Не ограничиваясь этимъ любимцемъ, она при каждомъ удобномъ случаѣ похищала молодыхъ щенковъ и котятъ, и всюду таскала ихъ съ собою. Однажды, когда маленькій котенокъ расцарапалъ ее, она съ удивленіемъ осмотрѣла ея когти и затѣмъ откусила у нея эти вредоносные придатки. Она также очень любила быть въ обществѣ людей, но мужчинъ всегда предпочитала женщинамъ, которымъ часто дѣлала разныя проказы. На мужчинъ она кидалась и даже кусала ихъ только въ такомъ случаѣ, когда я ее подуськивалъ на нихъ. Нанесенныя ей обиды она помнила по цѣлымъ недѣлямъ и мстила за нихъ при первомъ же удобномъ случаѣ.

„Остроуміе ея было удивительно. Она искусно воровала, съ большою ловкостью отворяла и запирала двери и легко

развязывала узлы. Мы часто старались пугать ее тѣмъ, что высыпали передъ нею порохъ и затѣмъ зажигали его трутомъ. При воспламененіи пороха, она обыкновенно съ крикомъ отпрыгивала на столько, на сколько ей позволяла веревка, на которой она была привязана. Однакожъ въ послѣдствіи она стала умнѣе, и каждый разъ, когда мы хотѣли такимъ образомъ напугать ее, она тушила руками зажженный трутъ, а порохъ съѣдала, вѣроятно потому, что въ немъ содержится селитра, которую обезъяны охотно ѣдятъ.

„Въ зимнее время Атилію держали въ козьемъ хлѣвѣ; но она тамъ дѣлала большіе безпорядки, потому что безпрестанно ломала двери или вынимала доски, такъ что козы и свиньи могли выбѣгать. Къ корму, приготовляемому для козъ изъ отрубей, она была очень неравнодушна, и потому нерѣдко ссорилась изъ-за него съ тѣми, для которыхъ онъ былъ назначенъ. Каждый разъ, когда ей хотѣлось полакомиться, она весьма ловко одною рукою захватывало ведро съ похлебкою изъ отрубей, а другою удерживала козу за рога до тѣхъ поръ, пока не наѣдалась до сыта. Когда козы ее толкали, она громко вскрикивала, и тотчасъ же бросалась на нихъ, чтобы наказать ихъ за дерзость. Она охотно ѣла все съѣдобное, особенно же картофель, составлявшій главную ея пищу. Пряныя зерна, преимущественно тминъ, служили для нея лакомствомъ. Совершенно противоположно наклонностямъ другихъ животныхъ, Атилія любила табакъ и особенно табачный дымъ: когда ей вдували его въ лице, она широко открывала пасть, чтобы какъ можно больше наглотаться его. Я это замѣчалъ и у другихъ обезъянъ, и сколько мнѣ извѣстно, это единственныя животныя, которыя имѣютъ страсть къ табачному дыму.

„Ея привязанность ко мнѣ была очень велика; что бы я съ нею ни дѣлалъ, какъ бы ни наказывалъ ее, она никогда не злилась на меня; каждый разъ, когда ей доставалось отъ меня за какую-нибудь проказу, она злобно посматривала на присутствовавшихъ, какъ будто приписывая имъ всю вину.

„Любезности ей очень нравились; хохотъ, напротивъ того, бѣсилъ ее, особенно, когда она замѣчала, что смѣются надъ нею. Она очень хорошо помнила, какъ ее зовутъ, и всегда подходила, когда произносили ея имя. Она часто провожала меня на прогулкахъ, хотя я и не держалъ ее за веревку, а за нею всегда бѣжала ея любимая мартышка. Когда послѣдняя издохла, Атилія сдѣлалась грустною и отъ времени до времени испускала лающій крикъ, даже ночью во время сна, чего прежде никогда въ ней не замѣчали. Такъ какъ мы опасались, что она не переживетъ потери своего любимца, то мы ее продали содержателю звѣринца, гдѣ она нашла себѣ другое общество.“

———

Черный или **Хохлатый павіанъ**.

Cynocephalus niger. — Der Schopfpavian.

Черный павіанъ отличается отъ другихъ видовъ своей породы весьма короткимъ хвостомъ, имѣющимъ едва одинъ дюймъ въ длину, а также широкимъ, плоскимъ и короткимъ рыломъ, на которомъ носъ не выдается, какъ у другихъ павіановъ, надъ верхнею губою, а напротивъ того оканчивается далеко за нею. Лице и ягодицы совершенно безъ волосъ, всѣ же другія части покрыты длинною шерстью, которая на ногахъ короче, а на головѣ образуетъ довольно длинный хохолъ. Вся шерсть, равно и безволосое лице цвѣта темночернаго, а ягодицы краснаго. Въ величинѣ хохлатый павіанъ уступаетъ всѣмъ другимъ обезьянамъ этой породы, потому что онъ всего два фута длиною.

Хохлатый павіанъ водится на многихъ островахъ индійскаго океана, особенно на Целебесѣ, филипинскихъ и молукскихъ островахъ; но о его жизни на свободѣ до сихъ поръ ничего не извѣстно. Въ Европу уже нѣсколько разъ привозили живыхъ хохлатыхъ павіановъ, которые здѣсь жили

Хохлатый павіанъ.

довольно долго. Въ амстердамскомъ звѣринцѣ хохлатый павіанъ обижалъ всѣхъ бывшихъ въ немъ робкихъ обезъянъ, особенно двухъ буденговъ. Съ макаками однакожъ онъ жилъ въ ладу, а съ самкою бабуина даже на короткой ногѣ; по крайней мѣрѣ онъ былъ очень внимателенъ къ ней, а она съ своей стороны чистила ему шерсть. Онъ вѣрно изображенъ на стр. 188. Въ представленномъ положеніи онъ иногда по нѣскольку минутъ сидитъ неподвижно, вѣроятно придумывая въ это время какія нибудь новыя проказы.

Мандрилъ.

Papio mormon. — Der Mandril.

У этой некрасивой обезьяны также очень коротенькій хвостъ; по тѣлосложенію своему она можетъ считаться самою непріятною изъ всѣхъ обезьянъ, а дикая природа ея вполнѣ соотвѣтствуетъ мерзкой ея наружности. Тѣло у нея сильное и неуклюжее, голова отвратительная, зубы страшные. Цвѣтъ безволосыхъ частей въ высшей степени яркій и непріятный; шерсть темнобурая со слабымъ отливомъ оливковаго цвѣта; на каждомъ отдѣльномъ волоскѣ нѣсколько оливковозеленыхъ колецъ. На животѣ волосы бѣловатаго, по бокамъ свѣтлобураго, а борода лимоножелтаго цвѣта, кромѣ того за каждымъ ухомъ у нея по сѣроватобѣлому пятну. Какъ лице, такъ и ягодицы этой обезьяны производятъ одинаково непріятное впечатлѣніе. Носъ совершенно багровый, какъ запекшаяся кровь, а безволосое рыло свѣтлобураго цвѣта. Ягодицы красныя, а чрезвычайно большія сѣдалищныя мозоли ярко синяго или краснаго блестящаго цвѣта; уши и руки черныя. У молодыхъ обезьянъ лице черное и гладкое, у болѣе же взрослыхъ на немъ образуются двѣ продольныя бо-

розды, и только въ совершенно зрѣломъ возрастѣ являются яркіе цвѣта его тѣла. У самокъ никогда не бываетъ такого рѣзкаго цвѣта кожи, какъ у самцевъ, притомъ же онѣ всегда меньше послѣднихъ. Въ отвѣсномъ положеніи длина самцевъ равняется четыремъ съ половиною, въ ходячемъ тремъ футамъ. Хвостъ имѣетъ только три дюйма въ длину.

Это отвратительное животное водится преимущественно на западномъ берегу Африки, а именно въ Гвинеѣ, на золотомъ берегѣ, гдѣ его встрѣчаютъ цѣлыми шайками, въ нагорныхъ лѣсахъ, на утесахъ или на деревьяхъ. Свои лѣсныя жилища мандрилы часто оставляютъ только для того, чтобы опустошать близлежащія поля и селенія. Разсказываютъ, что шайки мандриловъ зачастую вторгаются въ деревни негровъ въ то время, когда послѣдніе пасутъ свой скотъ или заняты жатвою, и своею дикою необузданностью наводятъ страхъ на женщинъ и дѣтей. Благодаря своей неимовѣрной силѣ и безпримѣрной дикости, мандрилъ сдѣлался ужасомъ туземныхъ жителей и большей части животныхъ.

Изъ всѣхъ павіановъ мандрилъ самый отчаянный и самый неукротимый; только въ молодости иногда удается дѣлать его ручнымъ, однако и эти случаи должно считать исключительными; притомъ же съ лѣтами у него обыкновенно снова проявляется свойственная его породѣ дикость. Сила, проворство и страшные зубы сдѣлали мандрила владыкою дикихъ лѣсовъ: онъ не боится никакого непріятеля, даже ружейные выстрѣлы не пугаютъ его. Страсти его такъ сильны, что онъ очень скоро приходитъ въ ярость: одинъ взглядъ, одно громкое слово или угроза пробуждаетъ въ немъ необузданную свирѣпость, и тогда глаза этого отвратительнаго чудовища сверкаютъ какимъ-то адскимъ огнемъ. Многіе увѣряютъ, что

Мандрилъ.

его бурныя страсти до такой степени потрясаютъ его организмъ, что онъ иногда, отъ гнѣва, съ дикимъ крикомъ и хрипѣніемъ замертво падаетъ на землю. Туземцы не иначе какъ большими массами и съ оружіемъ въ рукахъ рѣшаются проникать въ тѣ лѣса, гдѣ водятся мандрилы. Какъ свирѣпость, такъ и сладострастіе этого животнаго не имѣютъ никакихъ границъ. Самцы гоняются не только за самками своей породы, но и за женщинами, и такимъ образомъ дѣлаются для послѣднихъ очень опасными.

На свободѣ въ лѣсахъ мандрилы живутъ вмѣстѣ большими шайками. При всей своей неуклюжести они очень проворно лазятъ по утесамъ и деревьямъ; походка у нихъ также довольно легкая и твердая, но ходятъ они всегда только на четвереринькахъ. Голосъ ихъ похожъ на хрюканье свиней.

Старыхъ мандриловъ никогда не удается дѣлать ручными; притомъ же ихъ весьма трудно ловить, потому что они даже въ пьяномъ видѣ бываютъ очень опасные противники человѣка. Въ Европу обыкновенно привозятъ только молодыхъ мандриловъ и преимущественно самокъ, потому что самцы слишкомъ злы и въ поздномъ возрастѣ дѣляются опасными для тѣхъ, которые ходятъ за ними. Они впрочемъ долго живутъ въ нашемъ климатѣ, но ихъ страсти усиливаются съ возрастомъ и выказываются даже при самомъ заботливомъ уходѣ за ними. Кювье говоритъ „природа по видимому представила въ немъ образецъ порока со всѣми его мерзостями.“

Наблюденія надъ содержавшимися въ плѣну мандрилами показали, что чувство ревности у нихъ развито гораздо болѣе, чѣмъ у другихъ павіановъ. Замѣчали, что они сильно ревновали своихъ прислужниковъ, а самцы еще больше ревновали знакомыхъ имъ женщинъ и каждый разъ начинали свирѣпство-

вать, когда видѣли, что какой нибудь мужчина ласкалъ этихъ женщинъ. Въ парижскомъ звѣринцѣ однажды воспользовались этою ревностью, чтобы заманить обратно въ клѣтку выбѣжавшаго оттуда мандрила. Всѣ попытки загнать его туда были безполезны, и онъ успѣлъ уже поранить нѣсколькихъ прислужниковъ, какъ вдругъ одному изъ нихъ пришла мысль возбудить въ обезьянѣ ревность, чтобы ею заставить его возвратиться въ свое заточеніе: съ этою цѣлью онъ поставилъ позади клѣтки свою дочь и началъ ее нѣжно обнимать и гладить, даже подавалъ видъ, будто желаетъ поцѣловать ее. Ревнивый мандрилъ, который смотрѣлъ на все это издали, не могъ остаться равнодушнымъ зрителемъ такого дружескаго отношенія: онъ съ яростью бросился къ мѣсту своего заточенія и въ пылу ревности, не думая о грозившей ему опасности, побѣжалъ прямо въ клѣтку, чтобы оттуда схватить прислужника, ласкавшаго свою дочь; но тутъ за нимъ тотчасъ же заперли желѣзную рѣшетку, и онъ остался плѣннымъ.

О другихъ укрощенныхъ мандрилахъ разсказываютъ, что у нихъ была также страсть къ спиртнымъ напиткамъ, къ пиву и вину, и что они въ пьяномъ видѣ еще отвратительнѣе.

Дрилъ.

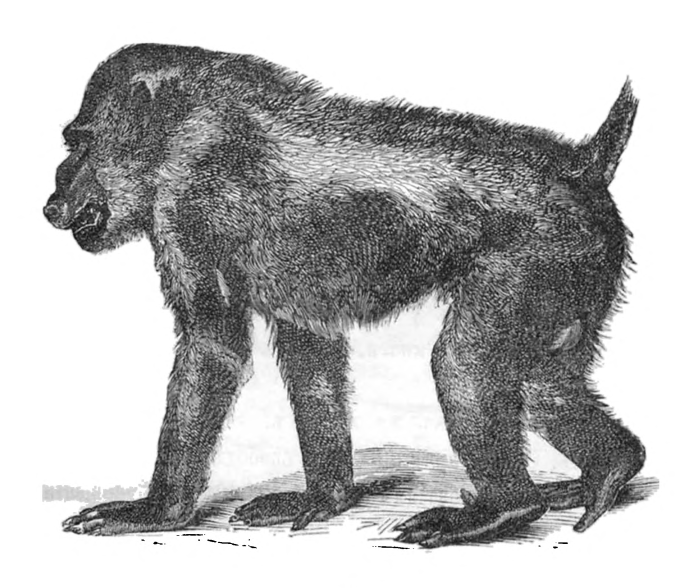
Papio leucophaeus.—Der Dril.

Дрилъ наружнымъ видомъ очень похожъ на мандрила. Лице у него во всѣхъ возрастахъ черное; шерсть его болѣе зеленоватаго цвѣта, чѣмъ у мандрила. Хвостъ, хотя также короткій, но имѣетъ видъ кисти. Ростомъ онъ гораздо меньше мандрила.

Дрилъ водится въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ и сродной съ нимъ мандрилъ. О его привычкахъ на свободѣ извѣстно очень мало, но по всѣмъ вѣроятіямъ онъ и въ этомъ отношеніи сходится съ мандриломъ.

Дрила также часто привозятъ въ Европу, особенно въ Англію, гдѣ онъ обыкновенно пользуется добрымъ здоровьемъ. Въ плѣну эта обезъяна бываетъ послушна и покорна только до тѣхъ поръ, пока еще молода, подъ старость же она дѣлается дикою и коварною, и тѣмъ ясно доказываетъ, что принадлежитъ къ породѣ настоящихъ павіановъ.

—

Дриль.

ОБЕЗЪЯНЫ НОВАГО СВѢТА ИЛИ ПЛОСКОНОСЫЯ.

Platyrrhinae.

Обезъяны новаго свѣта въ умственныхъ способностяхъ уступаютъ старосвѣтнымъ: онѣ лѣнивѣе и скучнѣе, не такъ поворотливы и не такъ умны, какъ сродныя съ ними породы стараго свѣта; но за то онѣ кротки, притомъ также добродушнѣе и безвреднѣе послѣднихъ.

Обезъяны новаго свѣта отличаются какъ своимъ тѣлосложеніемъ, такъ и числомъ зубовъ. Животъ у нихъ обыкновенно тощій, члены длинные; хвостъ, составляющій необходимую принадлежность всѣхъ видовъ безъ исключенія, служитъ имъ, точно какъ рука, для захватыванія вещей, потому что на кончикѣ у него крѣпкія мышцы, посредствомъ которыхъ обезъяны могутъ обвивать ее вокругъ захватываемаго предмета. Ногти плоскіе. Зубовъ у нихъ, вмѣсто тридцати двухъ, тридцать шесть; на каждой сторонѣ находится по шести коренныхъ зубовъ. Но у нихъ нѣтъ ни защечныхъ мѣшковъ, ни сѣдалищныхъ мазолей. Носовая перегородка широкая, и

оттого носъ плоскій, т. е. по бокамъ болѣе или менѣе сплюснутый. Ростомъ онѣ очень невелики, а рыло у нихъ никогда не выдается впередъ. Шерсть, хотя и разноцвѣтная, но никогда не бываетъ такъ пестра, какъ у обезъянъ стараго свѣта.

Обезъяны новаго свѣта водятся только въ южной Америкѣ; на сѣверѣ родина ихъ граничитъ съ антильскимъ моремъ, на островахъ котораго уже болѣе не встрѣчаютъ никакихъ обезъянъ; на западѣ съ цѣпью андскихъ горъ, на востокѣ съ атлантическимъ океаномъ, а на югѣ съ двадцать пятымъ градусомъ южной широты.

Всѣ южноамериканскія обезъяны живутъ исключительно на деревьяхъ и потому водятся преимущественно въ густыхъ лѣсахъ. Влажныя болотистыя мѣстности онѣ предпочитаютъ сухимъ. На землю онѣ спускаются только въ крайнихъ случаяхъ; даже въ то время, когда имъ хочется пить, онѣ не сходятъ съ деревьевъ, но по вьющимся растеніямъ или по отвислымъ вѣтвямъ спускаются къ поверхности воды, и такимъ образомъ утоляютъ свою жажду вися на вѣтви. Онѣ иногда перебираются по деревьямъ за нѣсколько сотъ миль, и во все время путешествія ни раза не спускаются на землю. Деревья доставляютъ имъ все необходимое для ихъ существованія, такъ какъ пищею имъ служатъ разныя растительныя вещества, также насѣкомыя, пауки, птичьи яйца, очень молодыя птицы и медъ. Только нѣкоторыя изъ нихъ иногда грабятъ засѣянныя поля.

Большая часть южноамериканскихъ обезъянъ бодрствуетъ днемъ, другія же, напротивъ того, въ сумерки и ночью. Какъ тѣ, такъ и другія, въ свое время, довольно живы и расторопны; однако между болѣе рослыми обезъянами нѣко-

торые виды чрезвычайно лѣнивы и въ этомъ отношеніи нѣкоторымъ образомъ представляютъ южноамериканскаго орангъ-утанга. Впрочемъ всѣ онѣ превосходно лазаютъ, причемъ большія услуги оказываетъ имъ хвостъ, который можетъ обвиваться вокругъ вѣтвей. Какое бы положеніе ни принимала обезъяна, даже при совершенномъ покоѣ, она всегда обвиваетъ свой хвостъ вокругъ какого нибудь предмета, хотя бы вокругъ одного изъ собственныхъ членовъ. Мышечная сила хвоста, превышающая силу другихъ членовъ, и тонкое осязаніе его кончика даетъ южноамериканскимъ обезъянамъ возможность разнообразить примѣненіе этого замѣчательнаго дара природы, и во многихъ случаяхъ замѣняютъ недостающія у нихъ умственныя и тѣлесныя способности, которыми одарены родныя имъ обезъяны стараго свѣта; но за всѣмъ тѣмъ послѣднія все-таки далеко превосходятъ ихъ въ лазаніи и прыганіи. Южноамериканскія обезъяны всегда ходятъ на четверенькахъ, притомъ болѣе или менѣе неуклюже, неувѣренно и шатко.

Относительно умственныхъ способностей южноамериканскія обезъяны, какъ мы уже сказали, далеко уступаютъ обезъянамъ стараго свѣта. Онѣ, правда кротки, добродушны и довѣрчивы, но за то слабоумны, неловки, непонятливы и не очень поворотливы. Нѣкоторыя изъ нихъ любопытны, рѣзвы и насмѣшливы, другія, напротивъ того, угрюмы, упрямы, злы, коварны и подъ часъ даже кусаются. На свободѣ онѣ очень робки и пугливы и никогда не въ состояніи отличить дѣйствительную опасность отъ мнимой; оттого онѣ при каждомъ необыкновенномъ явленіи обращаются въ бѣгство и прячутся между густыми вѣтвями. Подстрѣленная обезъяна почти всегда кусается, когда хотятъ схватить ее. Здоровыя и силь-

ныя обезъяны защищаются только въ такомъ случаѣ, когда на нихъ нападаютъ слабыя хищныя животныя; вообще же южноамериканкія обезъяны трусливыя и безсильныя животныя.

Въ плѣну онѣ очень скоро привыкаютъ къ людямъ, но подъ старость опять дѣлаются злыми и даже начинаютъ кусаться; впрочемъ это относится не ко всѣмъ южноамериканскимъ обезъянамъ. Держать ихъ въ домѣ для забавы не стоитъ, потому что у нихъ мало умственныхъ способностей; притомъ же онѣ не очень расторопны, неопрятны, слишкомъ нѣжны, слабы, унылы и часто испускаютъ жалобные звуки. Впрочемъ нѣкоторые виды составляютъ исключеніе изъ этого правила, а потому ихъ охотно берутъ въ домъ и тщательно ухаживаютъ за ними. Иныя обезъяны отличаются необыкновенною впечатлительностью и выражаютъ свои внутреннія ощущенія смѣхомъ или плачемъ; благодаря этой особенности онѣ преимущественно служатъ любимицами нѣжныхъ, чувствительныхъ женщинъ.

Материнское чувство у нихъ столь же сильно развито, какъ и у обезъянъ стараго свѣта. Онѣ приносятъ обыкновенно одного или и двухъ дѣтенышей разомъ, ласкаютъ ихъ и ухаживаютъ за ними съ удивительною нѣжностью.

Южноамериканскія обезъяны не причиняютъ людямъ почти никакого вреда. Обширный лѣсъ служитъ имъ и родиною, и источникомъ пропитанія, слѣдовательно онѣ вовсе не нуждаются въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя человѣкъ добываетъ трудами своими. Только немногіе виды южноамериканскихъ обезъянъ, и то довольно рѣдко, забираются на поля, лежащія близъ обитаемыхъ ими лѣсовъ, съ цѣлью воспользоваться чужимъ добромъ. Но эти обезъяны никогда не про-

изводятъ такихъ огромныхъ опустошенiй, какъ обезъяны стараго свѣта. Напротивъ того, люди извлекаютъ большую пользу отъ безвредныхъ жителей южноамериканскихъ лѣсовъ, потому что мясо ихъ идетъ въ пищу, а изъ великолѣпныхъ мѣховъ дѣлаются фуражки, чапраки и т. п. Многимъ путешественникамъ эти обезъяны нерѣдко служатъ превосходною дичью, изъ которой они приготовляютъ вкусный супъ и жаркое, а мы европейцы часто употребляемъ ихъ нѣжный покровъ для муфтъ и фуражекъ, изъ которыхъ многiя похожи на бобровыя.

Для туземныхъ жителей южноамериканскiя обезъяны чрезвычайно важныя животныя, потому что мясо ихъ составляетъ одно изъ главныхъ веществъ, употребляемыхъ ими въ пищу. Они большими массами отправляются на охоту за обезъянами и нерѣдко убиваютъ ихъ по нѣскольку сотъ разомъ. Оружiе, которое они обыкновенно употребляютъ для этого, состоитъ изъ лука, часто также изъ особеннаго устройства духовой трубы, изъ которой пускаютъ въ дѣтей высокихъ деревьевъ маленькiя, сильнымъ ядомъ (урари) смазанныя стрѣлы, которыя хватаютъ на высоту болѣе ста футовъ и бьютъ обезъяну на поваль, хотя бы онѣ даже поразили только одну кожу ея. Правда, подстрѣленная обезъяна старается тотчасъ же извлечь изъ раны смертоносное орудiе, но это совершенно напрасный трудъ, потому что коварные индѣйцы приготовляютъ свои стрѣлы такимъ образомъ, чтобы ядовитое острiе отломилось и осталось въ тѣлѣ обезъяны, когда послѣдняя захочетъ вытащить ее оттуда: они именно дѣлаютъ около острiя глубокую насѣчку.

Тѣмъ же орудiемъ индѣйцы ловятъ живыхъ обезъянъ.

„Когда арекуны (¹), говоритъ Шомбургкъ, хотятъ поймать старую упрямую обезъяну и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать ее ручною, то они пускаютъ въ нее стрѣлу, намазанную только слабымъ ядомъ урари, причемъ обезъяна обыкновенно лишается чувствъ и падаетъ съ дерева на землю. Тогда тотчасъ же высасываютъ изъ раны кровь, вмѣстѣ съ которою удаляется также большая часть яда; затѣмъ они ее зарываютъ по шею въ землю и вливаютъ ей въ ротъ похлебку изъ земли, содержащей въ себѣ селитру, или сокъ сахарнаго тростника. Когда замѣчаютъ, что обезъяна уже оправилась, ее вынимаютъ изъ земли и укутываютъ, какъ груднаго ребенка. Въ этой смирительной одеждѣ она остается нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ ее кормятъ пищею, сваренною въ селитряной водѣ и приправленною испанскимъ перцемъ, а пить даютъ сокъ сахарнаго тростника. Если въ это время обезъяна еще не совсѣмъ укротилась, то ее вѣшаютъ на нѣсколько времени въ трубѣ надъ дымомъ; отъ этой мѣры, ярость дикаго обитателя лѣсовъ, въ самое короткое время, утихаетъ; вмѣсто злобнаго выраженія, глаза его принимаютъ кроткій видъ и онъ умоляющими взорами начинаетъ просить пощады и помилованія; тогда его освобождаютъ отъ узъ, и усмиренная обезъяна совершенно заставляетъ забыть, что она принадлежала къ свирѣпымъ животнымъ дикихъ лѣсовъ.“ — Человѣкъ царствуетъ повсюду и всегда находитъ средство подчинять своей волѣ даже необузданныхъ дѣтей мрачныхъ лѣсовъ и необитаемыхъ степей.

(¹) Племя индѣйцевъ

Ревуны.

Mycetes s. stentor. — Der Brüllaffe.

Тѣло у этой породы обезъянъ довольно стройное, однакожъ полнѣе, чѣмъ у другихъ семействъ южноамериканскихъ обезъянъ. Члены одинаково развиты, на рукахъ у нихъ по пяти пальцевъ; голова относительно велика, а рыло выдается впередъ; шерсть вообще густая, а на подбородкѣ даже длинная, такъ что образуетъ настоящую бороду. Особенно замѣчательно у ревуновъ большая головообразная гортань. Александръ фонъ Гумбольдтъ первый изъ естествоиспытателей анатомировалъ этотъ органъ ревуновъ, и вотъ что онъ пишетъ объ немъ:

„У маленькихъ южноамериканскихъ обезъянъ, которыя чирикаютъ подобно воробьямъ, существуетъ простая тоненькая подъязычная кость; у большихъ же обезъянъ языкъ лежитъ надъ обширнымъ костянымъ барабаномъ, у верхней гортани котораго находится шесть мѣшечковъ; въ послѣднихъ образуется голосъ; два изъ этихъ мѣшечковъ, имѣющихъ видъ голубиныхъ гнѣздъ, очень похожи на нижнюю гортань птицъ. Издаваемые ревунами особенные жалобные звуки происходятъ въ то время, когда воздухъ съ силою стремится въ костяной барабанъ. Благодаря обширности барабана, ревуны способны издавать очень сильные звуки, которымъ они обязаны своимъ названіемъ.“

Хвостъ у ревуновъ очень длинный; на кончикѣ его во-

лосъ нѣтъ, но въ немъ много нервовъ и кровоносныхъ сосудовъ и сверхъ того еще очень крѣпкія мышцы, такъ что могутъ имъ хватать предметы, какъ и рукою.

Ревуны распространены почти по всѣмъ тропическимъ странамъ южной Америки. Густые влажные лѣса съ высокими деревьями служатъ имъ обыкновеннымъ мѣстомъ жительства; въ степяхъ же ихъ встрѣчаютъ только тамъ, гдѣ деревья образуютъ маленькія рощи и гдѣ по близости можно найти воду. Въ сухихъ мѣстностяхъ они вовсе не водятся.

Ревуновъ всего только три или четыре вида, которые всѣ ведутъ совершенно одинаковый образъ жизни, такъ что описаніе одного вида можетъ относиться и ко всѣмъ другимъ.

Описаніе жизни ревуновъ мы заимствуемъ у Александра Гумбольдта, князя Максима Нейвида, Ренгера и Шомбургка, которые дѣлали наблюденія надъ двумя видами ревуновъ: *краснымъ ревуномъ* или *алаутомъ* (*mycetes seniculus*) и *чернымъ ревуномъ* или *караею* (*mycetes niger*). У алаутовъ самцевъ шерсть блестящаго яркокраснаго цвѣта съ золотожелтымъ отливомъ на спинѣ, а у самокъ она темнѣе, часто даже совершенно чернобурая; молодые дѣтеныши похожи на матерей. У караи шерсть черна какъ сажа, а безволосыя части краснобуры; у самокъ же, также и у дѣтенышей цвѣтъ шерсти свѣтлѣе, обыкновенно сѣроватожелтый. У самцевъ шерсть всегда гуще и длиннѣе, чѣмъ у самокъ, въ особенности на подбородкѣ. Впрочемъ какъ у того, такъ и у другаго вида находятъ разные оттѣнки. Алаутъ и карая почти одинаковаго роста: по Нейвиду длина алаута 20¼ дюйма, а длина хвоста 21⅔ дюйма; длина караи, по Ренгеру, равняется 20 дюймамъ. Карая водится въ Парагваѣ и южной Бразиліи, а алаутъ преимущественно въ окрестностяхъ Гвіаны.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ихъ приходится, какъ говоритъ Гумбольдтъ, до двухъ тысячъ на одну квадратную милю лѣса, гдѣ они бродятъ шайками, заключающими въ себѣ около сорока обезъянъ. Ренгеру однакожъ попадались только малочисленныя семейства, состоявшія изъ трехъ до десяти обезъянъ.

Ревуны извѣстны уже съ давнихъ временъ, но путешественники дѣлали надъ ними поверхностныя наблюденія и полагались больше на слова туземныхъ жителей, а вслѣдствіе того распространили о жизни этихъ обезъянъ разныя басни, которыя до сихъ поръ еще повторяются многими индѣйцами и даже бѣлыми. Но мы сообщимъ только то, что пишутъ о нихъ достовѣрные наблюдатели.

Каждая шайка, какъ увѣряютъ наблюдатели, имѣютъ своего запѣвало, отличающагося болѣе тонкимъ голосомъ: онъ всегда первый начинаетъ ревѣть, а за нимъ и вся шайка. Во время такого оглушительнаго концерта можно видѣть, какъ у нихъ подымается и опускается гортанный барабанъ.

Вслѣдствіе своей однообразной жизни, ревуны являются довольно скучными животными, но не смотря на это однообразіе, въ ихъ обычаяхъ замѣчаются нѣкоторыя особенности, которыя чрезвычайно интересны для наблюдателя. Ревуны вообще угрюмы и печальны; они никогда не играютъ между собою, и если не ѣдятъ или не ревутъ, то обыкновенно неподвижно сидятъ, уставивъ глаза впередъ, или засыпаютъ.

Днемъ ревуны предпочитаютъ самыя высокія деревья лѣса; при наступленіи же сумерекъ они забираются въ густую зелень вьющихся низкихъ деревьевъ и тамъ предаются сну. Во время пріискиванія себѣ корма они медленно, почти ползкомъ, перебираются съ одной вѣтви на другую, выбираютъ

листья и почки, которыя срываютъ и съѣдаютъ съ удивительною медленностью. Насытившись, они садятся на корточки и, повѣсивъ голову, долго остаются въ неподвижномъ положеніи, или же ложатся верхомъ на сукъ, такъ что всѣ ихъ четыре члена свободно висятъ по обѣимъ сторонамъ вѣтви, и держатся преимуществено хвостомъ, обвитымъ вокругъ вѣтви. То, что дѣлаетъ одинъ изъ нихъ, повторяется всѣми другими, но только медленно и какъ бы машинально. Когда одинъ изъ старшихъ самцевъ спускается съ дерева, за нимъ тотчасъ же слѣдуетъ цѣлая шайка. „Удивительно, говоритъ Гумбольдтъ, какъ однообразны движенія этихъ обезъянъ: когда вѣтви двухъ сосѣднихъ деревьевъ находятся довольно далеко одна отъ другой, то самецъ, предводитель шайки, прицѣпляется хвостомъ къ суку и раскачивается на немъ до тѣхъ поръ, пока ему не удастся захватить ближайшую вѣтвь другаго дерева. Такимъ же путемъ перебирается послѣ него и вся шайка, выбирая тѣ же мѣста и дѣлая тѣ же движенія.“

Хвостъ для ревуновъ самая важная принадлежность, потому что они имъ пользуются почти безпрестанно, особенно же при лазаніи, когда нужно захватить вѣтвь, на которую имъ хочется перейти. Хотя они превосходно лазятъ, однако никогда не дѣлаютъ такихъ большихъ прыжковъ, какъ обезъяны стараго свѣта.

Ревуны живутъ исключительно на деревьяхъ, на землю же они спускаются только тогда, когда ихъ начинаетъ мучить жажда, а Гумбольдтъ увѣряетъ, что они даже неспособны долго ходить по землѣ. По мнѣнію Ренгера, увѣреніе индѣйцевъ, будто ревуны иногда переплываютъ черезъ широкія рѣки, чистая сказка. „Они до такой степени боятся

воды, говоритъ онъ, что если дерево, на которомъ они сидятъ, вслѣдствіе выступившаго потока, внезапно окружится водою, они скорѣе умрутъ съ голода, чѣмъ дерзнутъ переплыть къ другому дереву. Я видѣлъ однажды цѣлую шайку ревуновъ, сидѣвшихъ на деревѣ, которое со всѣхъ сторонъ было окружено водою; они были черзвычайно изнеможены и съ голода съѣли уже не только всѣ листья, но даже часть коры. Чтобы достигнуть ближайшаго дерева, имъ нужно было переплыть разстояніе всего въ какихъ нибудь шестьдесятъ футовъ, но изъ страха къ водѣ они никакъ не рѣшались на такой подвигъ.“ Тотъ же наблюдатель увѣряетъ, что онъ никогда не видалъ ревуна на открытомъ полѣ, и даже никогда не замѣчалъ его слѣдовъ на землѣ.

Ревуны, если ихъ никто не тревожитъ, обыкновенно остаются на одномъ и томъ же небольшомъ пространствѣ, имѣющемъ не болѣе мили въ поперечникѣ. Очень часто случается, что шайка цѣлый день остается на одномъ и томъ же деревѣ. Рѣдко встрѣчаютъ одинокихъ ревуновъ, такъ какъ эта порода обезъянъ обыкновенно держится вмѣстѣ. Открывать ихъ мѣстопребываніе въ лѣсу чрезвычайно легко, потому что ревъ ихъ слышенъ уже издали, особенно по утрамъ и по вечерамъ и всего чаще въ теплое время года. Въ холодную и дождливую погоду, равно и ночью они ревутъ рѣдко. Самцы обыкновенно первые начинаютъ ревѣть, и они всегда ревутъ дольше самокъ и дѣтенышей, которые только отъ времени до времени подтягиваютъ, присоединяя свой ревъ къ реву самцевъ. Во время рева вся шайка сидитъ неподвижно, самцы обыкновенно на самыхъ высокихъ вѣтвяхъ, а самки нѣсколько пониже. Иногда эти обезъяны ревутъ по цѣлымъ часамъ почти безъ остановокъ. Гумбольдтъ убѣдился, что ревъ ихъ

слышенъ уже на разстояніи восьми сотъ сажень. Почему эти обезъяны такъ часто ревутъ, до сихъ поръ еще неизвѣстно. Когда къ нимъ приближается собака, онѣ тотчасъ же прекращаютъ свое странное пѣніе и скрываются за густыми листьями или обращаются въ бѣгство, медленно перебираясь съ одного дерева на другое, такъ что охотнику очень не трудно преслѣдовать и даже настигать ихъ. При этомъ, отъ испуга, онѣ почти безпрестанно извергаютъ кашицеобразный пометъ, чѣмъ и объясняются нелѣпые разсказы, будто преслѣдуемые ревуны бросаютъ въ непріятелей свои испражненія.

Все, что ревунамъ нужно для поддержанія жизни, они находятъ на деревьяхъ, а именно: плоды, зерна, листья, почки и различные цвѣты, также насѣкомыхъ, яйца и молодыхъ птицъ. На поля они забираются чрезвычайно рѣдко, хотя бы даже находились очень близко отъ нихъ, потому что они гораздо охотнѣе ѣдятъ листья деревьевъ, чѣмъ маисъ и дыни.

Въ шайкѣ ревуновъ всегда больше самокъ, чѣмъ самцевъ, а именно число первыхъ относится къ числу послѣднихъ, какъ три къ единицѣ. Ссорятся ли они между собою изъ за обладанія самками, подобно обезъянамъ другихъ породъ, достовѣрно неизвѣстно, но судя по лѣнивой и вялой ихъ природѣ, надо полагать, что у нихъ подобныхъ ссоръ не случается.

Самки приносятъ маленькихъ обыкновенно въ іюнѣ или іюлѣ, иногда въ концѣ мая или въ началѣ августа, но постоянно только одного дѣтеныша. Въ теченіе первой недѣли послѣ рожденія молодая обезъяна всѣми четырмя членами прицѣпляется къ животу матери, точно также, какъ это дѣлаютъ дѣтеныши обезъянъ стараго свѣта; по истеченіи же

этого времени мать носитъ своего питомца на спинѣ. Она, правда, не ласкаетъ, однако, какъ увѣряетъ князь Нейвидъ, никогда не оставляетъ его, даже въ то время, когда ей приходится спасаться бѣгствомъ отъ грозящей ей опасности. Индѣйцы же, напротивъ того, утверждаютъ, будто самки совершенно равнодушны къ своимъ дѣтенышамъ и во время бѣгства сбрасываютъ ихъ съ себя или насильно высажаютъ на вѣтвь, чтобы только облегчить самихъ себя. Такъ какъ ревуны вообще слишкомъ скучныя, непріятныя и непонятливыя животныя, то укрощеніемъ ихъ занимаются чрезвычайно рѣдко.

Въ большей части Парагвая, индѣйцы очень часто охотятся за ревунами, потому что изъ кожи этихъ обезъянъ они дѣлаютъ шапки, копельки, чапраки и пр., а мясо ихъ употребляютъ въ пищу. Хотя туземцы и увѣряютъ, что мясо это очень вкусно и что изъ него можно приготовлять крѣпкій бульонъ, однако, на европейца пища эта производитъ весьма непріятное впечатлѣніе, особенно когда индѣйцы опаляютъ обезъянѣ волосы или отпариваютъ ее кипяткомъ, а еще болѣе, когда ее цѣликомъ жарятъ на вертелѣ. „При видѣ такой стряпни, говоритъ Шомбургкъ, европеецъ чувствуетъ какое-то невольное отвращеніе, потому что ему такъ и кажется, будто онъ участвуетъ въ пирѣ людоѣдовъ, пожирающихъ маленькое дитя,—и много нужно силы воли, чтобы преодолѣть себя и приложить ножъ къ такому жаркому."

Гумбольдтъ подтверждаетъ эти слова: „Отвращенію, говоритъ онъ, которое нравственные люди чувствуютъ при видѣ этой пищи, много способствуетъ способъ ея приготовленія: Съ обезъяны, назначенной для жаркаго, предварительно снимаютъ кожу, послѣ чего ее кладутъ, обыкновенно въ сидячемъ положеніи, на маленькую рѣшетку изъ твердаго дерева,

укрѣпленную на высотѣ одного фута отъ поверхности земли; или же ее кладутъ такимъ образомъ, чтобы она опиралась на свои длинныя, худыя руки, а иногда ей складываютъ руки крестомъ на спинѣ. Потомъ подъ рѣшеткою разводятъ слабый огонь, пламя и дымъ котораго въ одно и тоже время жарятъ и коптятъ обезьяну. Въ этомъ видѣ обезьяны, особенно круглоголовыя, чрезвычайно похожи на дѣтей, и потому европейцы, которые по нуждѣ должны ѣсть мясо этихъ обезьянъ, для предотвращенія непріятнаго впечатлѣнія, всегда отрубаютъ обезьянѣ голову и члены и подаютъ на столъ одно только туловище ея.“ — Во многихъ странахъ южной Америки европейцы считаютъ мясо обезьянъ отвратительною пищею.

Убить ревуна вовсе не такъ легко, потому что онъ обыкновенно забирается на вершину такихъ высокихъ деревьевъ, что пуля, пущенная изъ нашихъ оружій, зачастую не долетаетъ до него; притомъ же подстрѣленная обезьяна, при паденіи своемъ, нерѣдко прицѣпляется хвостомъ за одну изъ вѣтвей и остается висѣть на ней въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Оттого-то даже индѣйцы, духовыя трубы которыхъ хватаютъ гораздо выше нашихъ огнестрѣльныхъ оружій, всегда предварительно забираются на дерево и уже оттуда пускаютъ въ обезьянъ свои смертоносныя, ядомъ смазанныя стрѣлы, которыя для животныхъ тѣмъ опаснѣе, что вылетаютъ изъ трубы безъ всякаго шума. Подстрѣленная обезьяна, отъ дѣйствія отравы, падаетъ на земь, а другія, не подозрѣвая опасности, остаются на мѣстѣ; такимъ образомъ охотникъ можетъ настрѣлать себѣ столько обезьянъ, сколько ему нужно, потому что шайка, не замѣчая грозящей ей опасности, не трогается съ мѣста, даже когда видитъ, что товарищи ихъ падаютъ на земь.

КВАТЫ ИЛИ ПАУКООБРАЗНЫЯ ОБЕЗЪЯНЫ.

Ateles. – Klammeraffen, Spinnenaffen.

У этихъ обезъянъ руки длинныя, голова маленькая, лице и кончикъ хвоста безъ волосъ, большой палецъ на рукахъ коротокъ и тупъ.

Онѣ водятся большими массами въ южной Америкѣ до 25 градуса южной широты, живутъ преимущественно на вершинахъ самыхъ высокихъ деревьевъ и только изрѣдка спускаются на землю. Образомъ жизни онѣ мало отличаются отъ ревуновъ, но онѣ ласковѣе послѣднихъ. Движенія ихъ чрезвычайно странны и разнообразны, такъ что кажется, будто у нихъ нѣтъ суставовъ; кромѣ того, онѣ дѣлаютъ уморительныя гримасы.

Хотя отдѣльные виды этой породы обезъянъ мало отличаются другъ отъ друга, тѣмъ не менѣе мы сдѣлаемъ краткое описаніе каждаго изъ нихъ, а именно коаиты, маримонды, чамека и мирики.

Коаита.

Ateles paniscus.—Der Koaita.

Эта обезъяна всего около двухъ футовъ длиною, а хвостъ ея нѣсколько длиннѣе. Шерсть у нея вообще толстая и грубая, притомъ на плечахъ она длиннѣе, а на спинѣ гуще, чѣмъ на животѣ; на лбу она образуетъ хохолъ; цвѣтъ кожи темночерный, только на лицѣ красноватый. Выраженіе лица у нея добродушное, а живые коричневые глаза дѣлаютъ его еще пріятнѣе (см. рис. на стр. 214).

Маримонда.

Ateles Beelzebuth.—Der Marimonda oder Aru.

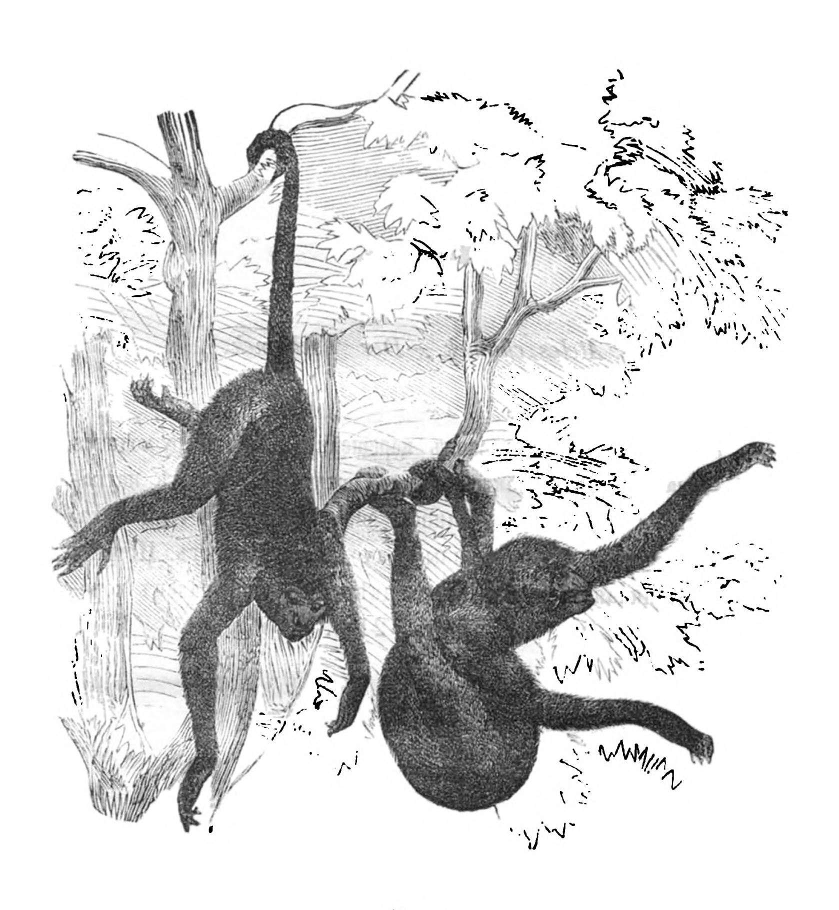
Маримонда еще меньше коаиты, потому что длина ея вмѣстѣ съ хвостомъ равняется всего тремъ футамъ съ половиною; гладкая и блестящая шерсть ея цвѣта темнобураго; на

рукахъ она нѣсколько темнѣе, по бокамъ впадаетъ въ сѣро-бурый, на нижней части шеи и живота въ бѣловатый цвѣтъ. Большаго пальца на переднихъ членахъ вовсе нѣтъ (см. рис. на стр. 215).

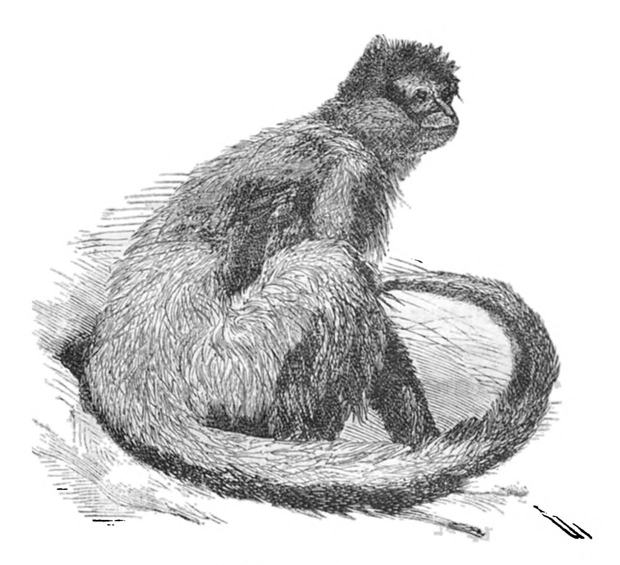
Чамекъ.

Ateles chamek.—Der Tschamek.

Въ Квито, на панамскомъ перешейкѣ и въ Перу водится обезъяна, которая также принадлежитъ къ породѣ паукообразныхъ; это чамекъ. Длиною она слишкомъ четыре фута, изъ которыхъ болѣе половины приходится на хвостъ. Шерсть у нея длинная и темночернаго цвѣта; большой палецъ коротокъ и тупъ (см. рис. на стр. 218).

Коаита.

Маримонда.

Мирики.

Ateles (brachyteles) hypoxanthus. Der Miriki.

Эта обезъяна водится во внутреннихъ странахъ Бразиліи и величиною своею превосходитъ всѣхъ другихъ обезъянъ этой страны, потому что длина ея слишкомъ четыре фута. Тѣлосложеніе у нея крѣпкое, голова маленькая, шея короткая, члены длинные и обросшіе густыми, почти шерстиподобными волосами. Кожа обыкновенно блѣдножелтаго, иногда бѣловатосѣрожелтаго цвѣта. Безволосое лице у молодыхъ обезъянъ черноватобураго, у старыхъ же оно по бокамъ темносѣраго,а въ срединѣ мясокраснаго цвѣта. Большой палецъ на рукахъ коротокъ и тупъ, безъ ногтя (см. рис. на стр. 219).

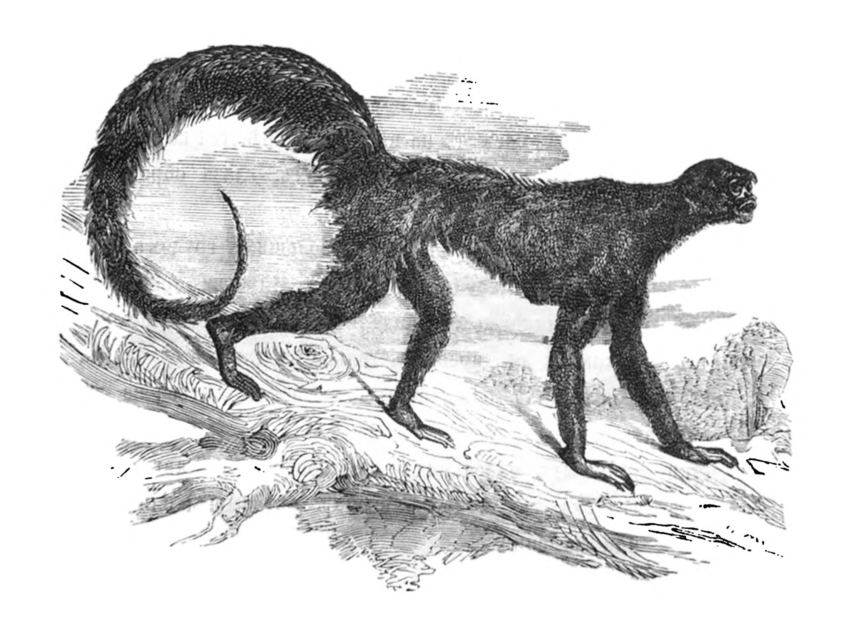
Гумбольдтъ, князь Нейвидъ и Шомбургкъ имѣли случай наблюдать жизнь паукообразныхъ обезъянъ на свободѣ. По ихъ словамъ эти животныя бродятъ небольшими шайками, заключающими въ себѣ отъ шести до двѣнадцати обезъянъ, по высокоствольнымъ лѣсамъ, растущимъ въ низменностяхъ южной Америки; въ лѣсахъ же высокихъ мѣстностей ихъ почти никогда не встрѣчаютъ. Въ сравненіи съ ревунами ихъ можно назвать проворными. Такъ какъ значительная длина ихъ членовъ даетъ имъ возможность дѣлать не только

большіе шаги, но и порядочные прыжки, то нѣтъ ничего удивительнаго, что мирики бѣгаютъ и лазятъ проворнѣе ревуновъ; но при всѣхъ своихъ движеніяхъ, онѣ какъ-то странно откидываютъ свои члены, то въ одну, то въ другую сторону. Прежде, чѣмъ обезъяна рѣшается оставить ту вѣтвь, на которой сидитъ, она хвостомъ отыскиваетъ себѣ точку опоры на другой вѣтви; оттого иногда встрѣчаешь цѣлыя шайки, которыя висятъ на суку, держась за хвостъ и образуя такимъ образомъ самыя странныя группы (см. стр. 214 коаитъ). Нерѣдко онѣ спокойно лежатъ на вѣтвяхъ и грѣются на солнцѣ, причемъ головы у нихъ закинуты назадъ, глаза обращены къ небу и руки сложены на спинѣ.

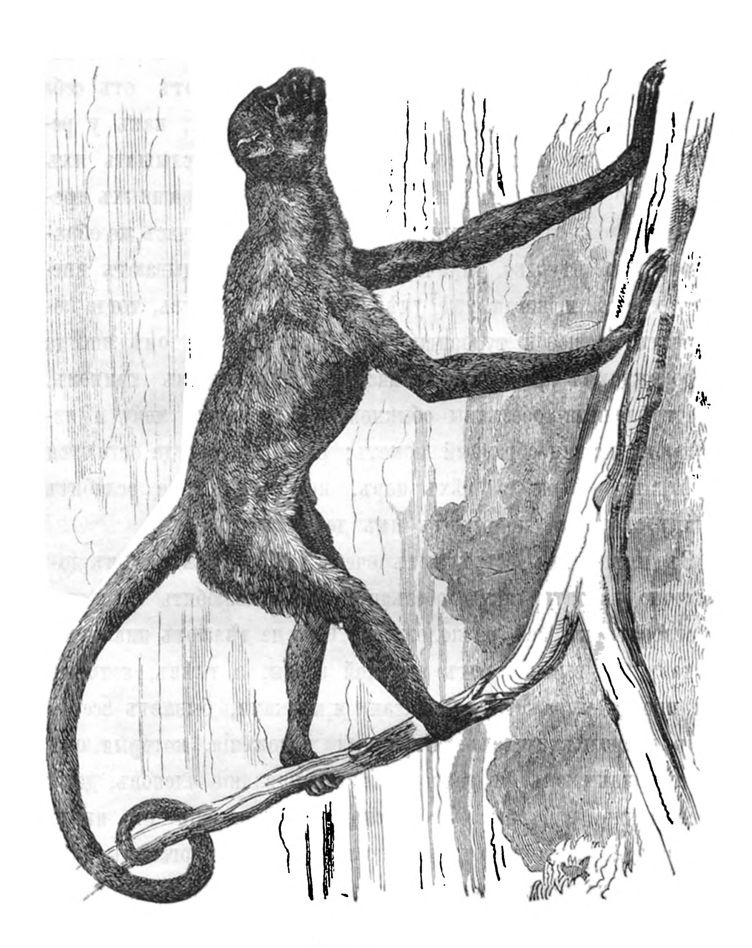
По землѣ эти обезъяны ходятъ съ большимъ трудомъ, шатаясь и въ высшей степени ненадежно. Впрочемъ европейскіе наблюдатели никогда не видали ихъ на землѣ; потому что онѣ спускаются съ деревьевъ только въ такихъ случаяхъ, когда даже съ самыхъ ближайшихъ къ землѣ вѣтвей не могутъ достать до воды.

Самки приносятъ маленькихъ обыкновенно въ августѣ и сентябрѣ, и таскаютъ съ собою своихъ дѣтенышей или подъ мышками, или на спинѣ.

Живя постоянно въ густыхъ лѣсахъ и питаясь преимущественно листьями и лѣсными плодами, эта порода обезъянъ, какъ само собою разумѣется, не приноситъ никому никакого вреда; но не смотря на то, ихъ часто преслѣдуютъ туземные жители: португальцы убиваютъ ихъ, чтобы воспользоваться ихъ кожею, а дикія племена употребляютъ ихъ въ пищу; иные индѣйцы предпочитаютъ ихъ мясо всякой дичи, а потому безпрестанно охотятся за этими обезъянами и убиваютъ ихъ цѣлыми сотнями. Съ убитыхъ обезъянъ они сперва сди-

Чамекъ.

Мирики.

раютъ кожу, а потомъ коптятъ или жарятъ ихъ, чтобы затѣмъ пускать въ продажу.

Охотникамъ легко отыскивать мѣстопребываніе этихъ обезьянъ, потому что послѣднія по временамъ издаютъ отъ себя звуки, которые, правда, далеко не такъ громки, какъ у ревуновъ, но все таки довольно сильны, чтобы услышать ихъ на нѣкоторомъ разстояніи. При видѣ своихъ страшныхъ преслѣдователей, эти беззащитныя дѣти лѣсовъ тотчасъ же обращаются въ бѣгство, причемъ они всегда закидываютъ впередъ хвостъ, и когда уже уцѣпятся имъ за вѣтвь, тогда переносятъ на нее и туловище свое. Движенія эти онѣ иногда сопровождаютъ разными гримасами и особеннымъ крикомъ. Подстрѣленныя обезъяны обыкновенно пускаютъ мочу и извергаютъ кашицеобразный пометъ; раненныя иногда остаются висѣть на вѣтви до тѣхъ поръ, пока смерть не ослабитъ мышцъ, которыя помогаютъ имъ держаться.

Въ плѣну ихъ встрѣчаютъ очень рѣдко, между тѣмъ достаточно увидать такую обезъяну, чтобы полюбить ее и почувствовать къ ней расположеніе. Онѣ не дѣлаютъ никакихъ проказъ, не выказываютъ никакой злобы, а гнѣвъ, который онѣ иногда выражаютъ гримасами и криками, бываетъ всегда очень непродолжителенъ. Странныя положенія, которыя онѣ часто принимаютъ, и разнообразное кривляніе членовъ, даже чрезвычайно забавны. За ласковое обхожденіе съ ними, онѣ всегда отплачиваютъ нѣжностью. Въ гамбургскомъ звѣринцѣ въ настоящее время показываютъ коаиту, которая одарена удивительно нѣжнымъ сердцемъ. Она ласково обнимаетъ своихъ знакомыхъ, дружелюбно прижимается къ тѣмъ, которые ее ласкаютъ, и жалобно кричитъ, когда пріятель отходитъ отъ нея.

САПАЖУ.

Cebus.—Rollaffen.

Обезъянъ изъ этой породы можно видѣть во всѣхъ европейскихъ звѣринцахъ. Онѣ отличаются преимущественно своимъ хвостомъ, который весь покрытъ волосами, и хотя также можетъ обвиваться вокругъ вѣтвей, но не годенъ для захватыванія предметовъ. Руки у нихъ средней длины и имѣютъ по пяти пальцевъ. Борода болѣе или менѣе развита; шерсть густая, но короткая.

Относительно веселости нрава сапажу можно сравнить съ мартышками. Они настоящія обезъяны, т. е. живыя понятливыя, рѣзвыя, любопытныя и забавныя животныя. Голосъ у нихъ плаксивый и нѣжный, но только до тѣхъ поръ, пока онѣ въ веселомъ расположеніи духа; при малѣйшемъ же волненіи они начинаютъ кричать пронзительнымъ голосомъ. Они живутъ исключительно на деревьяхъ и съ давнихъ временъ водятся большими массами въ громадныхъ бразильскихъ лѣсахъ. Благодаря своей наклонности къ общежительности, онѣ смѣшиваются съ сродными имъ породами, и на этомъ основаніи нѣкоторые естествоиспытатели считаютъ различные виды

сапажу только за ублюдковъ. „Ни одна порода обезъянъ, говоритъ Шомбургкъ, не представляетъ такого различія въ величинѣ, цвѣтѣ и длинѣ шерсти какъ сапажу, а потому естествоиспытатели и раздѣляли эту породу на множество видовъ, которые между тѣмъ преставляютъ ничто иное, какъ ублюдковъ, происшедшихъ отъ смѣшенія кая съ бурымъ сапажу. Во всѣхъ шайкахъ перваго вида, которыя мнѣ случалось видѣть, всегда находилось и нѣсколько обезъянъ втораго вида.“

У плѣнныхъ сапажу замѣчаются тѣже особенности, какъ и у мартышекъ. Индѣйцы ихъ очень любятъ, а потому у нихъ часто находятъ ручныхъ сапажу. Но обезъяны этой породы въ высшей степени неопрятны. Такъ напр. онѣ часто пускаютъ себѣ въ руки собственную мочу, которою потомъ обтираютъ себѣ все тѣло. Подобно павіанамъ, онѣ также очень преданы употребленію спиртныхъ напитковъ.— „Когда мы пускали въ ручнаго сапажу табачный дымъ, говоритъ Шомбургкъ, или подносили ему подъ носъ нюхательный табакъ, онъ каждый разъ, въ какомъ-то сладострастномъ упоеніи, теръ себѣ все тѣло и закрывалъ глаза. При этомъ у него изо рта текла слюна, которую онъ тщательно подбиралъ обѣими руками, чтобы тутъ же втирать ее себѣ въ тѣло. Иногда слюнотеченіе было до того обильно, что казалось, будто обезъяну кто нибудь окатилъ водою; кромѣ того она была довольно истощена. Въ такое же упоеніе приходилъ сапажу, когда ему давали курить зажженную сигару. Мнѣ кажется, что табачный дымъ пробуждаетъ въ сапажу сладострастное чувство.“ Чай, кофе, водка и другіе возбуждающіе напитки производятъ на эту обезъяну почти такое же вліяніе. Къ породѣ сапажу принадлежатъ слѣдующіе виды:

Кай ([1]) или **причесанный сапажу**.

Капуцинская обезьяна.

Cebus capucinus.—Der Cay oder Kapuziner.

Кай принадлежитъ къ самымъ большимъ обезъянамъ изъ породы сапажу. Тѣло у него до шестнадцати дюймовъ длиною, а хвостъ нѣсколько длиннѣе фута. Шерсть у него густая, и какъ мы уже сказали выше, чрезвычайно разнообразныхъ цвѣтовъ: у молодыхъ животныхъ она свѣтлобуроватожелтая, на макушкѣ, членахъ и хвостѣ бурая, а на голыхъ частяхъ и на лицѣ она имѣетъ цвѣтъ мяса съ буроватымъ отливомъ. У взрослыхъ цвѣтъ шерсти измѣняется: голова дѣлается желтою, макушка, щеки, члены и хвостъ принимаютъ чернобурый или черный цвѣтъ, а на лицѣ показываются короткіе, блестящіе, бѣлые волосы съ синими верхушками; на лбу такіе же волосы образуютъ большое,

---

([1]) На языкѣ гуаранцевъ, кай значитъ житель лѣсовъ.

свѣтлое пятно. У старыхъ каевъ кожа совершенно черная, только на груди и на животѣ она бураго цвѣта; кромѣ того, у нихъ очень длинная борода. Самки стройнѣе и болѣе буроватаго цвѣта.

Каи распространены до южнаго поворотнаго круга и андскихъ горъ и даже нѣсколько далѣе. Отъ Багіи до Колумбіи ихъ встрѣчаютъ вездѣ и очень часто. Они любятъ такіе лѣса, въ которыхъ нѣтъ мелкихъ кустарниковъ. Большую часть времени они проводятъ на деревьяхъ и спускаются съ нихъ только тогда, когда хотятъ пить или когда собираются на маисовое поле. Днемъ они лазятъ по деревьямъ, пріискивая себѣ кормъ, а ночью отдыхаютъ между перепутавшимися вѣтвями какого либо дерева. Они обыкновенно бродятъ маленькими шайками, состоящими изъ пяти или десяти обезъянъ, изъ которыхъ самки составляютъ большинство. Рѣдко встрѣчаютъ также отдѣльныхъ старыхъ самцевъ.

Наблюдать эту обезъяну въ то время, когда она на свободѣ, очень трудно, потому что она чрезвычайно боязлива и при появленіи человѣка скоро обращается въ бѣгство. Ренгеру совершенно неожиданно представился случай наблюдать жизнь каевъ въ лѣсу. Однажды, прогуливаясь у опушки лѣса, онъ услыхалъ пріятные звуки, походившіе на звуки флейты, и вслѣдъ затѣмъ увидалъ стараго самца, который робко оглядываясь, пробирался по самымъ вершинамъ высокихъ деревьевъ. За нимъ слѣдовало двѣнадцать или тринадцать другихъ обезъянъ, въ томъ числѣ три самки, которыя носили своихъ дѣтенышей на спинѣ и подъ мышкою. Вдругъ одна изъ обезъянъ завидѣла померанцовое дерево съ зрѣлыми плодами и съ радостнымъ крикомъ тотчасъ же вскочила на него. Прочія обезъяны не замедлили послѣдовать ея примѣру и начали

усердно угощаться сладкими плодами. Нѣкоторыя изъ нихъ съѣдали сорванные ими померанцы тутъ же на мѣстѣ, а другія, съ двумя плодами въ рукахъ, перескакивали на ближайшее дерево, гдѣ усаживались на сукъ, крѣпко обвивши вокругъ него свой хвостъ; затѣмъ они клали одинъ изъ померанцевъ между ногъ, а пальцами рукъ старались разломить корку въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ ней внѣдряется стебель. Когда имъ это тотчасъ же не удавалось, то онѣ выходили изъ терпѣнія и съ воркотнею начинали колотить померанецъ о сукъ до тѣхъ поръ, пока онъ не растрескается; тогда они отдѣляли отъ него корку, и облизавъ вытекавшій сокъ, съѣдали мякоть. Но ни одна изъ нихъ не пыталась отдирать корку зубами; это вѣроятно потому, что она очень горька. Когда на деревѣ уже не осталось ни одного плода, сильнѣйшія обезьяны начали отнимать у слабыхъ сдѣланный ими запасъ, вслѣдствіе чего между ними возникъ сильный споръ, причемъ одни изъ нихъ дѣлали странныя гримасы, другія скалили свои зубы, третьи теребили другъ друга за волосы и т. д. Нѣкоторыя между тѣмъ обыскивали высохшую часть дерева, осторожно приподнимали его кору и съѣдали попадавшихся имъ тамъ гусеницъ и другихъ насѣкомыхъ. По утоленіи голода старыя обезьяны легли на вѣтви отдыхать и при этомъ приняли положеніе, какое принимаютъ ревуны (см. стр. 206); молодыя же начали играть и при этомъ выказывали довольно большую ловкость и проворство. Онѣ качались или лазали по хвостамъ своихъ матерей какъ по канату.

Дѣтеныши хотѣли было также полакомиться плодами, однако матери не допускали ихъ до этого; онѣ сначала тихонько отталкивали ихъ руками, затѣмъ выражали свое неудовольствіе хрюканьемъ, но видя, что все это нисколько не удер-

живаетъ непослушныхъ питомцевъ, онѣ схватили ихъ за голову и съ силою отбросили въ сторону, такъ что тѣ упали на спину. За то когда сами наѣлись до сыта, онѣ тотчасъ же притянули ихъ къ себѣ и дали имъ грудь. Материнская любовь ихъ выказывалась въ томъ, что онѣ неусыпно пеклись о своихъ дѣтенышахъ, терпѣливо кормили ихъ грудью, и постоянно зорко слѣдили за ними, тщательно чистили имъ кожу и защищали ихъ противъ тѣхъ обезъянъ, которыя хотѣли имъ дѣлать какое нибудь зло. На обратномъ пути большіе дѣтеныши сѣли къ своимъ матерямъ на спину, а младшій и слабѣйшій прицѣпился къ животу матери.

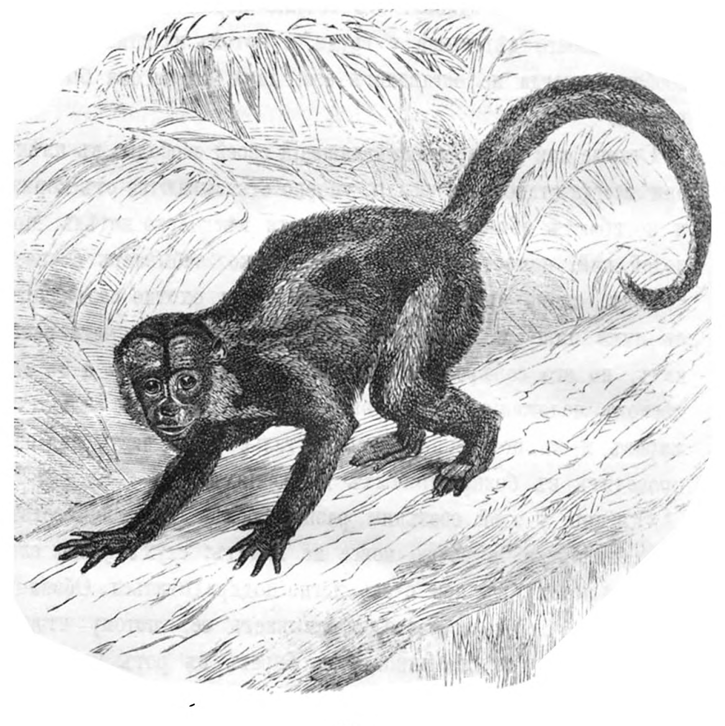
Въ другой разъ Ренгеръ увидалъ шайку обезъянъ, которая пробиралась на добычу къ находящемуся близъ лѣса маисовому полю. Онѣ медленно, осторожно оглядываясь, спустились съ дерева, сорвали себѣ по два или по три колоса и прижавъ ихъ рукою къ груди побѣжали со всѣхъ ногъ обратно въ лѣсъ, чтобы тамъ безпрепятственно воспользоваться своею добычею. Увидавъ Ренгера, вся шайка съ крикомъ разбѣжалась, и въ одинъ мигъ очутилась на вершинахъ деревьевъ; однакожъ каждая изъ обезъянъ захватила съ собою по крайней мѣрѣ по одному колосу. Ренгеръ сдѣлалъ по нимъ выстрѣлъ и вскорѣ увидалъ, что одна самка, у которой на спинѣ былъ дѣтенышъ, падала съ одной вѣтви на другую. Онъ каждую секунду ожидалъ, что она упадетъ на землю и достанется ему въ руки; но не смотря на то, что обезъяна эта уже боролась со смертью, она уцѣпилась хвостомъ за сукъ и осталась висѣть на немъ по крайней мѣрѣ съ четверть часа, послѣ чего упала на земь. Дѣтенышъ не оставлялъ своей матери и съ безпокойствомъ обнималъ ее; но когда спустя нѣсколько часовъ застрѣленная обезъяна

совершенно охладѣла, онъ видимо началъ бояться своей матери и охотно остался въ карманѣ у своего новаго защитника.

Въ шайкахъ каевъ самокъ всегда больше самцевъ. Онѣ обыкновенно приносятъ маленькихъ въ январѣ мѣсяцѣ и всегда только по одному. Въ теченіе первыхъ недѣль мать носитъ своего дѣтеныша у груди, а потомъ на спинѣ; но она вообще никогда не оставляетъ его, даже когда она бываетъ ранена.

Старые каи не переносятъ лишеній своей свободы: въ плѣну они всегда становятся унылы, упорно отказываются отъ корма, и погибаютъ обыкновенно уже спустя нѣсколько недѣль. Молодой кай, напротивъ того, очень легко забываетъ о своей свободѣ, скоро привыкаетъ къ людямъ и охотно раздѣляетъ съ ними пищу и питье. Онъ всегда ходитъ на четверенькахъ, но его со временемъ можно пріучить ходить и въ отвѣсномъ положеніи. Спитъ онъ ночью, а во время сильныхъ жаровъ и въ полуденные часы; остальную же часть дня онъ проводитъ въ безпрестанныхъ движеніяхъ.

Осязаніе у этой обезъяны развито болѣе другихъ чувствъ. Она близорука, а ночью вовсе не видитъ; слухъ у нея слабый, а потому къ ней очень легко подкрадываться. Обоняніе у нея еще слабѣе и часто обманываетъ ее, потому что не смотря на то, что она никогда не беретъ въ ротъ ни одного куска пищи, безъ того, чтобы предварительно не обнюхать его, ей нерѣдко приходится извергать назадъ принятую пищу, какъ безвкусную и негодную. Въ случаѣ сильнаго голода или жажды она не брезгаетъ утолять ихъ собственными изверженіями. За то осязаніе нѣкоторымъ образомъ искупаетъ слабость другихъ чувствъ; оно преимущественно развито въ

Кай.

переднихъ членахъ, слабѣе въ заднихъ, а еще меньше въ хвостѣ. По мѣрѣ упражненія это чувство у нея можетъ достигнуть высокой степени совершенства. Кай, котораго воспитывалъ Ренгеръ, развилъ свое осязаніе до того, что могъ узнавать своего хозяина въ темнотѣ ночи: для этого ему стоило только прикоснуться къ платьямъ, которыя тотъ обыкновенно носилъ.

Звуки, которые кай издаетъ отъ себя, обусловливаются расположеніемъ его духа. Большею частью слышатъ отъ него звуки флейты, которые онъ, по видимому, издаетъ отъ скуки. Когда же въ немъ пробуждается какое нибудь желаніе, онъ начинаетъ стонать. Удивленіе и недоумѣніе онъ выражаетъ полусвистящимъ тономъ. Въ гнѣвѣ онъ глубокимъ и грубымъ голосомъ кричитъ „гу, гу“. Отъ страха или боли онъ обыкновенно пищитъ, а радость свою выражаетъ легкимъ смѣхомъ. Такими же различными звуками начальствующая обезъяна сообщаетъ свои ощущенія подчиненной ей шайкѣ. Эти ощущенія выражаются, впрочемъ, не только звуками и движеніями, но и особаго рода смѣхомъ и плачемъ: когда кай смѣется, онъ не издаетъ никакого звука, а только расширяетъ свой ротъ, углы котораго при этомъ оттягиваются въ обѣ стороны; когда же онъ плачетъ, то глаза его наполняются слезами, которыя однакожъ никогда не стекаютъ по щекамъ.

Каи также чрезвычайно неопрятны и часто пачкаютъ своими испражненіями и себя, и другихъ. — Они очень легко отличаютъ мужчинъ отъ женщинъ, причемъ самки болѣе привязываются къ мужчинамъ, а самцы къ женщинамъ.

Въ плѣну матери бываютъ гораздо нѣжнѣе къ своимъ дѣтенышамъ, чѣмъ на свободѣ: онѣ цѣлый день то и дѣло за-

нимаются ими, не даютъ никому дотрогиваться до нихъ и показываютъ ихъ только людямъ, которымъ онѣ преданы.

Каи очень чувствительны къ холоду и сырости, отъ которыхъ однакожъ легко предохранять ихъ, потому что они охотно укутываются въ шерстяное одѣяло. Въ воду они никогда сами не идутъ, также никогда не замѣчали, чтобы они спасались вплавь, а когда ихъ бросаютъ въ рѣку, они тотчасъ уходятъ ко дну. Въ плѣну они подвергаются разнымъ болѣзнямъ, особенно насморку, кашлю, но довольно часто страдаютъ и чахоткою. Они обыкновенно проживаютъ до пятнадцати лѣтъ.

Что касается до умственныхъ способностей этой обезъяны, то она уже съ первыхъ дней своего плѣненія начинаетъ узнавать своего хозяина и прислужника и не только совершенно привыкаетъ къ нимъ, но даже бываетъ очень рада, когда они играютъ, дѣлаютъ съ нею разныя проказы, словомъ скоро дѣлается ручною. Старому самцу, котораго держалъ у себя Ренгеръ, иногда удавалось срываться съ веревки, и тогда онъ, подъ вліяніемъ перваго порыва радости о достигнутой свободѣ, задавалъ тягу, но по истеченіи двухъ или трехъ дней, всегда снова возвращался домой, отыскивалъ своего прислужника и безъ всякаго сопротивленія давалъ себя опять привязать. Когда съ каями обращаются ласково, они вообще выказываютъ большую довѣрчивость; къ неграмъ однакожъ они вообще бываютъ болѣе привязаны, чѣмъ къ бѣлымъ.

Каи привязываются не только къ людямъ, но и къ домашнимъ животнымъ, которыя выростаютъ вмѣстѣ съ ними. Въ Парагваѣ ихъ нерѣдко воспитываютъ вмѣстѣ съ щенками, на которыхъ они потомъ часто ѣздятъ верхомъ. Когда

кая разлучають съ его товарищемъ, онъ начинаетъ кричать, а при новомъ свиданіи съ нимъ всегда осыпаетъ его ласками. Привязанность къ другу доходитъ до того, что когда на послѣдняго нападаютъ другія собаки, онъ всегда храбро и съ самоотверженіемъ защищаетъ его.

При дурномъ обращеніи эта обезъяна выказывается въ совершенно другомъ видѣ. Когда она чувствуетъ въ себѣ достаточно силы для отвращенія насилія человѣка, она прямо бросается на того, кто ее обижаетъ и при этомъ даетъ ему чувствовать силу своихъ зубовъ. Если же видитъ, что противникъ сильнѣе ея, то прибѣгаетъ къ хитрости и выжидаетъ удобный случай, чтобы какъ-нибудь отомстить ему за обиду. Она вообще бываетъ недовѣрчива къ тѣмъ, которые дразнятъ ее. Сама же она очень любитъ приставать къ другимъ животнымъ: собакъ и кошекъ она зачастую дергаетъ за хвостъ, у курицъ и утокъ вырываетъ перья; даже лошадямъ не даетъ покоя и дергаетъ ихъ за узду; всѣ эти проказы для нея тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ больше дразнимыя животныя злятся на нее.

Кай большой охотникъ до лакомства, а потому скоро научается воровать, и при этомъ употребляетъ всѣ возможныя уловки. Когда его застаютъ на мѣстѣ преступленія, онъ обыкновенно громко вскрикиваетъ, потому что боится наказанія. Необъемистую пищу онъ прячетъ къ себѣ въ ротъ, чтобы потомъ украдкою съѣсть ее. Жадность его чрезвычайно велика: чтобы заставить его возвратить похищенную вещь, необходимо употребить противъ него большое насиліе. Кромѣ этихъ качествъ въ немъ замѣчаютъ необыкновенное любопытство и сильную наклонность портить и разрушать вещи.

Эта обезъяна обладаетъ самостоятельнымъ характеромъ и

потому очень неохотно подчиняется волѣ человѣка. Ее можно удержать отъ чего нибудь, но заставить сдѣлать что нибудь нѣтъ никакихъ средствъ. Между тѣмъ она съ своей стороны всячески старается господствовать надъ другими животными, даже надъ человѣкомъ, и прибѣгаетъ для этого то къ ласкамъ, то къ угрозамъ. Вслѣдствіе такого упрямства, ее можно научать только тому, изъ чего она можетъ извлечь для себя пользу, напр. открывать коробки, обыскивать карманы и т. п. Съ лѣтами она пріобрѣтаетъ болѣе опытности, которою умѣетъ пользоваться: такъ напр. она легко научается примѣнять въ случаѣ надобности молотокъ и рычагъ. Когда ей въ первый разъ даютъ яйце, она такъ неловко обращается съ нимъ, что проливаетъ большую часть его содержимаго; въ другой же разъ она вскроетъ его только съ одного конца и не прольетъ уже ни одной капли. Она вообще рѣдко ошибается болѣе одного раза. Въ самое короткое время она изучаетъ не только черты лица своего хозяина, но даже различные оттѣнки его голоса, и попеременно высказываетъ боязнь или радость, смотря потому, съ какимъ тономъ онъ обращается къ ней или какъ взглянетъ на нее. Насмѣшекъ она терпѣть не можетъ. Движенія свои она всегда точно соразмѣряетъ съ разстояніемъ. Память и смышленость ея иногда удивительны. Эти послѣднія способности почти одинаково развиты какъ у молодыхъ, такъ и у старыхъ обезъянъ.

Одни только индѣйцы охотятся за каемъ, потому что мясо этой обезъяны они употребляютъ въ пищу, а изъ кожи ея дѣлаютъ себѣ одежду. Бѣлыя же племена держатъ его у себя въ плѣну только для забавы.

Бурый сапажу или Сапажу апелла.

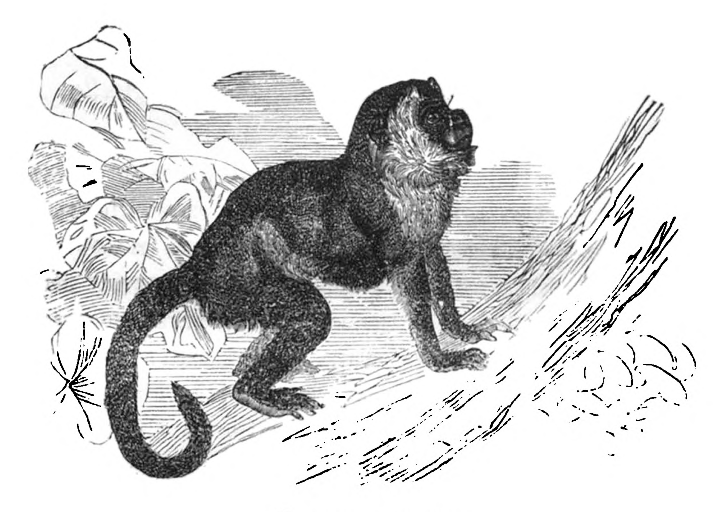
Cebus apella. — Der braune Rollaffe oder Apella.

Эта обезъяна водится въ Гвіанѣ и отличается дороднымъ тѣлосложеніемъ, но по величинѣ равняется каю. Шерсть у нея довольно густая и блестящая и образуетъ на головѣ хохолъ, а на подбородкѣ густую бороду. Спина, хвостъ и ноги бурочернаго цвѣта. лице и шея нѣсколько свѣтлѣе; но цвѣтъ шерсти вообще довольно различенъ у отдѣльныхъ обезъянъ.

Бурый сапажу довольно живая и проворная обезъяна, но на свободѣ его трудно наблюдать, потому что онъ очень боязливъ и при видѣ человѣка тотчасъ же обращается въ бѣгство. Самки чрезвычайно преданы своимъ дѣтенышамъ.

Обезъяну эту часто привозятъ въ Европу, а потому ее можно видѣть почти во всѣхъ звѣринцахъ. Многіе возятъ ее также по дворамъ и показываютъ за деньги.

Въ Европѣ бурые сапажу живутъ довольно долго и даже распложаются, но они неопрятны и притомъ почти постоянно пищатъ и дѣлаютъ страшныя гримасы. Впрочемъ эти обезъяны довольно добродушны, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ людямъ и большимъ животнымъ; маленькихъ же, напр. птицъ, которыхъ имъ удается ловить, онѣ тотчасъ же съѣдаютъ.

Бурый сапажу.

Рогатый сапажу.

Cebus fatuellus. — Der gehörnte Rollaffe.

Жизнь, которую рогатой сапажу ведетъ на свободѣ, намъ почти неизвѣстна. Рогатымъ онъ называется потому, что на головѣ у него изъ шерсти образуются двѣ щетки, которыя выдаются подобно рогамъ. Кромѣ того онъ отличается бѣлокурою бородою. Кожа у нея разноцвѣтная; но на тѣлѣ обыкновенно преобладаетъ бурый цвѣтъ, а на лицѣ желтоватый. Длина тѣла его равняется пятнадцати, а длина хвоста семнадцати дюймамъ. Родина его восточныя страны южной Америки.

Въ плѣну рогатый сапажу оказывается живымъ и забавнымъ, и благодаря своему добродушію скоро снискиваетъ себѣ любовь и привязанность хозяина и всѣхъ ухаживающихъ за нимъ. Къ сожалѣнію онъ въ Европѣ рѣдко доживаетъ до старости лѣтъ.

Рогатый сапажу.

САГУНЫ.

Скачущія или бѣличьи обезъяны.

Callithrix.—Springaffen oder Eichhornaffen.

Сагуны отличаются стройнымъ тѣломъ, тонкими членами, очень длиннымъ, тонкимъ и вялымъ хвостомъ, круглою головою, безбородымъ лицемъ, короткимъ рыломъ, свѣтлыми глазами, большими ушами и пятипалыми ногами. Они очень живыя, веселыя обезъяны, которыя въ густыхъ лѣсахъ безпрестанно лазаютъ и прыгаютъ по вершинамъ деревьевъ и, благодаря своей миловидности, пользуются любовью людей; но такъ какъ они очень нѣжнаго тѣлосложенія, то ихъ невозможно привозить къ намъ въ Европу. Мясо этой породы обезъянъ очень вкусно. Мы опишемъ здѣсь только два вида этихъ красивыхъ обезъянъ, а именно саимири и тити.

Саимири или **Бѣличій сагуинъ**.

Callithrix sciurea. — Der Saimiri oder Todtenkopfaffe.

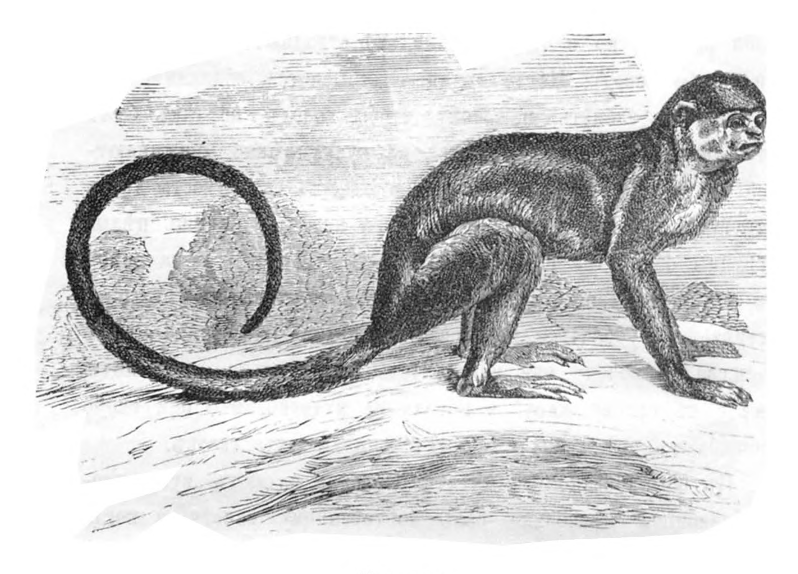
Саимири отличается какъ миловидными формами и красивымъ, пріятнымъ цвѣтомъ кожи, такъ и веселымъ нравомъ и ловкими движеніями. Его можно считать одною изъ самыхъ красивыхъ южноамериканскихъ обезъянъ. Станъ у саимири стройный, а хвостъ очень длинный. Шерсть у него тонкая и на верхней части тѣла обыкновенно чернаго, а у очень старыхъ обезъянъ яркопомеранцевожелтаго цвѣта, на членахъ у него сѣроватыя крапины, животъ бѣлый. У иныхъ обезъянъ преобладаетъ сѣрый цвѣтъ, у другихъ голова совершенно черная, какъ сажа, тѣло желтое, какъ у чижика, и усѣяно черными крапинами, а члены золотожелтаго цвѣта; словомъ, шерсть разноцвѣтная, но всегда очень красивая. Длина этой обезъяны равняется футу, а длина хвоста ея около полутора футовъ.

Главная родина саимири Гвіана, гдѣ эта милая обезъяна попадается преимущественно на берегахъ рѣкъ. Саимири живутъ большими шайками, которыя въ теченіе дня безпрестан-

но суетятся, лазаютъ и съ неимовѣрною ловкостью прыгаютъ черезъ довольно значительныя пространства. Ночь они проводятъ на вершинахъ пальмъ, куда они обыкновенно забираются задолго передъ закатомъ солнца. Они очень боязливы и при малѣйшей опасности обращаются въ бѣгство, подъ предводительствомъ начальствующей обезьяны.

Саимири чувствуютъ себя здоровыми только на своей теплой родинѣ, но и тамъ они сильно страдаютъ въ холодную и сырую погоду. Когда солнце закрывается облаками, они начинаютъ зябнуть, и потому, чтобы холодъ не такъ былъ чувствителенъ, они собираются въ кучу, крѣпко прижимаются другъ къ другу, обнимаются и кладутъ свои хвосты другъ другу на шею. Въ прохладное утро нерѣдко видишь цѣлыя группы обезьянъ, тѣснящихся другъ возлѣ друга на одной и той же вѣтви. Каждый изъ нихъ, съ унылымъ визгомъ, старается пробраться въ средину, потому что тамъ всего теплѣе. Впрочемъ они чувствительны не только къ холоду, но и къ сухому жару, а потому не мудрено, что они скоро погибаютъ внѣ своихъ теплыхъ и влажныхъ лѣсовъ.

Въ обыкновенное время эти обезьяны издаютъ звуки, уподобляющіеся нѣсколько разъ повторенному свисту, а когда имъ бываетъ холодно, онѣ визжатъ и кряхтятъ. Онѣ очень чувствительны и всѣ внутреннія ихъ ощущенія отражаются у нихъ на лицѣ. Съ испуга, равно и отъ боли у нихъ всегда показываются слезы на глазахъ; но онѣ никогда не упрямятся, и добродушіе ихъ не измѣняется. Благодаря этимъ прекраснымъ качествамъ, онѣ до того располагаютъ къ себѣ всѣхъ окружающихъ, что послѣдніе даже не рѣшаются сердить ихъ. Къ своему хозяину саимири бываетъ чрезвычайно внимателенъ. Когда при немъ говорятъ, онъ съ большимъ внима-

Саимири.

ніемъ слѣдитъ за каждымъ движеніемъ губъ, затѣмъ взбирается на плечо и ощупываетъ зубы и языкъ говорившаго, какъ будто желая разгадать непонятныя для него слова.

Пищу саимири обыкновенно беретъ руками, но нерѣдко также прямо ртомъ. Своимъ хвостомъ онъ можетъ придвигать къ себѣ небольшіе предметы, но не въ состояніи имъ держать ихъ. Главною пищею ему служатъ разные плоды и древесныя почки, но онъ охотно ѣстъ также насѣкомыхъ и мелкихъ птицъ. Укрощенный Гумбольдтомъ саимири умѣлъ различать нарисованныхъ насѣкомыхъ отъ другихъ животныхъ, и каждый разъ, когда ему показывали рисунки ихъ, онъ тотчасъ же протягивалъ за ними лапку.

Саимири любимы даже дикими людьми, которые часто держатъ ихъ у себя въ домахъ и ухаживаютъ за ними. Старыя обезьяны рѣдко переживаютъ лишеніе своей свободы, впрочемъ и молодыя также не долго живутъ въ плѣну у людей.

Индѣйцы большею частью охотятся за саимири въ прохладные, дождливые дни, когда они кучами спокойно сидятъ на вѣтвяхъ. Выстрѣливъ въ шайку, можно затѣмъ поймать много молодыхъ обезъянъ, потому что онѣ остаются прицѣпленными къ своимъ подстрѣленнымъ матерямъ.

Даже тѣхъ обезъянъ, которыя уже довольно долго прожили въ плѣну, трудно перевозить изъ внутреннихъ мѣстностей Гвіаны до границъ ея; потому что едва оставляютъ онѣ лѣсистыя мѣстности, какъ уже начинаютъ хворать. Въ европейскихъ звѣринцахъ саимири принадлежитъ къ величайшимъ рѣдкостямъ.

Тити или **Вьюдита**.

Callithrix torquata. — Der Titi oder die Viudita.

Тити чрезвычайно милая и красивая обезъяна. Длина его тѣла равняется пятнадцати, а длина хвоста восемнадцати дюймамъ. Шерсть у него тонкая и блестящая; лице безволосое и бѣлаго цвѣта съ синимъ отливомъ; тоже самое можно сказать и о красивыхъ маленькихъ ушахъ его. Все тѣло черное, но вокругъ шеи идетъ бѣлая полоса; руки также бѣлаго цвѣта (¹).

Эта обезъяна водится въ Перу и западной Бразиліи. Гумбольдтъ встрѣчалъ ее преимущественно въ гранитныхъ горахъ, пролегающихъ вдоль праваго берега рѣки Ориноко. „По наружности этой маленькой обезъяны, говоритъ этотъ естествоиспытатель, никакъ нельзя судить о ея нравѣ. Она садится на заднія ноги, только когда собирается ѣсть, въ

(¹) Оттого-то испанцы и прозвали его viudita, т. е. маленькою вдовою (лице, галстухъ и перчатки бѣлаго цвѣта, а платье черное).

Tumu.

другое же время она держится на четвереинькахъ. Съ виду она кажется кроткою и боязливою, потому что при людяхъ не дотрогивается до корма, даже когда бываетъ очень голодна, и тщательно избѣгаетъ общества другихъ обезъянъ. Иногда она по цѣлымъ часамъ сидитъ неподвижно на одномъ мѣстѣ и живыми глазами слѣдитъ за всѣмъ, что около нея дѣлается. Но вся застѣнчивость и все добродушіе этой маленькой плутовки ничто иное, какъ притворство, потому что когда ее оставляютъ одну, она всегда, при видѣ какой нибудь птицы, приходитъ въ ярость и гоняется за нею до тѣхъ поръ, пока не поймаетъ ее, и тогда она, подобно коварной кошкѣ, тотчасъ же начинаетъ душить свою жертву.

САКИСЫ ИЛИ ХВОСТОВЫЯ ОБЕЗЪЯНЫ.

Pithecia.—Schweifaffen.

Эта порода обезьянъ отличается большею дородностью тѣла, обросшаго очень длинными, но мягкими волосами, длиннымъ кистообразнымъ хвостомъ и темнымъ цвѣтомъ шерсти.

Хвостовыя обезьяны водятся въ сѣверныхъ странахъ южной Америки, гдѣ онѣ бродятъ маленькими шайками по темнымъ лѣсамъ. Днемъ онѣ чрезвычайно лѣнивы и нерѣдко по цѣлымъ часамъ сидятъ неподвижно на вершинахъ густыхъ деревьевъ; съ наступленіемъ же прохладнаго вечера онѣ становятся веселѣе. Высокіе и густые лѣса, въ которыхъ не растутъ кустарники, онѣ предпочитаютъ всѣмъ другимъ мѣстностямъ. Встрѣчи съ обезьянами чужихъ породъ онѣ всегда избѣгаютъ. Охотники легко отыскиваютъ ихъ по громкому голосу, который онѣ издаютъ; но убіеніе сакиса, какъ и всякой другой мелкой обезьяны, невольно пробуждаетъ жалость въ сердцѣ чувствительнаго человѣка, потому что жалобные звуки его вполнѣ напоминаютъ крикъ страждущаго младенца.

Бородатая обезьяна.

Pithecia satanas.—Der Bartaffe oder Judenaffe.

Этого вида обезьяны водятся большими массами въ густыхъ лѣсахъ, растущихъ около верховьевъ Мараньона и Ориноко. Обыкновенная длина ея пятнадцать дюймовъ, а хвостъ ея почти такой же длины. Голова у нея круглая и покрыта длинными, густыми волосами, которые образуютъ на ней родъ фуражки, причемъ они по направленію къ затылку идутъ лучеобразно, а спереди расположены такъ, что между ними остается проборъ. На щекахъ и на подбородкѣ растетъ густая черная борода. Въ нижней части тѣла шерсть не такъ густа, какъ въ верхней; на хвостѣ же очень густые и длинные волосы. У старыхъ обезьянъ шерсть вообще черная, но на спинѣ черноватожелтая, а у молодыхъ она буроватосѣраго цвѣта. Впрочемъ цвѣтъ этихъ обезьянъ представляетъ разные оттѣнки.

Днемъ бородатая обезьяна кажется очень тихою и вялою; только въ сумерки и вечеромъ она выказываетъ нѣкоторую степень расторопности. Голосъ у нея довольно громкій и въ тихую ночь слышенъ на довольно значительномъ разстояніи.

Бородатая обезъяна.

Въ отношеніи къ сапажу бородатыя обезьяны играютъ страдательную роль, потому что первые нерѣдко сгоняютъ ихъ съ деревьевъ, отнимаютъ у нихъ собранный кормъ, а иногда даже колотятъ ихъ. Говорятъ, что когда эта обезъяна полагаетъ, что за нею никто не слѣдитъ, она подноситъ воду ко рту рукою, такъ какъ длинная борода мѣшаетъ ей пить прямо изъ рѣки. Она довольно сильна, дика и въ высшей степени раздражительна, а потому ее чрезвычайно трудно сдѣлать ручною. Свою свирѣпую природу она выказываетъ при малѣйшемъ поводѣ: въ гнѣвѣ скалитъ зубы и дѣлаетъ гримасы, а глаза ея сверкаютъ огнемъ. Когда ее раздражаютъ, она становится на заднія ноги, третъ себѣ кончикъ бороды и съ яростью прыгаетъ около своего непріятеля. Если въ это время держать передъ нею палку, она иногда со злости хватаетъ ее зубами и не выпускаетъ ее изо рта. Индѣйцы ѣдятъ ея мясо.

Бѣлоголовый сакисъ.

Pithecia leucocephala. — Der weiszköpfige Sshweifaffe.

У старыхъ самцевъ все тѣло чернаго цвѣта, только передніе члены нѣсколько свѣтлѣе, а на передней части головы волосы короткіе и бѣлаго цвѣта; шерсть по срединѣ лба черная, по краямъ бѣлая, на подбородкѣ бѣлая и длинная, такъ что образуетъ нѣчто въ родѣ бороды. У самокъ въ верхней части тѣла и по бокамъ шерсть бурочерная, но кончики волосъ желтые; въ нижней же части тѣла она имѣетъ цвѣтъ свѣтлокрасной ржавчины. Молодыя обезъяны цвѣтомъ кожи похожи на матерей. Шерсть у нихъ вообще длинная и грубая, но въ нижней части тѣла и на переднихъ членахъ она тонка и рѣдка.

Бѣлоголовый сакисъ водится больше на кустарникахъ, чѣмъ на высокихъ деревьяхъ. Въ пищу онъ употребляетъ ягоды, плоды и медовые соты. Самки приносятъ каждый разъ по одному маленькому и долго носятъ его на спинѣ. Точныхъ наблюденій надъ образомъ жизни этой обезъяны до сихъ поръ еще не сдѣлано.

Бѣлоголовый сакисъ.

Черноголовый сакисъ.

Pithecia melanocephala.—Der schwarzköpfige Schweifaffe.

О жизни этой обезъяны намъ также очень мало извѣстно. Длина ея около восемнадцати дюймовъ, а вмѣстѣ съ хвостомъ около двухъ футовъ. Шерсть у нея густая и гладкая, по бокамъ длинная, а на животѣ очень тонкая. Борода рѣдкая. Хвостъ длинный и короткій, съ тупою кистью на концѣ. Пальцы длинные и здоровые. На спинѣ шерсть сѣровато-желтая, на ягодицахъ красная какъ ржавчина, а на ногахъ черная. Волосы на головѣ, точно также какъ и безволосое лице, блестящаго чернаго цвѣта.

Черноголовые сакисы водятся небольшими шайками на берегахъ рѣкъ, гдѣ они отъ времени до времени издаютъ непріятные звуки. Въ плѣну они оказываются прожорливыми и тупоумными, но въ то же время добрыми, терпѣливыми и весьма робкими животными. Гумбольдъ разсказываетъ объ одной обезъянѣ этого вида, которую онъ долго держалъ у себя, что когда ее раздражали, она всегда страннымъ образомъ открывала ротъ, дѣлала какія-то особенныя гримасы и

Черноголовый сакисъ.

затѣмъ начинала громко смѣяться. Въ движеніяхъ своихъ она была очень неповоротлива, а при видѣ крокодила или змѣи дрожала всѣмъ тѣломъ.

Родина черноголоваго сакиса сѣверозападная часть Бразиліи, лежащая по ту сторону рѣки Амазонки, гдѣ онъ особенно часто попадается въ лѣсахъ, которые растутъ по берегамъ рѣкъ, орошающихъ Новую-Гренаду и Экуадоръ.

Въ Европу до сихъ поръ привезли, кажется, только одного черноголоваго сакиса.

НОЧНЫЯ ОБЕЗЪЯНЫ ИЛИ ДУРУКУЛИ.

Nyctipithecus. — Nachtaffen.

Эта замѣчательная порода обезьянъ образуетъ нѣкоторымъ образомъ переходъ къ полуобезъянамъ, которыя также бодрствуютъ только по ночамъ и которыя вообще во многомъ сходствуютъ съ ночными обезьянами. Послѣднія отличаются отъ всѣхъ другихъ своею маленькою, кругловатою головою и большими глазами, которые нѣсколько смахиваютъ на совиные. Рыло у нихъ мало выдается впередъ, но оно широко и значительнаго объема; ноздри обращены книзу, какъ у человѣка; уши маленькія. Тѣло у нихъ стройное, животъ тонкій, а шерсть на нихъ мягкая. Хвостъ длинный и волосы на немъ густые.

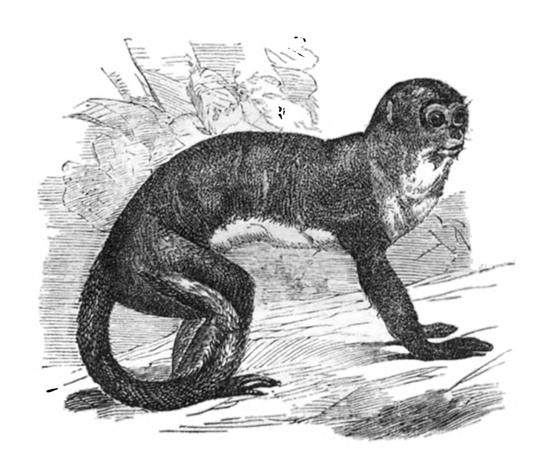
Обезъяны, принадлежащія къ этой породѣ, водятся въ Бразиліи и сосѣднихъ странахъ, а такъ какъ всѣ онѣ ведутъ совершенно одинаковый образъ жизни, то мы можемъ ограничиться описаніемъ только одного вида, а именно мирикины.

Мирикина.

Nyctipithecus trivirgatus. — Der Mirikina.

Длина этой обезъяны равняется тринадцати, а длина хвоста ея восемнадцати дюймамъ. Шерсть у нея тонкая, мягкая и нѣжная и притомъ въ верхней части тѣла сѣробураго, а кончикъ хвоста черного цвѣта. На макушкѣ у нея находятся три совершенно равныя и паралельно идущія черныя полосы, а отъ затылка до корня хвоста тянется широкая, свѣтложелтоватобурая полоса. Въ цвѣтѣ шерсти между самцами и самками нѣтъ никакого различія.

По увѣреніямъ Ренгера мирикина водится только на правомъ берегу рѣки Парагвая до 25 градуса южной широты. На лѣвомъ же берегу, никто не встрѣчалъ этой обезъяны. О жизни ея на свободѣ извѣстно очень мало. Она все время проводитъ на деревьяхъ, на которыхъ по ночамъ отыскиваетъ себѣ кормъ, а подъ утро забирается въ дупло и тамъ цѣлый день предается сну. Однажды люди упомянутаго естествоиспытателя увидали въ одномъ деревѣ пару мирикинъ; испуганныя обезъяны пустились было бѣжать, однако солнеч-

Мирикина.

ный свѣтъ производилъ на нихъ такое ослѣпительное дѣйствіе, что онѣ не только не могли сдѣлать ни одного вѣрнаго прыжка, но даже не въ состояніи были свободно лазать. Оттого ихъ сейчасъ же поймали, не смотря на то, что онѣ оборонялись своими острыми зубами. Ложе ихъ было устроено изъ листьевъ и выстланно древеснымъ мохомъ, изъ чего можно заключить, что эта обезъяна остается на одномъ и томъ же мѣстѣ и имѣетъ постоянный ночлегъ. Живутъ онѣ всегда только попарно, большихъ же шаекъ никогда не встрѣчали. По словамъ охотниковъ, самки ражаютъ обыкновенно въ лѣтніе мѣсяцы и всегда только по одному дѣтенышу, котораго онѣ сначала носятъ у груди, а потомъ на спинѣ.

Молодыхъ мирикинъ легко укрощать и дѣлать ручными, старыя же, напротивъ того, никогда не привыкаютъ къ людямъ и постоянно кусаются. При тщательномъ уходѣ за ними онѣ довольно долго могутъ жить въ плѣну, при несоблюденіи же опрятности онѣ очень скоро гибнутъ. Держать ихъ нужно въ просторной клѣткѣ или въ комнатѣ, но только не на привязи, потому что онѣ всегда запутываются въ веревку. Днемъ онѣ обыкновенно забираются въ самыя темныя мѣста своего жилища и укладываются спать. Когда ихъ будятъ, онѣ тотчасъ же опять засыпаютъ, если только имъ не мѣшаютъ приглаживаніемъ или другими ласками. При дневномъ свѣтѣ онѣ не могутъ различать предметовъ, и зрачки у нихъ едва замѣтны, а когда ихъ вдругъ переносятъ изъ темнаго мѣста въ свѣтлое, онѣ начинаютъ дѣлать гримасы и испускать жалобные крики, свидѣтельствующіе о болѣзненномъ впечатлѣніи, которое производитъ на нихъ солнечный свѣтъ. При наступленіи же сумерекъ, онѣ просыпаются, и по мѣрѣ того какъ убываетъ свѣтъ, зрачки у нихъ все болѣе

и болѣе расширяются, такъ что когда дѣлается совершенно темно, глаза у нихъ начинаютъ сверкать какъ у кошекъ и совъ, и тогда онѣ отправляются искать себѣ кормъ, причемъ движенія ихъ очень ловки. По землѣ имъ ходить, правда, не очень-то ловко, такъ какъ задніе члены у нихъ длиннѣе переднихъ; но за то онѣ превосходно лазаютъ и прыгаютъ. Ренгеръ иногда давалъ своей плѣнной мирикинѣ свободу, и въ свѣтлыя ночи пускалъ ее въ садъ, гдѣ росли померанцевыя деревья: въ такихъ случаяхъ она всегда такъ проворно перескакивала съ одного дерева на другое, что поймать ее не было рѣшительно никакой возможности; чтобы поймать ее, нужно было ждать слѣдующаго утра, когда мирикина, ослѣпленная солнечнымъ свѣтомъ, по-неволѣ спокойно сидѣла между густыми вѣтвями какого-либо дерева. Во время такихъ ночныхъ прогулокъ она зачастую ловила птичекъ, спавшихъ на суку. Другія мирикины, которыхъ наблюдалъ Ренгеръ, чрезвычайно ловко ловили по ночамъ разныхъ насѣкомыхъ.

Ночью мирикина часто издаетъ сильный глухой звукъ, который она повторяетъ нѣсколько разъ. Гнѣвъ свой она выражаетъ повторенными звуками *грр*, *грр*.

Слухъ у мирикины, по видимому, очень развитъ, потому что при каждомъ малѣйшемъ шумѣ она тотчасъ же напрягаетъ свое вниманіе. Умственныя способности этой обезъяны незначительны; она никогда не узнаетъ своего хозяина, никогда не слушается его и остается совершенно равнодушною къ его ласкамъ. Она даже при удовлетвореніи собственныхъ нуждъ и страстей никогда ничего такого не дѣлаетъ, изъ чего бы можно было заключить, что она обладаетъ нѣкоторымъ умомъ. Все, что Ренгеръ могъ замѣтить у этихъ

обезьянъ, это сильная привязанность, которую чувствуютъ другъ къ другу самцы и самки. По смерти одной обезьяны другая скоро погибаетъ отъ грусти.

Мирикина очень любитъ свободу и оттого постоянно норовитъ бѣжать изъ плѣна, хотя бы даже она находилась въ немъ уже съ самой молодости.

Искуственный свѣтъ также не выносимъ для этой обезъяны. Она ѣстъ все, но особенно любитъ молодыхъ птицъ.

Кожа и мясо этой обезъяны употребляются только дикими индѣйцами.

Въ Европу всего одинъ разъ привозили живую мирикину, которую въ 1861 г. показывали въ Лондонѣ въ Риджентсъ-паркѣ.

---

*

КОГТЕНОСНЫЯ ОБЕЗЪЯНЫ.

Arctopitheci. — *Krallenaffen.*

Обезъяны этой породы отличаются отъ всѣхъ другихъ преимущественно тѣмъ, что у нихъ одни большіе пальцы, и то только заднихъ членовъ, снабжены плоскими ногтями, на всѣхъ же другихъ пальцахъ у нихъ настоящіе когти, такъ что члены этихъ обезъянъ можно назвать лапами. Онѣ вообще сильно напоминаютъ собою породу бѣлокъ, съ которыми онѣ имѣютъ большое сходство и въ образѣ жизни. Такъ какъ у нихъ большіе пальцы переднихъ членовъ не сходятся съ прочими пальцами, то онѣ ничего не могутъ держать въ рукахъ, какъ это дѣлаютъ другія обезъяны. Числомъ зубовъ онѣ также отличаются отъ другихъ южноамериканскихъ обезъянъ, потому что у тѣхъ по три жевательные зуба, а у нихъ только по два.

Голова у этихъ миловидныхъ, небольшихъ обезъянъ кругловатая, лице короткое и плоское, глаза маленькіе, а уши длинныя. Тѣло стройное, хвостъ длинный и пушистый, а шерсть мягкая и шелковистая. У иныхъ около ушей растутъ еще отдѣльные пучки волосъ.

Всѣ обезъяны этой породы водятся въ самыхъ густыхъ лѣсахъ южной Америки; только нѣкоторые виды встрѣчаются въ песчаныхъ равнинахъ, поросшихъ кустарниками. При извѣстныхъ обстоятельствахъ онѣ, подобно бѣлкамъ, перебираются изъ одной мѣстности въ другую. Онѣ чрезвычайно проворно лазаютъ по деревьямъ и постоянно живутъ довольно многочисленными шайками. Днемъ онѣ живы и веселы, а ночью спятъ въ дуплахъ. Нерѣдко онѣ собираются въ кучу и обвиваютъ другъ друга своими хвостами.

Когтеносныя обезъяны всегда ходятъ только на четверенькахъ. Въ пищу онѣ употребляютъ плоды, насѣкомыхъ, пауковъ, также сѣмена, птичьи яйца, листья и пр.

Своимъ образомъ жизни онѣ болѣе походятъ на бѣлокъ, чѣмъ на обезъянъ. Онѣ очень робки и боязливы и постоянно должны остерегаться хищныхъ животныхъ, потому что послѣднія часто охотятся за ними. При малѣйшемъ шумѣ онѣ съ быстротою молніи забираются на вершину деревьевъ и прячутся тамъ между густыми листьями. Пойманныя обезъяны сильно и упорно кусаются. Въ гнѣвѣ онѣ обыкновенно скалятъ зубы, причемъ у нихъ волосы на головѣ становятся дыбомъ. Людямъ онѣ нравятся болѣе своею наружностью, чѣмъ понятливостью. Онѣ легко дѣлаются ручными, довѣрчивыми и скоро привыкаютъ къ прислужникамъ своимъ, но оказываются чрезвычайно чувствительными какъ въ нравственномъ, такъ и тѣлесномъ отношеніи.

Самки ражаютъ одного, двухъ и даже трехъ дѣтенышей, которыхъ всегда таскаютъ съ собою, держа ихъ частью на спинѣ, частью на животѣ. Въ то время, когда одинъ изъ дѣтенышей сосетъ грудь, другой сидитъ у матери на спинѣ. Самцы также участвуютъ въ воспитаніи своихъ дѣтенышей,

по крайней мѣрѣ они помогаютъ самкамъ носить ихъ. Дѣтеныши тѣхъ обезъянъ, у которыхъ на ушахъ есть отдѣльные пучки волосъ, прицѣпляются обыкновенно за эти пучки.

Днемъ онѣ постоянно должны заботиться о своей безопасности, потому что хищныя птицы, особенно орелъ и соколъ, безпрестанно истребляютъ ихъ. Индѣйцы же ловятъ ихъ только для того, чтобы держать эту красивую обезъяну у себя дома.

Когтеносныхъ обезъянъ раздѣляютъ на два главные вида: *обыкновенныя игрунки* (*hapale s. Iacchus*) и *рыжехвостыя игрунки* (*midas*). Первыя отличаются очень длиннымъ и пушистымъ хвостомъ и отдѣльными пучками волосъ, которые у нихъ растутъ на ушахъ; рыжехвостыя же игрунки такихъ пучковъ не имѣютъ, но за то у большей части изъ нихъ довольно большая грива.

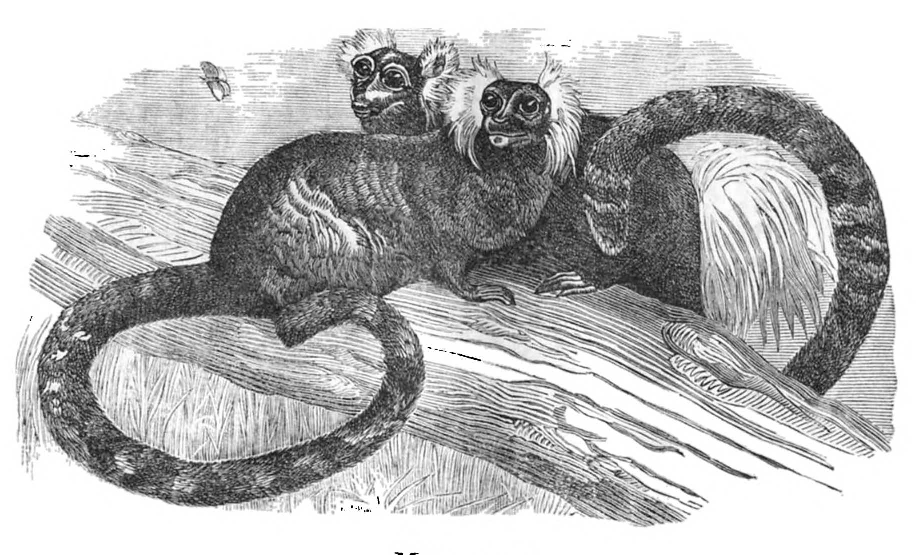
———

Мармосетъ или **Уистити**.

Iacchus vulgaris.—Das Weiszohr oder der Marmoset.

Изъ обыкновенныхъ игрунокъ болѣе извѣстенъ уистити. Эта маленькая обезъяна длиною всего восемь дюймовъ съ половиною, а хвостъ ея равняется тринадцати дюймамъ. Тѣлосложеніе ея очень красивое, но тѣмъ не менѣе довольно крѣпкое. Шерсть у нея длинная и мягкая. Волосы у самаго корня черноватаго, нѣсколько выше желтоватаго, затѣмъ опять чернаго и наконецъ на верхушкѣ бѣловатаго цвѣта. Трехугольное бѣловатое пятно на лбу и ушный пучекъ снѣжнобѣлыхъ волосъ рѣзко отличаются отъ темнобурыхъ частей всей остальной головы. Хвостъ черный, но на немъ около двадцати узкихъ бѣловатыхъ колецъ и бѣлый кончикъ.

Мармосеты водятся, большими массами, только въ среднихъ мѣстностяхъ восточнаго края Бразиліи, и нерѣдко попадаются также близъ городовъ и деревень. Они постоянно живутъ на деревьяхъ и лазаютъ и прыгаютъ по нимъ, почти также проворно, какъ бѣлки, отъ которыхъ они вообще мало отличаются образомъ жизни. Днемъ они безпрестанно суетятся, а ночью остаются тихо и спокойно на одномъ мѣстѣ. Они

Мармосеты.

рѣдко сидятъ въ отвѣсномъ положеніи, а большею частью лежатъ на сукахъ, подобно бѣлкамъ. Иногда мармосеты небольшими шайками съ громкимъ свистомъ и шипѣніемъ забираются на засѣянныя поля. Самки приносятъ большею частью двухъ или трехъ дѣтенышей, изъ которыхъ онѣ однакожъ воспитываютъ обыкновенно только одного.

Къ холоду и сырости мармосеты очень чувствительны, но не смотря на то ихъ часто удавалось привозить въ Европу живыхъ. Они намъ извѣстны уже со временъ открытія Америки, и съ тѣхъ поръ ихъ постоянно ловятъ и держатъ въ домахъ для забавы, тѣмъ болѣе, что они скоро дѣлаются ручными, а кормить ихъ также очень не трудно, потому что они ѣдятъ фрукты, зелень, насѣкомыхъ, улитокъ и рыбъ.

Къ своимъ хозяевамъ и прислужникамъ они всегда очень довѣрчивы; но при видѣ незнакомыхъ лицъ прячутся или дѣлаются раздражительными и упрямыми, словомъ, ведутъ себя какъ избалованныя дѣти. Неудовольствіе свое они всегда выражаютъ свистомъ. Они до такой степени трусливы, что чувствуютъ сильный страхъ даже при видѣ летающей около нихъ осы; они вообще пугаются всякаго необыкновеннаго для нихъ явленія. Старыя обезьяны, въ началѣ своего плѣненія, обыкновенно дичатся, и всегда кричатъ, когда кто нибудь приближается къ нимъ. Но мало по малу онѣ дѣлаются ручными, и тогда привязываются не только къ людямъ, но и къ домашнимъ животнымъ, особенно же къ кошкамъ, съ которыми онѣ всегда охотно играютъ и даже вмѣстѣ спятъ, вѣроятно потому, что около нихъ имъ теплѣе. Мармосеты вообще постоянно принимаютъ мѣры для предохраненія себя отъ холода: всякій попадающійся имъ на глаза кусокъ хлопчатой бумаги, всякую тряпочку, какъ холщевую, такъ и

шерстяную, они тотчасъ же подбираютъ и тащатъ къ себѣ въ клѣтку, чтобы изготовлять изъ нихъ для себя теплое ложе.

Очень пріятно видѣть, когда эта миленькая обезъяна высовываетъ изъ клѣтки свою красивенькую головку, чтобы привѣтствовать знакомаго, приносящаго ей лакомства. Своего ложа мармосеты никогда не пачкаютъ испражненіями.

Въ Парижѣ одна самка, послѣ семимѣсячной беременности, принесла трехъ дѣтенышей съ открытыми глазами, а именно двухъ самокъ и одного самца. Эти молодыя обезъяны, у которыхъ волосы были очень коротенькіе и сѣроватаго цвѣта, тотчасъ послѣ рожденія прицѣпились къ матери и спрятались въ ея шерсть. Но прежде, чѣмъ онѣ начали сосать грудь, мать откусила у одного изъ своихъ дѣтенышей голову и съѣла ее; остальнымъ же двумъ она начала давать грудь и оказывать нужное попеченіе. Когда она уставала носить ихъ, она съ жалобнымъ визгомъ приближалась къ самцу, какъ бы прося его взять отъ нея дѣтенышей, и тотъ никогда не отказывался отъ этой услуги, а всегда безропотно бралъ маленькихъ обезъянъ къ себѣ на спину и держалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не наступало время, когда имъ нужно было давать грудь; тогда онъ возвращалъ ихъ матери. Въ попеченіи о дѣтенышахъ самецъ выказывалъ вообще больше рвенія, чѣмъ мать, и вѣроятно вслѣдствіе того маленькія обезъяны жили не долго. Уже спустя нѣсколько недѣль мать начала уставать, и потому не могла болѣе таскать своихъ питомцевъ, а мучимый отецъ также началъ отказываться отъ этой обязанности.

Старые уистити выказываютъ очень мало ума, но они чрезвычайно недовѣрчивы и на все обращаютъ вниманіе. Они

перестаютъ различать окружающихъ ихъ лицъ, даже не узнаютъ своихъ прислужниковъ.

У насъ въ Европѣ эти красивыя животныя не могутъ долго жить; обыкновенно они выдерживаютъ только года два или три, и то лишь при самомъ тщательномъ уходѣ за ними. На родинѣ же своей плѣнные уистити сохраняются гораздо долѣе, а когда одни погибаютъ, то весьма не трудно достать другихъ; для этого стоитъ только застрѣлить самку и взять съ собою ея дѣтенышей, которые въ нѣсколько же дней привыкаютъ къ своему новому покровителю.

Русохвостыя игрунки.

Midas.—Der Binche oder rothschwänzige Midas.

Всѣ виды русохвостыхъ игрунокъ представляютъ маленькихъ, но очень миленькихъ обезъянъ, изъ которыхъ иныя бываютъ всего шести дюймовъ длиною, но хвостъ вдвое длиннѣе тѣла. Шерсть у этихъ обезъянъ очень различнаго цвѣта; у иныхъ одна половина хвоста красноватаго цвѣта, а другая чернаго.

Краснохвостыя игрунки водятся въ Гвіанѣ и Бразиліи, гдѣ онѣ живутъ маленькими шайками (рѣдко отдѣльно) какъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, такъ и на песчанныхъ равнинахъ, поросшихъ кустарниками. Однакожъ особенно много ихъ нигдѣ не бываетъ. Въ пищу онѣ употребляютъ растительныя вещества, но преимущественно насѣкомыхъ.

Всѣ эти маленькія обезъяны очень живы и проворны не только на деревьяхъ, но и на землѣ. Онѣ могутъ дѣлать довольно значительные прыжки съ одного сука на другой, а также сверху внизъ. Онѣ также очень пугливы и при видѣ чего нибудь необыкновеннаго тотчасъ же обращаются въ бѣгство или прячутся въ густыхъ вѣтвяхъ. При внутреннемъ

Русохвостая игрунка.

волненіи у нихъ грива всегда приподымается кверху. Онѣ вообще миролюбивыя и добродушныя обезьяны, но когда ихъ пугаютъ, онѣ скалятъ зубы и дѣлаютъ, какъ будто хотятъ укусить.

У насъ эти игрунки обыкновенно живутъ очень не долго, особенно, когда онѣ остаются однѣ, безъ товарищей. Если изъ двухъ обезьянъ, живущихъ вмѣстѣ, одна погибаетъ, то за нею весьма скоро слѣдуетъ и другая. Онѣ, правда, довѣрчивы къ своимъ прислужникамъ, но никогда не выказываютъ имъ ни искренней привязанности, ни благодарности. Какъ и всѣ другія млекопитающія животныя, онѣ очень неравнодушны къ ласкамъ, однако сами никогда не отплачиваютъ тою же любезностью. Къ незнакомымъ онѣ чрезвычайно недовѣрчивы и при приближеніи ихъ тотчасъ же начинаютъ огрызаться, что впрочемъ нисколько не опасно, потому что зубы у нихъ маленькіе и слабые. Онѣ вообще безвредныя животныя, но за то отъ нихъ нѣтъ и никакой пользы, потому что тѣло ихъ слишкомъ маленькое, чтобы могло служить для пищи, а кожа у нихъ до того нѣжная, что ею вовсе нельзя пользоваться.

ПОЛУОБЕЗЪЯНЫ.

Hemipitheci s. prosimii.—Die Halbaffen oder Aeffer.

Обезъяны этого класса составляютъ переходъ отъ настоящихъ обезъянъ къ рукокрылымъ животнымъ, извѣстнымъ въ общежитіи подъ названіемъ летучихъ мышей. Къ первымъ онѣ подходятъ формами своихъ четырехъ членовъ, а къ послѣднимъ особенною летательною перепонкою, которою отличается одинъ видъ полуобезъянъ. Впрочемъ какъ съ обезъянами, такъ и съ рукокрылыми животными у нихъ вообще немного общаго. Тѣломъ онѣ худощавы; голова ихъ, рыломъ своимъ, нѣсколько смахиваетъ на лисью; задніе члены обыкновенно длиннѣе переднихъ, и какъ тѣ, такъ и другіе снабжены ручными кистями, т. е. большой палецъ можетъ приближаться къ каждому изъ другихъ пальцевъ и слѣдовательно могутъ держать захваченные предметы; на всѣхъ пальцахъ, за исключеніемъ указательнаго пальца заднихъ членовъ, ногти плоскіе; только у одного вида они снабжены настоящими когтями. Хвостъ у нихъ различной длины, но онъ не можетъ имъ служить для захватыванія предметовъ. Уши у многихъ видовъ довольно значительной величины, но

глаза у всѣхъ большіе, какъ это необходимо для ихъ образа жизни, потому что они бодрствуютъ обыкновенно только по ночамъ. Шерсть у нихъ мягкая и густая. Число и форма зубовъ не у всѣхъ видовъ этихъ обезъянъ одинаковы. Языкъ ихъ имѣетъ особый придатокъ, который называется *подъязычникомъ*. Величина полуобезъянъ вообще незначительна.

Въ древности полуобезъянъ, по видимому, вовсе не было. Въ настоящее время ихъ встрѣчаютъ въ Африкѣ, преимущественно на восточныхъ островахъ, и на большихъ островахъ южной Азіи. Число видовъ этой породы обезъянъ не велико, и всѣ онѣ принадлежатъ къ чисто ночнымъ животнымъ, потому что онѣ цѣлый день спятъ, а суетиться начинаютъ только съ наступленіемъ ночи. Живутъ онѣ постоянно на деревьяхъ, по которымъ лазятъ всегда увѣренно, но большею частью медленно и такъ тихо, что ихъ почти никогда не слыхать. На свободѣ онѣ питаются преимущественно маленькими позвоночными животными и насѣкомыми; въ плѣну же, какъ и настоящія обезъяны, весьма скоро привыкаютъ ко всякой другой пищѣ. Онѣ легко дѣлаются ручными и довѣрчивыми, и въ плѣну всегда оказываются чистоплотными и добрыми животными, такъ что ихъ можно держать даже въ комнатѣ, точно также какъ кошекъ и собакъ. На родинѣ своей онѣ не приносятъ ни вреда, ни пользы, а потому туземные жители не обращаютъ на нихъ особеннаго вниманія; это вѣроятно и главная причина, почему еще такъ мало знаютъ ихъ образъ жизни на свободѣ. До сихъ поръ наблюденія сдѣланы только надъ плѣнными полуобезъянами. Впрочемъ всѣ онѣ, по видимому, ведутъ почти одинаковый образъ жизни.

КОРОТКОНОГІЯ ПОЛУОБЕЗЪЯНЫ.

Brachytarsi.—Die Kurzfüszer.

Коротконогія полуобезъяны отличаются слѣдующими признаками: на всѣхъ четырехъ членахъ по пяти пальцевъ, и большой палецъ можетъ по произволу сближаться со всѣми прочими пальцами. На всѣхъ пальцахъ, какъ переднихъ, такъ и заднихъ членовъ, ногти плоскіе, и только указательные пальцы заднихъ членовъ снабжены когтями. Бедра у этихъ полуобезъянъ короче голеней. Голова длинная, потому что рыло у нихъ продолговатое, какъ у лисицъ; уши маленькія, но глаза большіе. Относительно величины, коротконогія полуобезъяны занимаютъ средину между бѣлкою и кошкою.

За исключеніемъ одного вида, который водится въ Индіи, всѣ принадлежащія къ этой породѣ полуобезъяны живутъ на островѣ Мадагаскарѣ (въ южной Африкѣ), гдѣ они попадаются большими или маленькими шайками, въ густыхъ лѣсахъ, преимущественно на деревьяхъ, Днемъ онѣ спятъ въ самыхъ темныхъ мѣстахъ лѣса или въ дуплахъ, и при этомъ принимаютъ довольно странныя положенія: или онѣ,

крѣпко обнявши другъ друга, садятся на ягодицы и потомъ наклоняются впередъ такъ, чтобы головѣ приходилось лежать между передними членами, а хвостомъ обвиваютъ какъ голову, такъ и плечи; или же свертываются въ кольца и ложатся другъ подлѣ друга, или наконецъ, одна ложится въ кольце, образуемое другою, причемъ обѣ закрываются своими хвостами.

Сонъ коротконогихъ полуобезъянъ чрезвычайно чуткій, такъ что ихъ можетъ разбудить не только жужжаніе пролетающей мимо нихъ мухи, но даже ползаніе жука. Дневнаго свѣта онѣ не могутъ выносить, а потому жизнь для нихъ начинается только съ наступленіемъ сумерекъ. Какъ только солнце скроется за горизонтъ, онѣ просыпаются и начинаютъ чистить себѣ кожу, издавать довольно громкіе, но непріятные звуки и отыскивать себѣ кормъ, путешествуя съ одной вѣтви на другую. Большіе, круглые глаза ихъ сверкаютъ въ темнотѣ, какъ два огненные шара, и только по этимъ двумъ свѣтиламъ ихъ можно узнать въ темнотѣ ночи, такъ какъ шерсть у нихъ темная, а бѣлый животъ скрывается за вѣтвями; притомъ же онѣ ходятъ медленно и осторожно, безъ всякаго шума.

Горе безпечно спящей птицѣ, если она попадается на глаза бродящей полуобезъянѣ, потому что послѣдняя безъ всякаго шума, почти безъ видимаго движенія, постепенно подкрадывается къ своей добычѣ, чрезвычайно осторожно и тихо протягиваетъ руку и затѣмъ съ быстротою молніи хватаетъ спящую птицу и, задушивъ ее, съѣдаетъ съ неимовѣрною жадностью. Молодыхъ птенцевъ и яйца она также охотно ѣстъ; ей вообще больше нравится мясная пища, но она не отказывается и отъ растительныхъ веществъ.

Длиннохвостыя полуобезъяны этой породы живѣе и проворнѣе короткохвостыхъ и безхвостыхъ. И тѣ, и другія постоянно ходятъ на четвереелькахъ.

Существованіе ихъ обусловливается равномѣрною, но довольно высокою температурою. Плѣнныя полуобезъяны обнаруживаютъ свое неудовольствіе преимущественно только тогда, когда имъ холодно, или когда имъ мѣшаютъ спать. Когда онѣ довольны, онѣ мурлычатъ какъ кошки.

Умственныя способности ихъ незначительны. Почти всѣ онѣ болѣе или менѣе робки и пугливы, хотя храбро защищаются въ то время, когда ихъ ловятъ. Привыкнувъ къ человѣку, онѣ, правда, начинаютъ выказывать ему больше довѣрія, даже дѣлаются кроткими и добродушными, но рѣдко утрачиваютъ свою природную боязливость. Безхвостыя полуобезъяны тихи, почти унылы и любятъ покой. Самки носятъ плодъ своей любви около четырехъ мѣсяцевъ и ражаютъ обыкновенно по одному дѣтенышу, котораго долго таскаютъ съ собою на спинѣ.

Къ коротконогимъ полуобезъянамъ принадлежитъ также весьма замѣчательный *индри* (*lichanotus brevicaudatus*), который живетъ на островѣ Мадагаскарѣ и у котораго голова почти трехугольная, рыло короткое, члены длинные, а хвостъ очень коротенькій.

Индри самая большая изъ всѣхъ полуобезъянъ: она вообще имѣетъ два фута въ длину, а хвостъ ея только одинъ дюймъ. Тѣло у нея болѣе стройное, чѣмъ дородное; шерсть красивая, мягкая и густая; лице почти совсѣмъ безъ волосъ. Лобъ, виски, нижняя часть шеи, грудь, крестцовая область, хвостъ, бедра и бока бѣлаго цвѣта, а уши, затылокъ, плечи и руки черные.

*

Индри очень кроткая обезъяна, а потому легко дѣлается ручною. Въ южныхъ частяхъ острова Мадагаскара туземные жители съ самой молодости пріучають его къ охотѣ, какъ собакъ. Крикъ его напоминаетъ плачъ ребенка. Онъ очень ловко прыгаетъ съ одного дерева на другое и притомъ съ такою быстротою, что даже трудно слѣдить за нимъ глазами. Пищу свою, которая состоитъ преимущественно изъ плодовъ, онъ кладетъ въ ротъ руками и сидитъ во время ѣды въ отвѣсномъ положеніи, подобно бѣлкамъ.

Коронатый макисъ.

Propithecus diadema. - Der Vlieszmaki.

Изъ всѣхъ полуобезъянъ коронатый *макисъ* безспорно самая замѣчательная. Тѣло у него стройное и красивое, длина его равняется двадцати одному дюйму, а хвостъ семнадцати дюймамъ. Заднія члены вдвое длиннѣе переднихъ. Шерсть длинная, блестящая, волнообразная, мягкая какъ шелкъ, и довольно пестрая. Лице и руки почти безъ волосъ, но непосредственно надъ глазами уже растетъ шерсть. На лбу въ видѣ короны красуется желтоватобѣлая полоса, которая, нѣсколько съуживаясь, идетъ по обѣимъ сторонамъ подъ ушами до самой шеи; голова и шея чернаго цвѣта, точно также плечи и бока, которые однакожъ испещрены бѣлыми крапинками; нижняя часть тѣла совершенно бѣлая, корень хвоста красножелтый, а остальная часть также бѣлаго цвѣта, но съ желтоватымъ отливомъ; руки у нихъ черныя, а на пальцахъ длинные красножелтые пучки волосъ.

Объ образѣ жизни этой красивой полуобезъяны мы до сихъ поръ еще ничего не знаемъ.

Коронатый макисъ.

МАКИСЫ ИЛИ ЛЕМУРЫ.

Lemur. — Die Lemure oder Makis.

Къ коротконогимъ полуобезъянамъ принадлежатъ также *лемуры* или *макисы*, которые въ лѣсахъ Мадагаскара живутъ шайками, состоящими изъ тридцати до пятидесяти штукъ, и проворно лазаютъ по деревьямъ; иногда ихъ встрѣчаютъ и на утесахъ. Днемъ они большею частью прячутся отъ солнечныхъ лучей и только иногда выходятъ изъ своихъ убѣжищъ для того, чтобы согрѣться на солнцѣ. При наступленіи ночи они оживляются и своимъ крикомъ производятъ страшный шумъ.

Относительно умственныхъ способностей лемуры стоятъ нисколько не выше другихъ полуобезъянъ; но тѣмъ не менѣе они очень пріятныя животныя. Они обыкновенно кротки и нѣжны; но нѣкоторые изъ нихъ дичатся, упрямятся и даже кусаются. Они любятъ, чтобы ихъ ласкали, но сами ни къ кому не выказываютъ особенной привязанности, ни даже къ прислужникамъ своимъ.

Нѣкоторые лемуры часто привозятся въ Европу и долго живутъ въ плѣну. Такъ, напр. одинъ *вари* жилъ въ Па-

Вари.

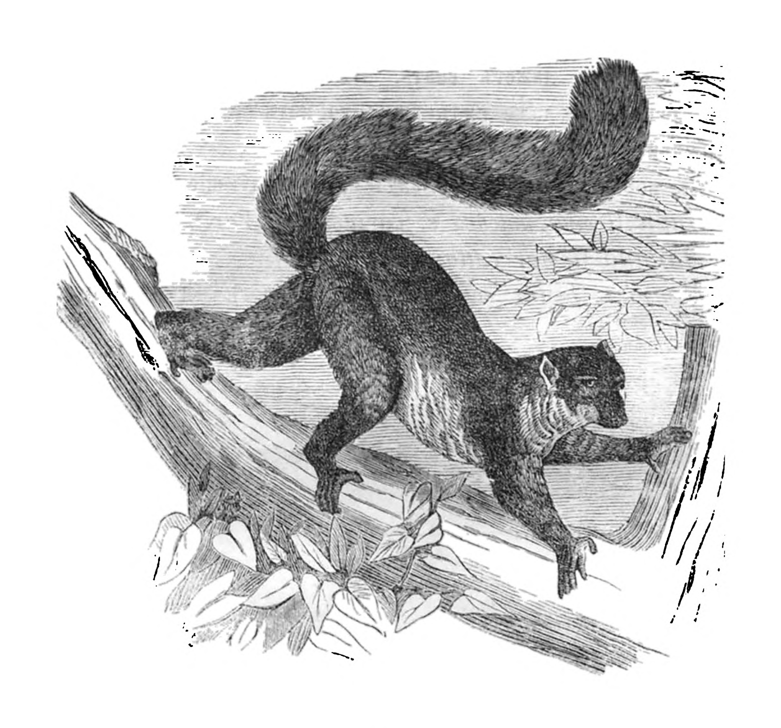

Макако.

рижѣ девятнадцать лѣтъ. Большею частью они скоро дѣлаются ручными и добродушными; содержать ихъ также не трудно, потому что они скоро привыкаютъ ко всякаго рода пищѣ. Кормъ они обыкновенно кладутъ въ ротъ руками: иные однакожъ берутъ его прямо ртомъ. Въ здоровомъ состояніи они мурлычатъ про себя какъ кошки, и подъ эту же музыку обыкновенно засыпаютъ.

У Бюфона былъ самецъ, который всѣхъ потѣшалъ своими быстрыми, ловкими и красивыми движеніями, но за то своими проказами и неопрятностью часто надоѣдалъ хозяину. Онъ нерѣдко забирался въ сосѣдніе домы и таскалъ оттуда сахаръ и фрукты, а при обстоятельствахъ, подобно вору, отпиралъ ящики, шкафы и даже двери. Чтобы отнять у него возможность дѣлать подобныя проказы, его привязали на веревку, но ему неоднократно удавалось освободиться, и тогда трудно было опять поймать его, потому что онъ каждый разъ огрызался даже на тѣхъ, которыхъ обыкновенно жаловалъ. Онъ охотно лизалъ руки у своего прислужника и своимъ жесткимъ и шершавымъ, какъ у кошки, языкомъ, доводилъ ихъ до красноты, послѣ чего вдругъ начиналъ кусаться. Онъ почти постоянно мурлыкалъ, но когда его оставляли одного, онъ отъ скуки начиналъ издавать звуки, походившіе на кваканіе лягушки. Холода и сырости онъ очень боялся, и потому зимою всегда больше вертѣлся около камина, а иногда даже подымался на задніе члены, чтобы передъ огнемъ погрѣть себѣ животъ.

Макисъ, который такъ долго жилъ въ Парижѣ, также очень любилъ теплоту, но въ противоположность обезьянѣ Бюфона, былъ очень опрятенъ и тщательно избѣгалъ всего, что могло марать его шерсть. Кромѣ того, онъ былъ

Монгозъ.

живъ, проворенъ и любопытенъ: онъ осматривалъ все, что ему попадалось на глаза, но при этомъ дѣло почти никогда не обходилось безъ того, чтобы онъ чего-нибудь не опрокинулъ, не разорвалъ или не испортилъ. Онъ обыкновенно былъ веселъ и любезенъ со всѣми, а подъ вечеръ всегда прежде съ полчаса попрыгаетъ и потанцуетъ, притомъ почти въ тактъ, и затѣмъ уже ляжетъ спать. Въ молодости онъ ѣлъ все безъ разбора и даже пилъ вино; но подъ старость сдѣлался разборчивѣе, умнѣе и спокойнѣе.

Къ породѣ лемуровъ принадлежатъ слѣдующіе виды:

Вари (*lemur macaco s. varius; der Vari*).

Макако (*lemur catta; der Macaco*).

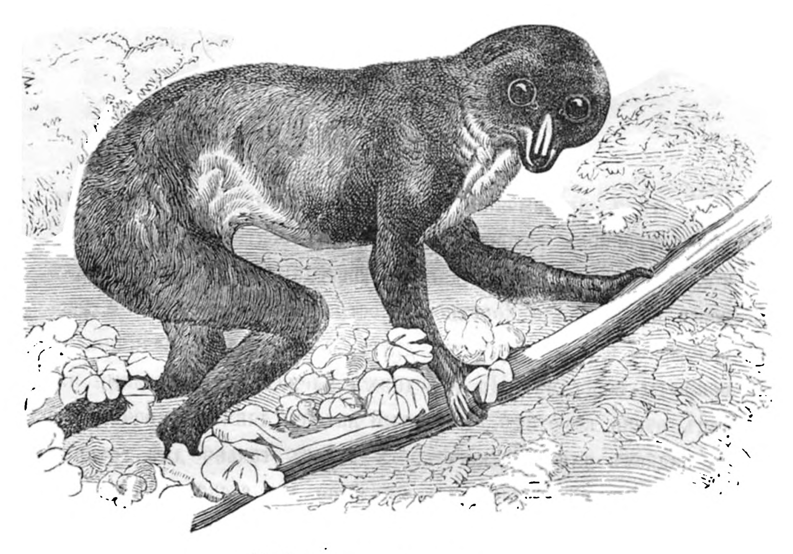
Монгозъ (*lemur mongoz; der Mongoz*),—и нѣкоторые другіе.

УЗКОЧЕЛЫ ИЛИ ЛОРИСЫ.

Stenops. — Die Loris.

У этихъ чрезвычайно вялыхъ и лѣнивыхъ полуобезъянъ тѣло стройное, голова большая, кругловатая, а члены тонкіе, и притомъ задніе длиннѣе переднихъ. Хвоста у нихъ вовсе нѣтъ, рыло короткое и острое; глаза большіе и расположены близко другъ къ другу. Уши средней величины и покрыты волосами. На переднихъ членахъ указательный палецъ очень коротокъ, четвертый палецъ длиннѣе прочихъ, а на заднемъ длинный коготь. У самокъ только двѣ грудныя железы, но на каждой изъ нихъ по два соска.

Лорисы водятся въ Индіи и на близлежащихъ островахъ. Какой образъ жизни они ведутъ на свободѣ, мы рѣшительно не знаемъ.

Худощавый лорисъ.

Бодрствующій и спящій худощавый лорисъ.

Худощавый лорисъ.

Stenops gracilis. *Der schlanke Lori.*

Эта чрезвычайно красивая полуобезъяна величиною своею едва равняется бѣлкѣ, потому что она всего около восьми дюймовъ длиною. Тѣло у нея стройное, глаза большіе, рыло острое, члены длинные и нѣжные, шерсть мягкая какъ шелкъ и частью красноватаго, частью сѣроватаго цвѣта. На стр. 286 худощавый лорисъ представленъ, для ясности, сравнительно въ большемъ видѣ, чѣмъ онъ оказывается въ натурѣ, а на стр. 287 изображены два худощавые лориса—одинъ спящій, а другой бодрствующій.

Тевангъ или **Неуклюжій лорисъ**.

Stenops tardigradus.—Der plumpe Lori.

Неуклюжій лорисъ водится въ лѣсахъ Индіи и на зондскихъ островахъ, особенно на островѣ Суматрѣ. Длина его футъ съ небольшимъ. Голова у него круглая, рыло тупое, но носъ не выдается надъ отверстіемъ рта; уши яйцеобразной формы и скрываются въ шерсти. Шерсть на лицѣ и на рукахъ тонкая и рѣдкая, а на остальномъ тѣлѣ густая и мягкая, почти войлокообразная; сверху она буроватожелтаго, снизу болѣе свѣтлаго, а снаружи красноватаго цвѣта; наконецъ вдоль спины идетъ бурая полоса.

Неуклюжіе лорисы живутъ маленькими шайками, которыя днемъ спятъ въ дуплахъ деревьевъ, а къ ночи просыпаются и начинаютъ пріискивать себѣ кормъ. Европейцамъ не удавалось еще наблюдать этой полуобезъяны на свободѣ; но они ее часто видѣли въ домахъ и даже нѣсколько разъ привозили въ Европу.

Этотъ лорисъ такъ тихо ходитъ, что въ минуту едва успѣваетъ пройти пространство въ четыре сажени. Чрезвычайно рѣдко случается, чтобы онъ дѣлалъ нѣсколько шаговъ

Теванкъ или неуклюжій лорисъ.

въ отвѣсномъ положеніи; онъ почти постоянно ходитъ на четверенькахъ и то очень медленно. При лазаніи онъ выказываетъ нѣсколько больше проворства. Свѣтъ производитъ на него очень непріятное дѣйствіе, за то ночью онъ видитъ превосходно, и глаза у него блестятъ. Слухъ у него такой тонкій, что даже насѣкомое не можетъ приблизиться къ нему безъ того, чтобы не разбудить его, когда онъ спитъ. Голосъ его напоминаетъ нѣжный свистъ, и онъ различенъ, смотря потому, выражаетъ ли онъ удовольствіе, боль, досаду или нетерпѣніе; въ гнѣвѣ онъ издаетъ пронзительные звуки.

Одинъ изъ плѣнныхъ лорисовъ сначала кусалъ своего прислужника, но когда его нѣсколько разъ за это наказывали, онъ исправился и началъ удерживать порывы своего гнѣва. Если его кто-нибудь гладилъ, онъ бралъ ласкающую руку и прижималъ ее къ груди, а полуоткрытые глаза устремлялъ на своего благодѣтеля.

Къ сожалѣнію отъ этого миленькаго животнаго въ комнатѣ всегда бываетъ какой-то непріятный запахъ. Замѣчательно, что этотъ лорисъ лазаетъ и задомъ, т. е. головою внизъ, какъ показано на стр. 290, чего не дѣлаетъ никакое животное.

ДЛИННОНОГІЯ ПОЛУОБЕЗЪЯНЫ.

Macrotarsi. — *Langfüszer.*

У длинноногихъ полуобезъянъ тѣло довольно дородное и члены крѣпкіе; бедра длиннѣе голеней; на всѣхъ четырехъ членахъ по большому пальцу, который по произволу можетъ сближаться со всѣми другими. Ногти на всѣхъ пальцахъ плоскіе, за исключеніемъ указательнаго, а изрѣдка также и средняго, которые снабжены когтями. Голова круглая, рыло тупое, уши довольно длинныя и безволосыя, какъ у летучихъ мышей; глаза расположены въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга.

Длинноногія полуобезъяны, за исключеніемъ одного вида, водятся на островѣ Мадагаскарѣ въ Африкѣ, гдѣ онѣ обыкновенно попарно, а иногда и шайками, живутъ въ большихъ лѣсахъ на деревьяхъ. Днемъ онѣ скрываются между густыми вѣтвями или въ дуплахъ, а съ наступленіемъ сумерекъ оставляютъ свои убѣжища и отправляются искать маленькихъ птицъ и яйца; фруктами онѣ впрочемъ также не пренебрегаютъ. Онѣ лазаютъ почти также проворно и ловко, какъ бѣлки, и даже способны дѣлать значительные прыжки. Во время сна уши у нихъ свертываются, какъ это бываетъ

у нѣкоторыхъ летучихъ мышей, но тѣмъ не менѣе отъ ихъ слуха не ускользаетъ даже самый малѣйшій шумъ.

Относительно умственныхъ способностей длинноногія полуобезъяны нисколько не отличаются отъ другихъ полуобезъянъ. Ума въ нихъ особеннаго незамѣтно. Онѣ, правда, кротки и миролюбивы и даже легко дѣлаются ручными, но всегда остаются равнодушны къ своимъ прислужникамъ.

Самки приносятъ по одному или по два дѣтеныша въ дуплахъ, или въ гнѣздахъ, которыя онѣ устраиваютъ себѣ на вѣтвяхъ и выстилаютъ мягкою травою.

Обыкновенный галаго или **моголи**.

Otolicnus galago. — Der gemeine Galago.

У этого чрезвычайно красиваго животнаго тѣлосложеніе дородное и члены довольно крѣпкіе. Тѣло его равняется семи, а хвостъ девяти дюймамъ. Шерсть у него короткая, но густая и мягкая какъ шелкъ; цвѣта она въ верхней части тѣла свѣтлосѣраго, на головѣ и на спинѣ красноватаго, а на животѣ желтоватобѣлаго. Уши безволосыя и цвѣтомъ они смахиваютъ на мясо. Хвостъ оканчивается кистью.

Галаго или моголи встрѣчаютъ во многихъ странахъ Африки. Адансону онъ попадался въ лѣсахъ королевства Галама у рѣки Сенегала; позднѣйшіе путешественники видѣли его въ Мозамбикѣ, на мысѣ Доброй Надежды и въ Суданѣ, также въ Кордофанѣ.

По ночамъ галаго бодрствуетъ, а подъ утро, когда уже совершенно дѣлается свѣтло, онъ ложится спать. Вскорѣ послѣ просыпанія онъ издаетъ особые звуки, похожіе на ду, ту, джу.

На галаго очень похожа другая полуобезъяна, извѣстная подъ именемъ ***малорослаго макиса*** (*microcebus s. oto-*

Галаго или моголи и малорослый макисъ.

licnus minor.—Der Zwergmaki), см. стр. 295. Животное это величиною своею не превышаетъ маленькую крысу, потому что оно всего пять съ половиною дюймовъ длиною, а хвостъ его равняется шести дюймамъ; шерсть у него такого же цвѣта какъ у мышей. Малорослый макисъ водится на Мадагаскарѣ и ведетъ такой же образъ жизни, какъ и ночныя обезъяны, т. е. днемъ спитъ, а ночью бодрствуетъ и прыгаетъ съ одного дерева на другое. Въ плѣну его можно кормить сочными плодами.

Въ новѣйшее время (1859 г.) открыли еще одного малорослаго макиса, который величиною съ обыкновенную мышь и который водится тамъ же, гдѣ и самая большая изъ всѣхъ обезъянъ—горила: Англійскій миссіонеръ Томсонъ, во время пребыванія своего въ Иконето, близъ рѣки Калабара, въ Гвинеѣ, первый нашелъ такого макиса и долго держалъ его у себя. Это маленькое животное скоро сдѣлалось ручнымъ и довѣрчивымъ, и свободно бѣгало у своего хозяина въ комнатѣ. Самымъ любимымъ мѣстомъ его былъ рукавъ сюртука миссіонера или его шея между бакенбардами и воротникомъ. Томсонъ утверждаетъ, что ему никогда не случалось видѣть болѣе красиваго животнаго. Когда маленькій макисъ издохъ, миссіонеръ отослалъ его въ Лондонъ къ Муррею, который его описалъ и назвалъ *otolicnus murinus*, *мышеобразнымъ макисомъ*, der Mäusemaki. Дѣйствительно, онъ не только величиною, но и цвѣтомъ очень похожъ на мышь.

Макисъ-домовой.

Tarsius spectrum.—Der Koboldmaki.

Макисъ-домовой водится на молукскихъ островахъ, въ Азіи; на островѣ Суматрѣ его называютъ *синга-поа*, т. е. маленькимъ львомъ, потому что по существующимъ тамъ преданіямъ онъ въ прежнія времена по виду, величинѣ и силѣ равнялся льву и только въ новѣйшее время сдѣлался такимъ маленькимъ и слабенькимъ животнымъ. Вѣроятно вслѣдствіе этого преданія туземные жители до сихъ поръ еще боятся этого безвреднаго существа и предсказываютъ вѣрное несчастіе тому, у кого оно показывается; они даже не обработываютъ тѣхъ полей, на которыхъ побывалъ макисъ-домовой.

Эта полуобезъяна всего пять или шесть дюймовъ длиною, а хвостъ ея равняется девяти дюймамъ. Шерсть у нея короткая, мягкая и желтоватобуросѣраго цвѣта. Уши средней величины, непокрыты волосами и также могутъ свертываться. Она водится среди самыхъ густыхъ лѣсовъ, гдѣ днемъ спитъ, а ночью прыгаетъ по вѣтвямъ; въ пищу она употребляетъ дикіе плоды, почки и насѣкомыхъ. Самки ражаютъ только по одному дѣтенышу. Въ плѣну макисъ-домовой выказываетъ много добродушія и довѣрчивости.

Макисъ домовой.

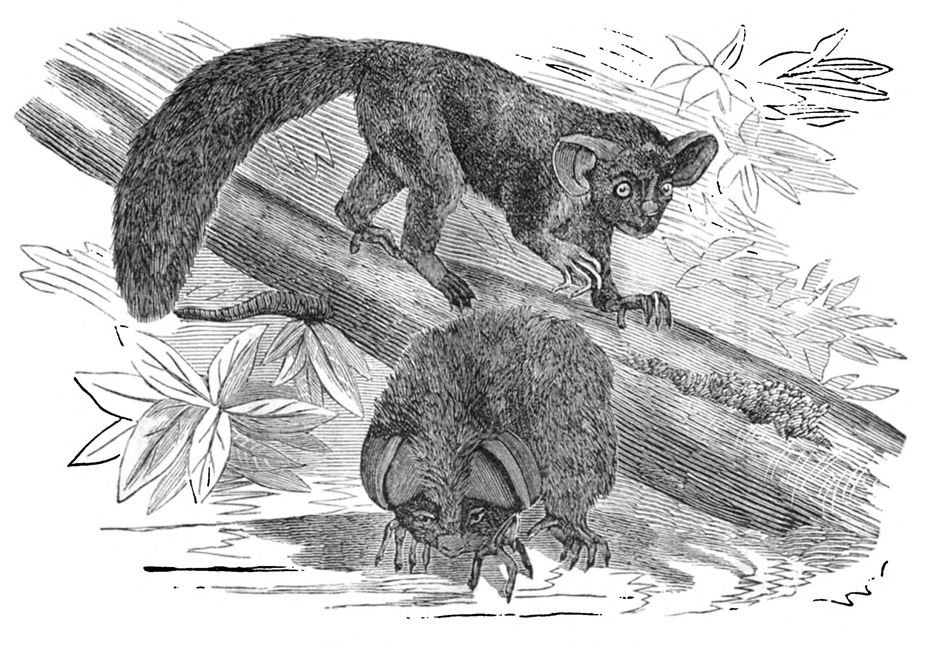
Пальценогая полуобезьяна.

Айе-Айе.

Psilodactylus s. Chiromys madagascarensis.—Das Fingerthier oder Aye-Aye.

У пальценогой полуобезьяны на каждомъ членѣ по пяти пальцевъ, которые на переднихъ членахъ очень длинны и нѣсколько кривы, вслѣдствіе чего она не можетъ скоро ходить. Ногти у нея также кривые. Два передніе сустава средняго пальца длинны, тонки и безъ волосъ; она пользуется ими, чтобы доставать изъ расщелинъ деревьевъ червей и насѣкомыхъ. На четырехъ пальцахъ заднихъ членовъ у нея когти, а на пятомъ, большомъ пальцѣ плоскій ноготь, какъ у человѣка. Уши у нея длинныя, плоскія и широкія, притомъ черныя, гладкія и блестящія и на наружной сторонѣ покрыты длинными волосами. Шерсть короткая, мягкая и блѣднобѣлаго цвѣта. Хвостъ плоскій и покрытъ длинными волосами, которые отъ корня до средины бѣлаго, а отъ средины до верхушки чернаго цвѣта.

Днемъ эта обезьяна ничего не видитъ: глаза у нея красноватые и взглядъ пристальный, какъ у совы. Она очень

Пальценогая полуобезьяна.

лѣнива, а этимъ вѣроятно объясняется и кротость ея. Естествоиспытатель Соннератъ держалъ у себя самца и самку, которые однакожъ прожили у него только два мѣсаца. Онъ кормилъ ихъ вареннымъ рисомъ, и они при ѣдѣ употребляли свои тонкіе пальцы переднихъ членовъ, какъ китайцы свои палочки. Они были робки, очень любили теплоту, и потому всегда спали вмѣстѣ и лежали неподвижно; только съ трудомъ иногда удавалось разбудить ихъ. Они даже не переносятъ лучей свѣчи, и только въ совершенной темнотѣ начинаютъ оживляться.

Въ Лондонѣ съ августа 1862 г. держатъ одну пальценогую полуобезъяну, которая довольно сердита и кусается; ее кормятъ единственно молокомъ и тертыми желтками вареныхъ яицъ. Эту жидкую пищу она беретъ въ ротъ обѣми руками; отъ мясной же пищи упорно отказывается.

КОЖЕКРЫЛЫЯ ИЛИ ЛЕТУЧІЯ ПОЛУОБЕЗЪЯНЫ.

Кожекрылые, шерстокрылые или летучіе макисы.

Galeopithecus.—Die Pelzflatterer.

Каждый разъ, когда приходится сравнивать различныя произведенія всѣхъ трехъ царствъ природы (животнаго, растительнаго и минеральнаго), все болѣе и болѣе убѣждаешься въ той, давно извѣстной и непреложной истинѣ, что природа не любитъ рѣзкихъ скачковъ, и что если она въ своей безпрерывной дѣятельности постоянно стремилась и стремится создавать многоразличныя существа, то не иначе какъ съ соблюденіемъ строгой послѣдовательности. И дѣйствительно, даже отдѣльные разряды одного и того же царства не рѣзко отличаются другъ отъ друга, потому что въ каждомъ изъ нихъ непремѣнно находятъ хотя одинъ видъ, который служитъ переходомъ къ какому нибудь виду слѣдующаго разряда, т. е. заключаетъ въ себѣ признаки, свойственные частью одному и частью другому классу. Что касается до кожекрылыхъ полуобезъянъ, то онѣ составляютъ переходную

степень, т. е. нѣчто среднее между полуобезъянами и рукокрылыми или летучими мышами.

Кожекрылая полуобезъяна величиною съ кошку; тѣлосложеніе у нея стройное; члены средней величины и соединены между собою широкими, толстыми, съ обѣихъ сторонъ волосами обросшими перепонками. На членахъ по пяти пальцевъ, снабженныхъ когтями, которые она по произволу можетъ втягивать и выпускать. Большой палецъ не можетъ сближаться съ другими пальцами. Хвостъ коротокъ и соединенъ съ летательною перепонкою. Голова сравнительно маленькая, рыло удлиненное. Глаза довольно большіе, уши маленькіе и безволосые; на каждой грудной железѣ по два соска. Видовъ, на которые раздѣляются всѣ кожекрылыя полуобезъяны, очень немного (по однимъ два, по другимъ три), и всѣ они отличаются другъ отъ друга почти только величиною и цвѣтомъ. Потому намъ достаточно описать одинъ видъ, а именно обыкновеннаго или краснаго летучаго макиса.

Обыкновенный или **красный летучій макисъ.**

Galeopithecus rufus s. volans.—Der gemeine oder rothe Flattermaki.

Длина летучаго макиса равняется одному футу и десяти дюймамъ, изъ которыхъ четыре дюйма приходятся на хвостъ; а ширина, считая отъ одного края летательной перепонки до другой, около двухъ футовъ. Шерсть у него на спинѣ густая, на передпихъ частяхъ членовъ рѣдкая, а на плечахъ и на бокахъ ея вовсе нѣтъ. Взрослые макисы цвѣта бурокраснаго; у молодыхъ же спина буроватосѣраго, а бока темнобураго цвѣта.

Летучій макисъ, а равно и всѣ другія сродныя съ нимъ кожекрылыя полуобезъяны, водятся на зондскихъ, молукскихъ и филипинскихъ островахъ, также на полуостровѣ Малаккѣ и на мелкихъ близлежащихъ островахъ.

Летучіе макисы принадлежатъ къ ночнымъ животнымъ. Днемъ нерѣдко случается видѣть, какъ большія массы этихъ полуобезъянъ висятъ, на густыхъ деревьяхъ, держась за вѣтки задними ногами. По наступленіи же ночи они просыпаются и измѣняютъ свое положеніе, т. е. хватаются за вѣтвь и пе-

редними членами, причемъ тѣло все таки еще остается на вѣсу; затѣмъ они начинаютъ чистить себѣ кожу и по окончаніи этой операціи отправляются бродить по дереву съ цѣлью отыскивать себѣ насѣкомыхъ и плоды. Путешествія эти обыкновенно совершаются снизу вверхъ; забравшись на самую верхушку, они обыкновенно перелетаютъ въ косомъ направленіи, сверху внизъ, на другое дерево.

Въ то время, когда макисъ ходитъ или лазаетъ, летательная перепонка у него нѣсколько складывается и прижимается къ тѣлу, такъ что она нисколько не мѣшаетъ движеніямъ животнаго. Если же ему хочется воспользоваться летательною перепонкою, то оно предварительно забирается на самый кончикъ сука, потомъ соскочивъ съ него, вытягиваетъ всѣ свои члены, а вмѣстѣ съ ними и летательную перепонку, и такимъ образомъ медленно пролетаетъ по косому направленію, сверху внизъ, нерѣдко около двухъ сотъ футовъ. Впрочемъ онъ можетъ летать только сверху внизъ, а если хочетъ подняться вверхъ, то долженъ лазать по вѣтвямъ деревьевъ.

Летучіе макисы добродушныя, кроткія и безвредныя животныя. Они даже не обороняются въ то время, когда на нихъ нападаютъ. Между собою они живутъ очень мирно.

Самки приносятъ по два дѣтеныша, которые вскорѣ послѣ рожденія прицѣпляются къ груди своей матери; послѣдняя обходится съ ними очень нѣжно и всюду носитъ ихъ при себѣ.

Туземные жители постоянно охотятся за летучими макисами, потому что охотно ѣдятъ ихъ мясо, которое европейцы, напротивъ того, находятъ отвратительнымъ.

О жизни плѣнныхъ макисовъ еще нѣтъ достаточныхъ свѣденій.

РУКОКРЫЛЫЯ ЖИВОТНЫЯ.

РУКОКРЫЛЫЯ ЖИВОТНЫЯ ([1]).

Летучія мыши.

Chiroptera. — Die Flatterthiere oder Handflügler.

Въ хорошіе ясные дни, по вечерамъ, когда послѣдніе лучи солнца озаряютъ уже только одинъ горизонтъ, взору наблюдателя представляется особенный разрядъ живыхъ существъ, которыя огромными массами вылезаютъ изъ всѣхъ разсѣлинъ, полостей и отверстій, гдѣ они скрывались отъ солнечнаго свѣта въ теченіе цѣлаго дня. Къ вечеру, во время сумерекъ, число этихъ существъ все болѣе и болѣе увеличивается, такъ что съ наступленіемъ ночи, они уже всѣ суетятся по воздуху. Обладая органами, свойственными частью млекопитаю-

---

([1]) Такъ какъ мы намѣрены издавать очерки жизни всѣхъ существъ животнаго царства, то здѣсь должны приступить къ описанію летучихъ мышей, слѣдующихъ непосредственно послѣ обезъянъ.

щимъ животнымъ и частью птицамъ, они составляютъ одинъ изъ замѣчательныхъ переходныхъ разрядовъ, служащихъ соединительнымъ звеномъ длинной цѣпи разнородныхъ существъ животнаго царства. Этотъ разрядъ животныхъ извѣстенъ въ наукѣ подъ названіемъ *рукокрылыхъ*, а въ общежитіи подъ названіемъ *летучихъ* мышей. Но у насъ извѣстны только нѣкоторые виды этой породы, потому что большая часть изъ нихъ водится въ южныхъ странахъ земнаго шара.

Чѣмъ ближе подвигаемся къ жаркому поясу, тѣмъ больше видимъ въ воздухѣ летучихъ мышей, и тѣмъ разнообразнѣе становятся виды ихъ. Югъ можно считать настоящею родиною этого разряда животныхъ: Италія, Греція и Испанія уже изобилуютъ летучими мышами. Тамъ они къ ночи тысячами оставляютъ свои дневныя убѣжища, такъ что почти наполняютъ собою воздухъ. Изъ каждаго дома, изъ каждаго стараго зданія, изъ каждой полости утеса, ихъ вылетаетъ такое множество, что смотря на нихъ можно подумать, что это—огромное ополченіе, собирающееся въ походъ. Въ жаркихъ странахъ, масса летучихъ мышей еще поразительнѣе: тамъ онѣ просто заслоняютъ собою звѣздное небо.

Летучія мыши преимущественно отличаются своимъ наружнымъ видомъ. У нихъ вообще дородное тѣлосложеніе, короткая шея и толстая, продолговатая голова съ широкимъ ртомъ. Общимъ впечатлѣніемъ онѣ напоминаютъ обезьянъ, и подобно имъ имѣютъ на каждой железѣ по два грудные соска, но въ сущности онѣ значительно отличаются отъ нихъ. Руки у нихъ служатъ летательными органами, и потому онѣ громадной величины въ сравненіи съ тѣломъ, которое вообще очень мало. Благодаря своимъ широкимъ крылоподобнымъ рукамъ, онѣ кажутся большими, между тѣмъ какъ въ дѣй-

ствительности онѣ принадлежатъ къ самымъ мелкимъ млекопитающимъ животнымъ

Тѣлосложеніе этихъ животныхъ очень замѣчательно, особенно же строеніе рукъ ихъ. Плечо и предплечіе у нихъ очень длинныя, точно также, какъ и пальцы рукъ, преимущественно задніе три, которые длиннѣе самаго плеча. При такомъ устройствѣ они годны для расширенія соединяющей ихъ летательной перепонки, но за то не могутъ служить для другой цѣли. Только большой палецъ, который не участвуетъ въ образованіи летательнаго органа, имѣетъ нѣкоторое сходство съ пальцами другихъ млекопитающихъ животныхъ: онъ довольно коротокъ, состоитъ изъ двухъ суставовъ и снабженъ мощнымъ когтемъ, который при лазаніи и прицѣпленіи къ вѣтви долженъ замѣнять имъ всю руку. На ногахъ у нихъ также по пяти пальцевъ съ когтями. Отъ пятки идетъ особая кость, которая встрѣчается у однѣхъ летучихъ мышей, и которая служитъ имъ для напряженія перепонки, простирающейся отъ хвоста до этой кости. Мышцы у нихъ крѣпкія, и одна изъ нихъ, которой не бываетъ ни у какихъ млекопитающихъ животныхъ и которая однимъ концомъ прикрѣпляется къ черепу, а другимъ къ рукѣ, содѣйствуетъ напряженію летательной перепонки.

Когда летучая мышь хочетъ расширить свою летательную перепонку и вспорхнуть на воздухъ, она сперва зацѣпляется когтями заднихъ ногъ за какой-нибудь высокій предметъ, такъ чтобы ей приходилось висѣть головою внизъ, и затѣмъ уже начинаетъ готовиться къ полету. Съ земли ей гораздо труднѣе подыматься на воздухъ: расправивъ свою летательную перепонку, она всегда должна нѣсколько разъ прискакивать, и притомъ до тѣхъ поръ, пока ей не удастся удержаться на

воздухѣ. Но долго летать летучія мыши не могутъ: онѣ скоро утомляются и потому часто отдыхаютъ.

Впрочемъ руки помогаютъ летучимъ мышамъ не только порхать въ воздухѣ, но также бѣгать по поверхности земли и лазать по деревьямъ. Но во время ходьбы онѣ не способны дѣлать такіе ловкіе повороты и движенія, какъ на лету. На заднихъ членахъ онѣ вовсе не могутъ стоять, какъ потому, что передняя часть тѣла тяжелѣе задней, такъ и потому, что задніе члены вообще довольно слабы. Однакожъ они достаточно крѣпки для того, чтобы держать тѣло на вѣсу не только цѣлый день, но и въ теченіе всего зимняго сна (который нерѣдко продолжается цѣлые четыре мѣсяца), такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ спятъ не иначе, какъ повиснувъ задними членами на суку.

Летательная перепонка состоитъ изъ двухъ пластинокъ, изъ которыхъ одна есть продолженіе спинной кожи, а другая продолженіе кожи живота. Въ новѣйшее время въ ней открыли эластическую плеву, посредствомъ которой совершается питаніе всей летательной перепонки. Гибкость этой послѣдней поддерживается сильно-пахучею маслистою жидкостью, которая отдѣляется изъ желтыхъ, сплюснутыхъ железъ, находящихся на лицѣ, между носовыми полостями и глазами. Этою жидкостью онѣ смазываютъ себѣ летательную перепонку каждый разъ когда просыпаются, а также непосредственно передъ тѣмъ, какъ имъ надо летѣть.

Всѣ летучія мыши днемъ спятъ, а ночью бодрствуютъ. Большая часть изъ нихъ выходятъ изъ своихъ убѣжищъ только по наступленіи сумерекъ и забирается туда обратно далеко до восхода солнца; нѣкоторые виды, однакожъ, показываются гораздо раньше (иные уже между третьимъ и пя-

тымъ часомъ) и весело порхаютъ по воздуху, не смотря на яркій солнечный свѣтъ. Каждый видъ летучихъ мышей охотится за насѣкомыми въ особыхъ мѣстахъ: одинъ въ лѣсахъ, другой въ овощныхъ садахъ, третій въ аллеяхъ, на улицахъ, около береговъ рѣкъ и т. д., но рѣдко на открытыхъ поляхъ, такъ какъ тамъ бываетъ вообще мало насѣкомыхъ. Въ болѣе же обработанныхъ южныхъ странахъ онѣ зачастую порхаютъ также по рисовымъ и маисовымъ полямъ, потому что тамъ всегда находятъ любимую свою пищу — насѣкомыхъ.

Днемъ летучихъ мышей не видать, потому что онѣ скрываются въ разныхъ мѣстахъ: у насъ въ дуплахъ деревьевъ, пустыхъ домахъ, рѣже въ разсѣлинахъ утесовъ или полостяхъ. На югѣ многіе виды выбираютъ себѣ для ночлега густыя вѣтви деревьевъ, но большая часть спитъ въ полостяхъ горъ, въ старыхъ развалинахъ, покинутыхъ храмахъ и т. п. Иногда летучія мыши забираются также въ домовыя трубы.

Иныя летучія мыши живутъ дружно между собою, другія, напротивъ того, пожираютъ другъ друга.

Въ пищу летучія мыши употребляютъ плоды, насѣкомыхъ, а иногда и позвоночныхъ животныхъ, также кровь, которую онѣ очень искусно высасываютъ у большихъ животныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ очень полезны для человѣка въ томъ отношеніи, что истребляютъ множество мухъ, комаровъ и т. д.; а другія напротивъ того вредны, особенно тѣ, которыя сосутъ кровь и ѣдятъ плоды.

Какъ только начинаются холода, всѣ летучія мыши мало по малу скрываются и засыпаютъ на всю зиму. Для такого продолжительнаго сна онѣ отыскиваютъ себѣ такія убѣжища, въ которыхъ вліяніе суровой погоды бываетъ менѣе

чувствительно, а именно пещеры, погреба, теплыя крыши, стропила, проходящія близъ домовыхъ трубъ, и т. п. Въ этихъ мѣстахъ онѣ нерѣдко поселяются цѣлыми сотнями, и уцѣпившись тамъ когтями заднихъ членовъ за какое нибудь выдающееся мѣсто, прижимаются другъ къ другу, какъ можно плотнѣе. Въ одномъ и томъ же убѣжищѣ иногда сходятся разнородные виды, даже такіе, которые обыкновенно не ладятъ между собою. Во время зимняго сна температура крови (которая при нормальномъ состояніи равняется у нихъ 24³/₄ градусамъ Реомюра) значительно понижается и нерѣдко упадаетъ даже до четырехъ градусовъ, вслѣдствіе чего тѣло ихъ начинаетъ цѣпенѣть. Когда же холодъ до того усиливается, что кровь уже не можетъ противодѣйствовать ему, то летучія мыши просыпаются и начинаютъ шевелиться. Нерѣдко онѣ дѣйствительно и замерзаютъ. Во время продолжительнаго холода онѣ висятъ совершенно неподвижно, но въ теплые зимніе дни, онѣ нѣсколько шевелятся, а иныя при оттепели даже вылетаютъ, не взирая на снѣгъ. Въ то время, когда онѣ пробуждаются, теплота крови у нихъ замѣтно усиливается. Весною иныя показываются раньше, а другія позже, но мелкіе виды обыкновенно прежде большихъ оставляютъ свои убѣжища.

Спустя нѣсколько недѣль послѣ пробужденія отъ зимняго сна летучія мыши начинаютъ жить попарно, т. е. самецъ съ самкою, съ цѣлью предаться удовольствіямъ любви. Съ громкимъ чириканіемъ самцы гоняются за самками и дѣлаютъ съ ними разныя проказы. Половое же сближеніе у нихъ совершается вѣроятно безъ свидѣтелей и въ самыхъ сокровенныхъ жилищахъ, потому что до сихъ поръ еще никто не видалъ ихъ тѣснаго сближенія. Но послѣ этого сближенія всякое дружеское сношеніе между обоими по-

лами прекращается: беременныя самки сходятся вмѣстѣ въ общихъ убѣжищахъ, а самцы разсѣиваются и живутъ большею частью отдѣльно, нерѣдко даже въ совершенно другихъ мѣстностяхъ. До сихъ поръ никому изъ естествоиспытателей, наблюдавшихъ за летучими мышами, не случалось видѣть, чтобы въ убѣжищахъ, заключавшихъ въ себѣ даже нѣсколько дюжинъ беременныхъ самокъ, находился хотя одинъ самецъ.

На пятой или на шестой недѣлѣ беременности самки приносятъ плодъ своихъ любовныхъ сношеній. Во время родовъ роженица, противъ обыкновенія, вѣшается на сукъ, ухватившись за него когтями обоихъ большихъ пальцевъ рукъ, и при этомъ загибаетъ хвостъ вмѣстѣ съ летательною перепонкою къ животу своему, вслѣдствіе чего образуется родъ мѣшка для воспріятія дѣтеныша. Тотчасъ послѣ родовъ мать разгрызаетъ у новорожденнаго пуповину и затѣмъ облизываетъ его, послѣ чего послѣдній прицѣпляется къ грудямъ родительницы и принимается сосать. У нѣкоторыхъ видовъ близъ половыхъ частей есть два короткіе, соскообразные придатка, за которые маленькіе во время родовъ хватаются, чтобы не упасть, такъ какъ роженица загибаетъ хвостъ къ спинѣ и слѣдовательно не образуетъ имъ мѣшка, какъ это дѣлаютъ самки другихъ видовъ. Позднѣе и эти дѣтеныши приближаются къ грудямъ и начинаютъ сосать.

Своихъ дѣтенышей летучія мыши носятъ при себѣ еще тогда, когда они уже сами могутъ порхать. Въ пять или шесть недѣль дѣтеныши уже достигаютъ своей настоящей величины, и тогда самцы опять впускаются въ убѣжища самокъ. Большая часть летучихъ мышей отличается чрезвычайною развитостью чувствъ. Такъ напр. нѣкоторымъ изъ нихъ налепляли на глаза пластырь и давали летать по комнатѣ, въ

которой нарочно, по разнымъ направленіямъ, были протянуты нитки, но не смотря на то, онѣ летали очень свободно и избѣгали всѣхъ препятствій. Слѣдовательно нѣтъ сомнѣнія, что у нихъ другія чувства (слухъ, обоняніе) могутъ замѣнять чувство зрѣнія.

Иныя летучія мыши выказываютъ нѣкоторую степень ума. Такъ напр. Коленати разсказываетъ, что онъ видѣлъ, какъ одна летучая мышь, охотившаяся въ липовой аллеѣ за мелкими животными, пощадила одну бабочку—самку, потому что ей гораздо выгоднѣе было переловить по одиночкѣ всѣхъ самцевъ, которыхъ та привлекала къ себѣ. При хорошемъ содержаніи онѣ даже дѣлаются ручными. Когда развѣшиваютъ удочки съ насѣкомыми для того, чтобы ловить ихъ, надо тщательно скрывать нитки, на которыхъ висятъ опасные для нихъ крючки, иначе онѣ не станутъ хватать приготовленныхъ имъ насѣкомыхъ, хотя бы даже были очень голодны.

Многіе утверждаютъ, будто летучія мыши имѣютъ наклонность вцѣпляться въ волоса женщинъ; но это совершенно несправедливо, и вѣрить такимъ сказкамъ могутъ только люди, никогда не занимавшіеся естественною исторіею.

Число извѣстныхъ нынѣ видовъ летучихъ мышей чрезвычайно велико; ихъ насчитываютъ до двухъ сотъ пятидесяти, изъ которыхъ на долю Европы приходится не больше тридцати. Мы здѣсь ограничимся только описаніемъ нѣкоторыхъ видовъ летучихъ мышей.

КРЫЛАНЫ.

Плодоядныя летучія мыши.

Pteropus.—Fruchtfressende Fledermäuse.

Всѣ принадлежащія къ этой породѣ летучія мыши водятся въ болѣе теплыхъ странахъ стараго свѣта, а именно въ восточной Африкѣ и южной Азіи. Въ древнія времена невѣжественные люди смотрѣли на этихъ невинныхъ животныхъ какъ на страшныхъ чудовищъ, настоящихъ вампировъ, которые ночью во время сна высасываютъ у людей кровь. Ихъ даже причисляли къ проклятымъ, нечистымъ духамъ.

Тѣлосложеніе у крылановъ такое же какъ и у всѣхъ летучихъ мышей, и все отличіе ихъ отъ прочихъ заключается въ томъ, что они больше и что голова у нихъ особаго устройства, т. е. походитъ скорѣе на собачью или лисью голову, вслѣдствіе чего крылановъ иногда называютъ также летучими собаками или лисицами. Наконецъ они отличаются еще тѣмъ, что у нихъ снабженъ когтемъ не только большой палецъ, но и указательный, и что уши у нихъ безъ клапановъ.

Крыланы водятся преимущественно въ темныхъ лѣсахъ, гдѣ они днемъ висятъ на деревьяхъ, и нерѣдко огромными массами. Иногда они впрочемъ скрываются также въ полостяхъ деревьевъ. Въ мрачныхъ лѣсахъ они часто порхаютъ даже днемъ, но дѣятельная жизнь ихъ начинается обыкновенно съ наступленіемъ сумерекъ. Они чрезвычайно скоро отыскиваютъ плодовыя деревья, а часто забираются также въ виноградники и опустошаютъ какъ тѣ, такъ и другіе, причемъ всегда подымаютъ сильный шумъ. Выстрѣловъ они ночью не боятся, и потому плодовыя деревья можно ограждать отъ этихъ похитителей только сѣткою или плетенкою. Иногда они предпринимаютъ большія путешествія.

Днемъ они чрезвычайно боязливы и при видѣ чего нибудь подозрительнаго тотчасъ же обращаются въ бѣгство. Появленіе хищной птицы производитъ въ нихъ сильное волненіе, а сильный громъ приводитъ ихъ въ замѣшательство. Они немедленно бросаются на земь, и разбѣгаются во всѣ стороны, затѣмъ опять взбираются по чему ни попало (по лошадямъ, даже людямъ), на высокое мѣсто, чтобы оттуда вспорхнуть на воздухъ и перелетѣть на другое, болѣе безопасное мѣсто; крыланы, какъ извѣстно, взлетать прямо съ земли не могутъ, а потому они всегда должны прежде забираться на возвышенное мѣсто. Ночью они высоко не подымаются, днемъ же, вслѣдствіе своей боязливости, забираются иногда на нѣсколько сотъ футовъ въ высоту. По землѣ они бѣгаютъ довольно проворно. Они много кричатъ, и крикъ ихъ сильно смахиваетъ на гоготаніе гусей.

Самки ражаютъ разъ въ годъ, по одному или по два дѣтеныша, которые прицѣпляются къ грудямъ матери, и которыхъ послѣдняя носитъ при себѣ даже во время полета.

Въ плѣну они дѣлаются кроткими уже спустя нѣсколько дней, и легко привыкаютъ къ тѣмъ, которые за ними ухаживаютъ, даже выказываютъ имъ извѣстную степень привязанности. Они берутъ у нихъ кормъ прямо изъ руки, которую иногда облизываютъ, подобно собакамъ. На свободѣ, когда ихъ ловятъ или подстрѣливаютъ, они кусаются. Ихъ можно кормить вареньмъ рисомъ, хлѣбомъ и сахарнымъ тростникомъ. Мясо этихъ летучихъ мышей туземные жители употребляютъ въ пищу. Кожею ихъ также можно воспользоваться, для одежды.

Индусы считаютъ ихъ священными существами и приходятъ въ ярость, когда кто нибудь осмѣливается стрѣлять въ нихъ.

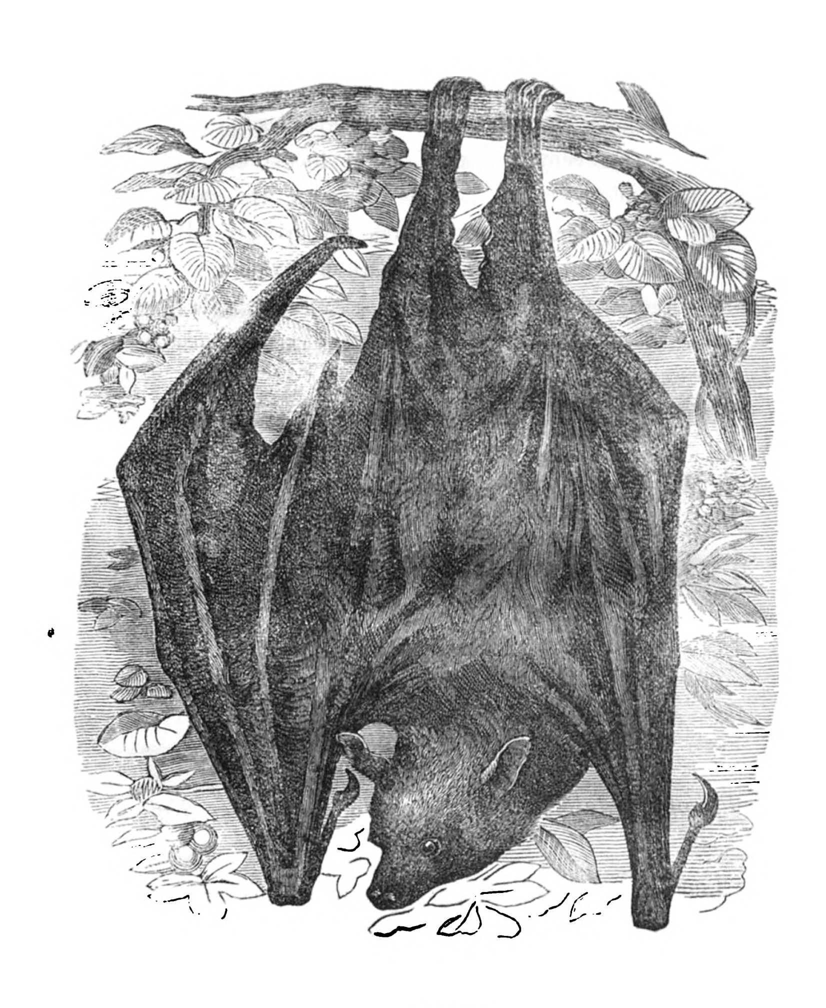
Калонгъ.

Летучая собака или съѣдный крыланъ.

Pteropus edulis.—Der fliegende Hund oder Kalong.

Длина его равняется 1¹/₄ фута, а ширина пяти футамъ и больше. Тѣло у него продолговатое, шерсть жесткая (только у старыхъ калонговъ), и на спинѣ густая, а на животѣ рѣдкая. Рыло у него какъ у собаки, уши длинные, острые и безъ волосъ. Хвоста у нихъ вовсе нѣтъ. Кожа вообще темнобураго цвѣта, а у молодыхъ она нѣсколько свѣтлѣе.

Калонги водятся на индійскихъ островахъ, преимуще-

Калонгъ.

ственно на Явѣ, Суматрѣ, Бандѣ и Тиморѣ, гдѣ они живутъ большею частью въ густыхъ лѣсахъ. Днемъ они висятъ на деревьяхъ, а ночью большими массами забираются во фруктовые сады, и быстро опустошаютъ всѣ деревья, такъ что для предохраненія отъ нихъ плодовъ ничего больше нельзя дѣлать какъ окружить деревья сѣткою. Обыкновенно одинъ изъ нихъ летитъ впередъ, а другіе слѣдуютъ за нимъ въ прямой линіи. Когда ихъ подстрѣливаютъ, они даже послѣ смерти еще остаются висѣть на деревѣ. Въ плѣну они оказываются добродушными животными и ѣдятъ всякаго рода плоды и даже мясо. Ихъ часто привозятъ въ Европу.

ГЛАДКОНОСЫЯ ЛЕТУЧІЯ МЫШИ.

Gymnorhina.—Glattnasen.

У этой породы летучихъ мышей носъ гладкій, безъ всякаго нароста. У иныхъ уши сходятся на макушкѣ, а у другихъ они напротивъ того разъединены; у первыхъ ноздри открываются надъ верхушкою рыла, у другихъ на самой послѣдней.

Эта порода распространена почти по всему земному шару, за исключеніемъ холодныхъ поясовъ. Число видовъ этой породы чрезвычайно значительно, особенно въ болѣе южныхъ странахъ. Ихъ стрѣчаютъ въ различныхъ мѣстностяхъ, но онѣ вообще предпочитаютъ мѣста темныя и уединенныя. Нѣкоторые виды живутъ въ лѣсахъ, гдѣ скрываются или въ дуплахъ или между листьями, другіе въ полостяхъ утесовъ или въ горныхъ ущельяхъ, а иные въ сводахъ старыхъ необитаемыхъ домовъ. Онѣ попадаются какъ въ гористыхъ и утесистыхъ, такъ и въ ровныхъ мѣстностяхъ, около лѣсовъ и озеръ, даже на берегахъ морей. Большею частью онѣ живутъ огромными массами, особенно во время зимняго сна; иногда въ одномъ зданіи находятъ ихъ цѣлыя сотни, даже

тысячи. Многія изъ этихъ летучихъ мышей живутъ между собою очень мирно и согласно. Всѣ онѣ чувствительны къ суровой и холодной погодѣ, а потому уже съ самой ранней осени удаляются въ свои зимнія убѣжища, изъ которыхъ выходятъ также не иначе какъ позднею весною. Нѣкоторыя порхаютъ по воздуху еще до наступленія сумерекъ, но большая часть показывается только во время сумерекъ и до перваго часа ночи; съ полуночи же до утра онѣ отдыхаютъ и затѣмъ опять дѣлаются дѣятельными. Летаютъ онѣ очень скоро, такъ что хищнымъ животнымъ рѣдко удается ловить ихъ. По землѣ онѣ ходятъ очень неловко, но за то превосходно умѣютъ лазать. Онѣ ѣдятъ только насѣкомыхъ. Голосъ ихъ состоитъ изъ свистящаго чириканія. Зрѣніе и обоняніе у нихъ не такъ сильно развиты, какъ слухъ и осязаніе. Самки приносятъ по одному или по два маленькихъ, которые прицѣпляются къ грудямъ матери, и которыхъ послѣдняя таскаетъ съ собою даже во время полета. Въ плѣну онѣ легко дѣлаются ручными и нерѣдко становятся очень довѣрчивыми.

Ушанъ обыкновенный.

Plecotus auritus.—Die gemeine Ohrenfledermaus.

Эта летучая мышь отличается преимущественно своими сравнительно длинными ушами. Изъ европейскихъ летучихъ мышей она самая большая, потому что длина ея три съ чет-

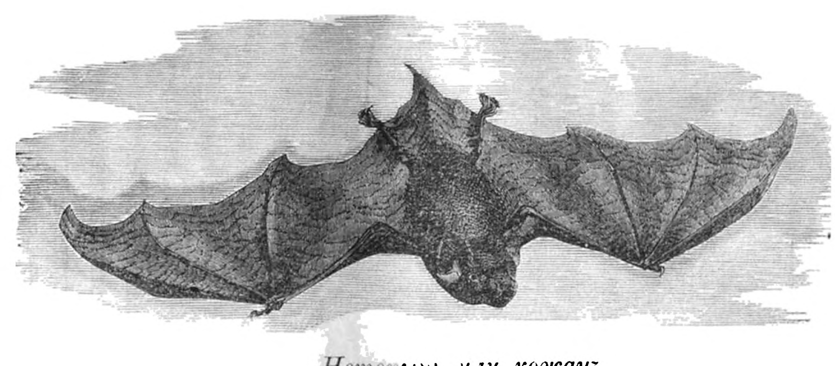
вертью дюйма, а ширина при растянутой летательной перепонкѣ девять дюймовъ; длина ушей ея равняется одному дюйму и четыремъ линіямъ. Зубовъ у нея тридцать шесть. Кожа вообще сѣроватобураго цвѣта, а на животѣ она нѣсколько свѣтлѣе.

Обыкновенный ушанъ водится во всей Европѣ, за исключеніемъ тѣхъ мѣстностей, которыя лежатъ за 60 градусомъ сѣверной широты. Кромѣ того встрѣчаютъ его также въ сѣверной Африкѣ, западной Азіи и Остъ-Индіи, но онъ всегда живетъ недалеко отъ людскихъ жилищъ. Онъ летаетъ довольно высоко, но не очень скоро.

Нетопырь или **Кожанъ**.

Vesperugo noctula. — Die frühfliegende Fledermaus.

Длина нетопыря равняется четыремъ дюймамъ съ половиною, а ширина вмѣстѣ съ летательными перепонками — четырнадцати дюймамъ. Шерсть у него красноватобураго цвѣта. Онъ распространенъ почти по всему земному шару, всегда показывается уже за нѣсколько часовъ до заката солнца, летаетъ довольно высоко и часто чрезвычайно ловко избавляется отъ нападенія хищныхъ птицъ. Нетопырь водится преимущественно въ лѣсахъ. Онъ обжорливѣе другихъ летучихъ мышей и распространяетъ довольно пронзительный запахъ. Зимній сонъ его крѣпкій и продолжительный. Самки обыкновенно ражаютъ по два дѣтеныша за разъ.

Нетопырь или кожанъ.

Копьеносы или **Листороты**.

Вампиры, Кровопійцы или Кровососы.

Phyllostoma. — Blattnasen oder Blutsauger.

Эта порода летучихъ мышей отличается отъ прочихъ преимущественно тѣмъ, что на носу у нихъ особенный наростъ, а на нижнемъ краю ушей вырѣзокъ. Она распространена по всѣмъ жаркимъ и умѣреннымъ странамъ земнаго шара, и виды ея попадаются вездѣ большими массами. Въ холодныхъ мѣстностяхъ вампировъ не встрѣчаютъ, потому что они очень чувствительны къ холоду и сырости.

Копьеносы, подобно всѣмъ другимъ летучимъ мышамъ, водятся въ лѣсахъ, въ дуплахъ, въ пещерахъ, утесахъ, развалинахъ зданій и подъ стропилами домовъ. Днемъ они спятъ, а ночью бодрствуютъ. Нѣкоторые изъ нихъ живутъ отдѣльно, а другіе большими массами. Иные летаютъ низко, но скоро, а другіе высоко, но за то медленнѣе. По землѣ они всѣ бѣгаютъ очень скоро. Въ пищу они большею частью употребляютъ насѣкомыхъ, но нѣкоторые виды ѣдятъ также плоды. Гоняясь за насѣкомыми, они нерѣдко проникаютъ даже въ жилыя комнаты. Многіе виды этой породы любятъ сосать кровь, и потому часто нападаютъ на птицъ и млекопитающихъ, даже на спящихъ людей. Зимній сонъ не у всѣхъ безпрерывный. Самки обыкновенно ражаютъ по два дѣтеныша. Съ ушанами они, по видимому, находятся въ по-

стоянной враждѣ, потому что они нерѣдко нападаютъ на спящихъ ушановъ и высасываютъ у нихъ кровь, а тѣ въ свою очередь съѣдаютъ ихъ, когда застаютъ ихъ спящими.

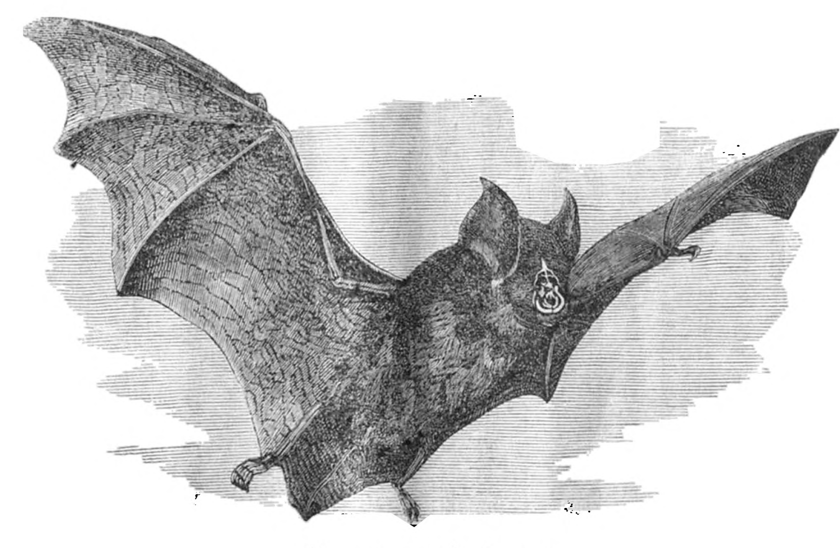
Къ этой породѣ между прочими принадлежитъ и *большой подковоносъ* (*rhinolophus ferrum-equinum, die grosze Hufeisennase*). Длина его тѣла два дюйма и двѣ линіи, длина хвоста его дюймъ и четыре линіи, ширина тѣла вмѣстѣ съ летательными перепонками равняется футу съ небольшимъ. Шерсть на немъ густая и длинная; у самцевъ она сѣроватаго, а у самокъ свѣтлокрасноватобураго цвѣта.

Большіе подковоносы водятся въ большей части умѣренныхъ и южныхъ странахъ Европы; ихъ впрочемъ встрѣчали также на Ливанѣ, въ Азіи. Они обыкновенно живутъ большими массами и часто начинаютъ показываться раннею осенью; зимою же рѣдко удается видѣть ихъ. Вечеромъ они довольно поздно выходятъ изъ своихъ убѣжищъ. Они летаютъ не очень высоко и не очень проворно.

Настоящіе *вампиры* водятся въ Америкѣ и отличаются толстою головою и длинною, толстою и тупою мордою; губы у нихъ снутри зубчатыя и оканчиваются бородавчатыми острыми краями; языкъ толстый и трудно высовывается наружу.

Большіе подковоносы водятся преимущественно въ южной Америкѣ и южныхъ странахъ сѣверной Америки.

Изъ всѣхъ ихъ наиболѣе замѣчателенъ такъ называемый *кровососный вампиръ* (*phyllostoma spectrum*). Это самый большой между бразильскими кровососами, потому что длина его тѣла равняется пяти дюймамъ съ половиною, а ширина его съ перепонками пятнадцати дюймамъ. Шерсть у него мягкая и нѣжная и сверху темнобураго, а снизу желто-

Большо[redacted]одковоносъ.

Кровососный вампиръ.

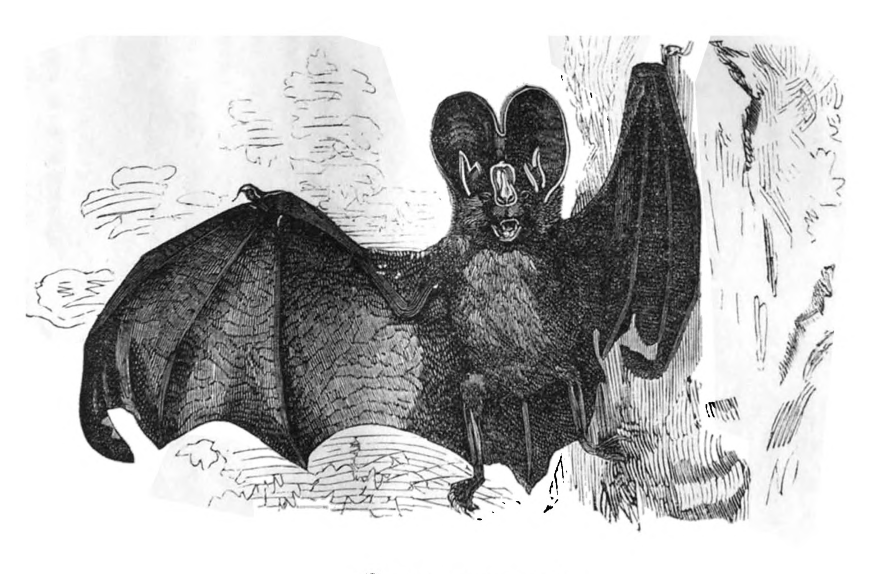
ватобураго цвѣта. Питается онъ преимущественно насѣкомыми, также плодами, а за неимѣніемъ насѣкомыхъ нападаетъ и на бо̀льшихъ животныхъ, особенно на птицъ и млекопитающихъ, и прокусивъ имъ кожу, насасывается ихъ кровью до сыта. Впрочемъ укушеніе вампировъ всегда бываетъ очень незначительно, такъ что не представляетъ никакой опасности ни для людей, ни для животныхъ. Туземные жители даже вовсе не остерегаются этихъ кровопійцъ, тѣмъ болѣе, что вампиры прибѣгаютъ къ крови только въ такихъ случаяхъ, когда не находятъ никакой другой пищи. Говорятъ, будто бы они во время высасыванія крови опахиваютъ прокушенныя мѣста своими крыльями, чтобы животныя не чувствовали боли и не помѣшали имъ. Бурмейстеръ считаетъ это чистою выдумкою туземныхъ жителей, и говоритъ, что вампирамъ удается сосать кровь только у спящихъ животныхъ.

Изъ многочисленныхъ видовъ летучихъ мышей замѣчательны еще слѣдующіе:

Великокожъ (*megaderma, die Ziernase*), который не только сосетъ кровь, но и пожираетъ маленькихъ лягушекъ.

Великокожъ-лира (*megaderma lyra, die Leiernase*), названный такъ потому, что у него носъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ лирою.

Египетскій нетопырь (*rhinopoma microphyllum, die egyptische Klappnase*), который въ особенности отличается своимъ длиннымъ, тонкимъ хвостомъ, состоящимъ изъ одиннадцати позвонковъ и далеко выдающимся изъ-за летательной перепонки. Этотъ видъ летучихъ мышей водится въ Египтѣ, гдѣ онъ попадается большими массами.

Великокожъ-лира.

СОДЕРЖАНІЕ.

—

Стран.

Стран.

РИСУНКИ.

—

Стран.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ОБЕЗЬЯНЪ И ЛЕТУЧИХЪ МЫШЕЙ.

—

Стран.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ РИСУНКОВЪ.
